

АЛЪЦІОНА

АЛЪМАНАХЪ

НА 1832^н ГОДЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1832.

А Л Ь Ц И О Н А

А Л Ь М А Н А Х Ъ

Н А 1832-й Г О Д Ъ.

ИЗДАНІЕ

Б А Р О Н О М Ъ Р О З Е Н О М Ъ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ Военной Типографіи Главнаго Штаба
ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА.

1832.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ шѣмъ, чшобы, по оппечашаніи, предспавлены были въ Ценсурный Комитетъ при экземпляра. С-Петербургъ, Ноября 20 дня, 1831 года.

Ценсоръ Василій Семеновъ.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

П Р О З А.

Стран.

Байсаго:

Бродящій огонь 153.

Колыванова:

Замъчательный госпъ 160.

Марлинскаго:

Военный Анпикварій 1.

Барона Розена:

Очищительная жертва 31.

Солова:

Борода Бѣльскаго 121.

Алкидъ въ колыбели 157.

Романъ въ двухъ письмахъ 191.

С — а:

Азимъ 131.

Шевырева:

Замъчанія, и пр: 113.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

	<i>Стран.</i>
<i>Б — а:</i>	
Свьшповидъ	35.
<i>Вердеревскаго (В. Е.)</i>	
Къ Маріи	99.
<i>Князя Вяземскаго (П. А.)</i>	
Къ * * *	83.
Вѣра и Софія.	95.
<i>Г — га (Н. И.)</i>	
Чепвероспишіе	67.
Медвѣдь	85.
<i>Жуковскаго (В. А.)</i>	
Воскресное упро въ деревнѣ	3.
<i>Ивельева:</i>	
Сшарикъ	65.
<i>Манасеина:</i>	
Счастіе	14.
<i>Олега:</i>	
Тадморъ	9.

Подолпскаго (А. И.)

Смерть на чужбинѣ	7.
Сонепь	18.
Мелодія	48.

Пушкина (А. С.)

Пирь во время чумы	19.
На переводъ Иліады	79.

Барона Розена (Е. Θ.)

Тѣкла	16.
26-ое Мая	33.
Зазывъ	41.
Пѣсня	43.
Залогъ свиданія	46.
Бѣлый голубь	69.
Карпина: La Toilette	80.
Октавы	93.
Милой незнакомкѣ	87.
Сшарець и юноша	100.

Романовича (В. И.)

Баркарола	38.
---------------------	-----

С — ва (В. Н.)

Сцены изъ Трагедіи	49.
------------------------------	-----

Ш — б — а:

Послѣдніе стихи Шенье 68.

Ночь 77.

Шевырева (С. П.)

Русскій соловей въ Римѣ 11.

Сонетъ 45.

Двѣ рѣки 89.

Щастнаго (В. Н.)

Перемѣна 82.

Неизвѣстнаго:

Пѣсня 75.

П Р О З А.

ВОЕННЫЙ АНТИКВАРИЙ.

(Изъ Арзерума, 1829 года, въ Октябрѣ.)

„Онъ Филологъ, онъ Антикварій:
Въ шолкучемъ, въ прядичномъ анбарѣ
Нашель онъ рѣчь о поль-ушкѣ
На Финикійскомъ языкѣ.
За ней онъ годъ въ архивахъ рылся,
Надъ примѣчаніями бѣлся,
Сличалъ и сравнивалъ — и вошь
Съ нея буквальный переводъ.“

Литературное заведеніе. Сатира.

Помните ли, когда Гвардія въ поржеспивѣ
возвратилась изъ Парижа? Боже мой, сколько
привѣтныхъ: *Ура!* сколько радостныхъ
слезъ, сколько объясній и поцѣлуевъ,
сколько рассказовъ и госпинцевъ, но пуще

всего гостинцевъ! Дамы были внѣ себя
 отъ восхищенія, и не рѣдко раны и подвиги
 возвратившихся героевъ забывались для
 перчапокъ въ грецкомъ орѣхѣ, или серегъ,
 копорыя наигрывали: *Vive Henri IV.* Отъ
 зеркала бѣжали обнявъ брагца, и снова
 покидали его, чшобы примѣришь передъ
 зеркаломъ косынку, или гребенку, полюбो-
 ваться на Парижскій ридикюль, на цѣпочку,
 на рѣзной вѣеръ изъ пахучаго дерева. Вопросы
 и восклицанія сыпались на удачу: «*Qu'il
 est beau de perdre un oeil pour la croix
 de St. George!*» говоритъ шепушка; «*et
 pour la patrie aussi!*» прибавляетъ воинъ.
 «*Mais oui, cela s'entend!*» Пуля плохо по-
 шушила съ моими зубами, рассказываетъ
 кузинѣ молодой Полковникъ. «Но за то у
 васъ теперь завидное произношеніе,» воз-
 ражаетъ она: *vous grasseyez à ravir.* «*C'est
 bien gentil, душенька!*» говоритъ жена, цѣлуя
 мужа въ лобъ, но не сводя глазъ съ моднаго
 кольца; *c'est bien aimable de votre part.*

Однако ты писалъ, что у тебя опрѣзали ногу? — Французы опорвали, Французы и придѣлали ее, опвѣчаепъ мужъ шупя. «И ты носишь деревянную?» — Пробковую, т'аміе, пробковую: она легка и гнешся, какъ живая. — «Въ самомъ дѣлѣ не узнаешь, копорая поддѣльная — и я надѣюсь, душенька, пропанцовашъ съ шобою мазурку!» — Я буду *плавать*, т'аміе, и пеперь сама Княгиня Ѳ. не *утопитъ* меня виспомъ, опвѣчаепъ мужъ, вышягивая: за уши плохіе каламбуры. «Какіе искусники!» восклицаетъ жена, любуясь цю ногою мужа, цю Парижскими башмачками; *que de naturel dans tout ce qui ne l'est pas!* — «C'est un peuple par excellence!» прибавляетъ мужъ рѣшипельно. «Правда ли, что въ Парижѣ ѣдятъ рыбу пальмовыми вилами?» спрашиваетъ бабушка. «Въ какой день недѣли Французское воскресенье?» спрашиваетъ племянница. — Герой не успѣваетъ опвѣчашъ.

Все тогда спало у насъ Французское болѣе, чѣмъ когда нибудь: ленпы и соусы, помада и проч. У каждаго Офицера побогаче завелся свой *La fleur*, *La jeunesse*, свой *Ponchard* или *Sans-quartier*. Господа бредили каламбурами Поинье, деньщики насвистывали Жоконда; словомъ: объ наши сполитцы походили на Пале-Рояль, переложенный на Русскіе нравы. Опчаянные Галломаны говорили: «У насъ въ Парижѣ.»

Теперь славная война съ Турками кончилась, и приливъ молодежи гошовъ хлынуль на Москву и Пепербургъ съ Азіапскими новинками. Не чугунную спашуйку Наполеона, не шомы Жомини прищиптъ оншпуда Офицеръ, копорый мѣшиць въ Генералы. Не Желпаго Карлу, не пѣсни Беранжера и не шабакерку съ фокусами вывезетъ въпренникъ для шалуновъ-пріятелей. Не блестяція игрушки и жудрявыя фразы принесетъ угодникъ прекраснаго пола. Нѣтъ, м. Гг.! Первые являся съ огромными шепрадищами

подъ заглавіемъ: Записки о Турецкой войнѣ, или тактика Турокъ, или журналъ побѣдъ и ш. п., другіе навезуть съ собой Турчакъ и Арабченковъ; но для васъ, М-ья Г-ни, готовится гроза, спрашнѣ Тамерлановой! Вы, оппуская своихъ выпязей на брань, завѣщали имъ освободить женъ и невольницъ изъ гаремовъ Пашей, разрушить ихъ цѣпи и запоры! Увы! эти выпязи спали опспутниками Платонизма! Они уже согласны съ Наполеономъ, что многоженство очень полезно, что недостойно для мужчины прапшить свой вѣкъ на пустыя угожденія, слепни и ссоры любовныя, и что не худо бы васъ держаць въ заперти, чтобы укропить ваше самовластіе надъ нами! То ли еще? они хопяць привести всѣ нѣжныя связи къ одному знаменателю: вести любовь лаконически, изъясняясь цвѣтами и мспить за измѣну кинжаломъ. Впрочемъ, во ожиданіи такою переворопа, они будутъ дарить васъ, М-ья Г-ни, Персидскимъ вареньемъ

и Турецкими пканями. Модные шермины поблѣднѣюпть передъ именами: Кешмиръ, Гакиль-Гакиль, Спамбуль-Гѣзи, мовь, или Терманама! Мужья, брапцы, племянники ваши, проклиная во время походовъ несносную погоду и природу Азіи, сгорѣвшія поля опъзною, нагія горы, непроѣздимыя дороги, логовица, называемыя деревнями, и кучи камней за зубчатыми спѣнами, величаемыя городами, и въ нихъ смрадные улицы, комнапы безъ половъ и оконъ, рядомъ съ конюшнею, ковры шевелящіеся опъ насѣкомыхъ, подушки, набитыя кислую шерспью, воспочную гущу ихъ кофе и кругомъ дымъ кизяковъ, крикъ осляпть и раздирающее уши пѣніе Азіатцевъ — шеперь будупть разливатъся передъ вами въ пышныхъ разсказахъ объ Азіатской роскоши, копорой не видали мы ни блѣспки, о прелеспяхъ Одалискъ, увезенныхъ прежде насъ далѣе, о зеленѣющихъ горахъ, о темноноглубомъ небѣ и всей пышности опчизны Гуль-гуль и Буль-буль, ш. е. Розы и соловья.

Но примѣръ заразительнъ; мода прихоплива; и я право боюсь, чшобы красавицы наши не переняли обычая красить ладони и ногти красноватою краскою, или рисовать сердечки и звѣздочки между бровей. Согласенъ, что Турецкій Амулетъ на прелестной груди Россiянки будетъ милъ, какъ таинственная печать на любовномъ письмѣ; но, ради прехъ Грацій, не вывозите, господа, ни одного покрывала (чадры): они и здѣсь надошли до смерти.

Опшуски позволены, полки идутъ въ Россiю, Гвардейцы скачутъ въ Петербургъ — и шупъ-шо пойдешъ революція въ домашнемъ быту Офицерскомъ. Диваны спелюшся по полу; чубуки — съ коломенскую версшу; прубки замѣнены воркуномъ кальяномъ. Р. А. побѣжденъ Турецкимъ пабакомъ. На халапы — оспрацизмъ: ничего нѣшъ покойнѣе Архалуха (шелковое полукафшанье), онъ пакъ приспоенъ и легокъ! Но Закавказцы будутъ спягивать его Черкесскимъ ремнемъ,

съ наборкою подъ чернедь, а Забалканцы опояшущя шелковымъ поясомъ или сафьяннымъ черезомъ, сняпымъ съ убипаго собспвенною рукою Арнауша. Каждая лошадь будешъ Фашьма, или Аспа, или Чехине. Каждый пудель Муспафа или Дждзарь. Мазурки загремяшъ на голосъ: *Атма буташъ* (*); балеты запеспрѣюшъ чалмами, и въ гостинныхъ долго раздавашя будущъ слова: Топъ-юль (нушечная дорога), Копиръ (моспъ), Дагъ (гора), Кале (крѣпоспъ), Санджакъ, Пашалыкъ (обласпъ), и пому подобные шермины, нашпикованные въ разсказъ для приданія мѣспной краски.

Но между шѣмъ, какъ орлы Русскаго Царя съ двухъ краевъ свѣпа мешали громъ на Сулпана и несли побѣду на Спамбуль съ башни на башню, съ хребпа на хребетъ горъ непроходимыхъ, — наши спроевые герои

(*) « Не бросай въ меня камнемъ! Сердце мое уже проспрѣлено взоромъ швоимъ!» Извѣспная и любимая Мусульманская пѣспя.

украшались оружіемъ побѣжденныхъ, и наконецъ Азіатская спроситъ къ нему (*) обратилась въ заразительную болѣзнь. Бунчуки, знамена, нушки — всѣ профанъ Русской славы, капяща шеперь въ Сполицу — какъ же сподвижникамъ славы явипсья шуда безъ Карабахскаго кинжала, безъ Турецкой сабли, безъ Крымской винповки или Черкесскаго ружья? Чѣмъ блеснутъ передъ поварищами, чѣмъ похвалипсья передъ провинціалами? Сколько хлопощъ досташъ почудеснѣе желѣзо; сколько запѣй, какъ оправипсь его, какую сдѣлапшь насѣчку, какую выдумапшь надпись? Плапьяпшь за дрянъ въпри-дорога, и япаганы и кинжалы всѣхъ родовъ и видовъ, опслужа нерѣдко срокъ

(*) Для Европейца непоняпно, и едва вѣрояпно, какъ цѣнипсья Магомешанами оружіе: есть клипки, цѣнимые до 12,000 рублей! Рубяпшь ли же они желѣзо, кость? спросите вы... Сохрани Алла! какъ можно пробовашъ такую драгоцѣнность! Владѣпшель никогда не надѣнешъ дорогаго оружія въ дѣло.

свой на кухнѣ, для бипка на колесѣ — облекающа въ бархатъ и серебро, и къ каждому клинку, къ каждому спволу, по Воспочному обычаю, избобрѣшается испорія. «Эпи писполешы, не менѣ какъ Lazago Lazagino (*), подарокъ покойнаго Сулпана Сераскиру или первому Визирю. Эша сабля похищена изъ дворца, средопочія Вселенной, ш. е. Шаха, во время возмущенія въ Тегеранѣ. Эпопъ *Кессимбашъ* (головаврѣзъ) вырванъ изъ рукъ какого нибудь Лаза, или изъ зубовъ Байракпара(**) — копораго, смиренно прибавишь воинъ, удалось мнѣ свалишь собственною рукою: вопъ и зазубрена опъ моего удара!» Словомъ, въ печеніе полугода, Азіашское оружіе будетъ красоваться

(*) Въ Арсеналѣ Арзеружскомъ есть паръ до 50-ти шакихъ писполешовъ, и одна другой хуже.

(**) Знаменопосецъ: они обыкновенно, какъ всѣ паѣдники Турецкіе и Черкесскіе, кидаясь въ схватку, держашъ саблю въ зубахъ, чшобы, выстрѣля, имѣшь ее подъ рукою.

на спѣнахъ и проигрывать на сполахъ нашей молодежи; но не болѣе полугода. Потомъ спанупъ раздаривать ихъ пріятелямъ; пріятели отдадутъ ихъ слугамъ, а изъ передней недалеко и до толкучаго рынка — вопъ судьба славы!

Но неужели же подражательность эта споль же бесполезна, какъ смѣшна — не думаю. Мы начали съ Французской вѣпрености, но скоро перешли къ ихъ просвѣщенію. Мы спали мыслишь, желая научиться болшать, и чпеніе, принятое въ привычку, какъ мода, обрапилось въ нравспвенную нужду. Нося Брегетовы часы, или очки Шевалье, спыдно спало не имѣшь понятія о механикѣ, объ оппикѣ; покупая для пепушки Бразильскаго попугая — узнали по немногу, чпо Американцы не дикари. Познанія вкрадывались — и скоро многіе Русскіе Офицеры захопѣли бышь Европейцами не по одному имени, и поѣхали въ пѣ мѣспа учисься, гдѣ сражались. Ихъ братцы пу-

спились труда воспишывапелься, гдѣ гуляли ихъ опцы. Тысячи полезныхъ улучшеній въ хозяйствѣ, тысячъ удобствъ въ домашнемъ быту, вошли въ употребленіе изъ одного желанія обновокъ. Можно сказаць, что Россія пробудилась въ 1812 году, и Бородинскія ядра были для ней сѣменами просвѣщенія. *Все къ лучшему* — не мечта! У Турокъ, конечно, намъ нечего занимать ни въ какомъ отношеніи, но полезно узнать Турцію покорооче. Молодежь наша, возвращаясь домой, будетъ краснѣть, не умѣя отвѣчать на дѣльные вопросы, и спанетъ чинать, чинобъ не краснѣть часпо; повѣритъ писанное видѣннымъ, отброситъ басни и убѣдится въ истинѣ. Узнавъ Турцію, мы лучше будемъ любить свое благодатное опечесство; испытавъ чужіе пороки, мы помиримся съ его недостатками. Мы возблагодаримъ Провидѣніе, что родились въ землѣ, въ которой жизнь гражданина не зависитъ опъ прихоти Паши; въ которой

разбойники, среди бѣлаго дня, не опнимають у него имущества; гдѣ нѣтъ ни зноу, ни скорпіоновъ, ни умеривительныхъ клоповъ Міаны. По крайней мѣрѣ, если не узнають и этого, по присраспие къ Азіатскимъ мѣлочамъ сдѣлають ихъ свѣдущими судьями въ костюмахъ и декораціяхъ. Нѣчто лучше, нежели ничто.

Впрочемъ, говоря это, я разумѣю только толпу молодежи, которая, по разсѣянности воспитанія и въпрености нрава, не дала еще себѣ труда узнать и обсудить. Но теперь, какъ и прежде, войска наши не имѣли недостатка въ людяхъ Европейскихъ познаній и понятій основательныхъ, по всѣмъ вѣдѣямъ наукъ. Замѣчанія ихъ, конечно, прольютъ много свѣта на Исторію и Топографію странъ, пройденныхъ нами.

Къ небольшому, но почтенному кругу ученыхъ Кавказскаго Корпуса принадлежитъ одинъ Офицеръ, посвятившій себя на изысканіе древностей. Занятіе это, какъ по

большей часни случается, превратилось у него въ спраспъ ослѣпляющую. Онъ спитъ и видитъ древнія медали, ходитъ и грѣзитъ о рунахъ, надписяхъ, гіероглифахъ. Для образчика я опишу вамъ вчерашнее съ нимъ свиданіе.

У самыхъ Эрзинганскихъ ворошъ сполкнулся я съ эшимъ занимапельнымъ чудакомъ. Онъ бѣжалъ внизъ, нахлобучивъ фуражку, со всею быспропою шѣла, капящагося съ горы, помноженнаго на неперпѣливоспъ харакпера, и я долженъ былъ, схвапя его за руку, дважды повпорить: «куда, куда нашъ Денонъ?» покуда онъ очнулся. «А, это шы, Оома невѣрующій, сказалъ онъ, — и спрашиваешь куда, споя на порогъ свяпилица?» Онъ пошацилъ меня на поклонъ къ небольшой часовнѣ или придѣлу, времяъ Визанпійскихъ Императоровъ, кошорую въ то время разбирали для перевозки въ Пешербургъ. «Эши двѣ дорожчашыя колонны, шеперь полуразрушенныя, принадлежатъ къ

огромной церкви; ступишь бывшей, » произнесъ онъ; барельефы по обѣимъ сторонамъ Эрзинганъ-капи эпо доказываютъ. » Я осмѣлился усомниться. Никакого слѣда большаго храма вблизи; колонны походятъ болѣе на минареты, или на памятники, а всего скорѣе на приворожные столбы. Арабски весьма подозрительны: ни стиль, ни вкусъ въ украшеніяхъ. Базиликъ, даже въ упадкѣ Архитектуры, не были такъ нелѣпы. Правда, ступишь естъ признаки двуглаваго орла — но развѣ не могли влѣпнись его Арабы въ свои пряничныя вязы, какъ охотники до всего чудснаго, какъ прорей? И наши церковные рѣщики влѣпаютъ въ рѣзьбу и льва и полумѣсяцы и солнце, но слѣдуетъ ли изъ того, что рѣзьба эта Персидская или Турецкая? « Но развѣ не могло случиться на оборотъ, » возразилъ онъ, « что Турецкому художнику поручено было Греками сдѣлать эти украшения? » Такъ; но куда дѣнется тогда шоя Византійская Имперія? — « Онъ

закусилъ губу, говоря, что я не знаю въ этомъ полку, что все это для меня парабарская грамапа! А прогос! примолвилъ я ему: для нашей парабарщины споить бышь Шампольономъ. Какія важныя преданія, сколько историческихъ истинъ можешь шайшься подъ немногими спроками Русскихъ рунъ!» Онъ осшановился. Я подумаю, сказалъ онъ, я подумаю о томъ, воропясь въ Россію — и ни одинъ колоколь съ надписью, ни одна приписка къ часослову, ни одна проба перу не убъжитъ меня. «Лишь бы ты не бѣжалъ опъ нихъ.» Между шѣмъ надо написашъ къ Калайдовичу и Спроеву.... щаспливецъ Спроевъ! пеперь онъ на раздольѣ роется въ ризницахъ монастырей и въ курганахъ богатырей сѣверной Россіи, собираешъ и разбираешъ свипки съ юсами и безъ юсовъ и выкапываетъ чудскія запяспья или оружія древнихъ Славянъ . . . между шѣмъ, какъ нашъ Графъ шакъ скоро перелепаетъ горы и обласпи, шакъ быстро беретъ

города, что не успеешь оглянуться — бьютъ подъемъ: впередъ и впередъ! Пойдемъ ко мнѣ обѣдать. «Пойдемъ.» Полдня еще не было, но военный меридіанъ пропаянъ черезъ желудокъ. На дорогѣ онъ завербовалъ еще двоихъ поварищей. Надъ дверьми дома, въ копоромъ обиталъ нашъ Анпикварій, по здѣшнему обычаю, прибила была шуринная голова, съ огромными рогами: я думаю, въ знакъ того, что и правовѣрные лбы имъ не чужды. Онъ очень жалѣлъ, что она слишкомъ громоспка для перевозки, а то пріятно бы вывезти ее, какъ рѣдкость Напуральной Испоріи, потому что шуръ, гонимый собаками, съ успеха кидается въ пропасть на упругіе рога свои и, невредимъ, обманывается искусствомъ охотника: при томъ же это Арзерумскій профей. — Входимъ. Прежній гаремъ походилъ на щепильную лавку, или шапральную уборную. Ржавыя оружія, Турецкіе уборы, банки и кофейныя чашечки, Арабскія книги и

снимки съ надписей разбросаны были вездѣ. На Римскомъ попорѣ сушился плацъ; окно было припершо Курдянскою пикою, а на кровати, вмѣсто подушки, лежала пара древнихъ кирпичей. Онъ съ гордостью смотрѣлъ, какъ мы лавировали между его рѣдкостями. «Такъ эпу-шо дрянъ», сказалъ я, «пы возишь съ собою? пакъ для ней-шо лишаешь себя необходимыхъ въ походѣ вещей и припасовъ, и прапишь всѣ свои дсньги!» — Вандакъ, Оспрогѣпъ! вскричалъ съ негодованіемъ Анпикварій: — и пы называешь дрянью сборъ чудесъ, копорыя обогаптъ любой народный Музеумъ! Эпопъ оспеклѣвший кирпичъ; напрімѣръ, подаренъ мнѣ Англійскимъ пупешеспвенникомъ: онъ изъ развалинъ Вавилонскихъ. По немъ, можепъ быпъ, ходила спѣпа Семирамиды, лилась кровь Сарданапала, и огонь пожара Александра Великаго сохранилъ его для вѣчности. Эпопъ прозрачный роговой щипъ восходипъ до временъ Бакприанъ; эпа

спальная поручь съ золопою насѣчкою — вѣка Халифовъ Бармесидовъ. Вошь двойная ликторская съкира съ гербомъ Императоровъ: легко спашься можешъ, что она была въ рукахъ предковъ нашихъ, копорые нанимались къ нимъ пѣлохранипелями. Вошь щипы Креспоносцевъ (*)! вошь прѣбникъ первыхъ вѣковъ Хриспіанспва, найденный въ Гююш-Ханѣ!» — шупъ онъ подалъ мнѣ пергаминную, закопченную, скоробленную книжку, въ копорой ничего нельзя было распознать, и я сказалъ: «Вижу въ ней только доказательство, что Анпикваріямъ погда лишь годипся вещь, когда она никуда не годипся.» — Когда вѣки подернутъ ее своимъ дымомъ; когда печашъ разрушенія

(*) Щиповъ сихъ множество въ Арсеналахъ Турецкихъ. Они имѣющъ видъ односторонней трапеціи или сдвинутаго паралелограма; выкрашены на уголь или пополамъ разными красками, иногда съ полосою: чаще всего изображены цвѣшны; гербовъ видѣшь не случилось. Краски свѣжи. Чьи они? у Азіатцевъ щипы круглые.

и ржавчины легла на нее, опвѣчалъ онъ, тогда только драгоценна она въ глазахъ знапока. А по ваши численькія рукописи и свѣшленькіе рублевики, на копорыхъ всякой лавочникъ можетъ разобрать буквы по складамъ — вздоръ, игрушка! Нашъ братъ, не только по шремъ — по одной липерѣ узнаетъ, какому вѣку и Царю принадлежишь книга или монета. Вотъ, на примѣръ, двѣ: угадай, какой земли? А? — « Я не вижу ни крошки. » — И не узналъ бы, если бы и увидѣлъ: онъ Хозроэса II-го, копорый похитилъ изъ Конспаншинополя дерево Честнаго Креста и шель, вѣрояшно, по Байбуртскому ущелію, гдѣ и найдены. Эти двѣ банки содержатъ въ себѣ воду распаявшихъ льдинокъ съ вершинъ Касбека и Арарапа: какъ возвышается просвѣщеніе! первую прислалъ мнѣ пріятель изъ опряда Генерала Эммануеля, другую доставилъ Парропъ. — Я перебилъ его вопросомъ: не получилъ ли онъ при этомъ кольца опъ цѣли Прометеевой,

или обломка Ноева ковчега? Онъ не удостоилъ опвѣчать на эпо, и продолжалъ, боясь упустишь случай къ разсказу: «Эту львиную голову сбиль я съ однихъ воровъ въ Байбурпгъ.» — Но почему же она львиная, а не кошечья? спросилъ одинъ изъ Офицеровъ: при дыры, какъ на гранатѣ, и двѣ черны подлѣ рта, изображающія усы, предполагающъ голову: но голова и усы бывающъ и у осепра! — Нашъ спаринарь запнулся. — «Почому... попому, опвѣчалъ онъ, что художникъ вѣрно хотѣлъ изобразить необыкновенное, благородное живописное, слѣдственно всего скорѣе льва!» — Пусть такъ; но что за спрашь къ уродливымъ изображеніямъ? — «Спарина, любезнѣйшій, спарина! эпотъ полипъ — звѣно въ цѣпи Испоріи художеспвъ.» — Въ такомъ случаѣ шебъ надобенъ огромный Пандемоніумъ: Сибирскія степи и горы населены разными идолами, копорые безобразіемъ и спариною не уступяптъ никакимъ болванамъ въ свѣпъ. — «Мы и до нихъ доберемся,» оп-

вѣчалъ онъ сурьезно. « Но вопшь звѣзда моего кабинета, прибавилъ онъ, грохнувъ на споль огромный камень. « При взрывѣ на воздухъ Байбурпскаго замка, камень эшопъ, какъ съ неба, упалъ передо мною: на ловца и звѣрь бѣжитъ! Каковъ орелъ, изображенный на немъ? Имъ докажу я, и безъ свидѣтельства Испориковъ, что Байбурпъ находился во власти Воспочной Имперіи. » — Можеть спашься, эшо и другая пшица, замѣшилъ одинъ поварецъ. — « Самъ ты пшица, mon cher, опвѣчалъ Археологъ: « развѣ не видишь эшой головы? » — Вижу. — « Вопшь шебѣ и другая голова. » — Другой не вижу: можеть время опкусило ее. — « Замѣтъ эшу выпуклосшь подлѣ крыла въ видѣ запятой: она предполагаетъ кривой носъ, носъ предполагаетъ голову: дважды одинъ — два: слѣдственнно эшо Византійскій гербъ. » — Всѣ качали головами и я сказалъ, что онъ, кажеться, съепъ свои предположенія на камнѣ. — « Я спрою ихъ на камнѣ, » гордо возразилъ онъ, и въ доказа-

пельство началъ приводить тексты изъ разныхъ Испориковъ; но ихъ, упрямая память моя не запомнила на пощакъ. Къ щащю скоро подали на споль. Хозяинъ былъ очень любезенъ и веселъ, а госпи между пѣмъ подпрунивали надъ его хозяйствомъ, увѣряя, что и поваръ его долженъ быть спрасный Анпикварій: супъ походилъ на черную Спарпанскую похлебку; алады были пверже медалей Царя Хозроэса, а надъ жаренымъ пѣшухомъ само время изломало бы зубы. Вѣрно онъ принадлежишь къ числу Арзерумскихъ древностей, сказалъ я.... «Онъ одной фамилии съ Визанпійскимъ гербомъ, прибавилъ другой. Хозяинъ смѣялся опъ чистаго сердца, и кусокъ Голандскаго сыра, виноградъ и доброе Кахешинское вино упѣшило насъ въ неудачѣ, споль обыкновенной въ походахъ.

«Какою славною, испорическою дорогою велъ насъ Главнокомандующій опъ побѣды къ побѣдѣ,» сказалъ хозяинъ, прихлебывая

съ прубкою кофе, и заводя снова разговоръ на древность. «Здѣсь двигалась часпъ полчищъ Ксеркса, когда онъ шелъ попопипъ Грецію волнами варваровъ; здѣсь шли орды Тамерлана, разоривъ Византію; здѣсь, по всей вѣрояпности, опспупалъ Ксенофонпъ съ десятию пыеячами Грековъ, заведенныхъ въ горы невѣрными проводниками; здѣсь промчался бурею Александръ Македонскій къ Кавказу» — Мы возопіяли однако жъ пропивъ эпой догадки. Конечно Испорикъ его, Квинпъ-Курцій, говоритъ о здѣшнихъ горахъ, о Лазикѣ, не измѣнившейся до сихъ поръ; но ничѣмъ не подпверждается, чпобы онъ избралъ берегъ Чароха дорогою для своей фаланги; равно какъ сомнишельно, чпобы всѣ сказанные предводишпели сговорились избрать Байбурпское ущеліе для прохода. На сказки жипелей полагапъся нечего; на всемъ Кавказѣ нѣптъ ни одного замка, копорый бы не величался поспроепніемъ Искендера; Шамхорскій минарсптъ

и Дербентской степна поперегъ горъ — все его работа! Какъ на Западѣ всю древнюю постройку приписываютъ Юлію Цесарю, такъ въ Азіи все — Македонскому Герою. Говорятъ, онъ былъ шамъ и здѣсь; говорятъ . . . но гдѣ доказательство? — « У меня въ чемоданѣ, » увѣрительно отвѣчалъ нашъ Лордъ Эркинъ. « Вы, я думаю, знаете, что Александръ, прогуливаясь по Азіи, велѣлъ раскидывать огромныя оружія, спремена, узды, чѣобы попомки воображали воиновъ его великанами? » — Чипали. — « Очень радъ. Это не сказка: я, въ Байбуртскомъ ущелин, посланъ будучи засыпать перекопъ дороги, испорченной, какъ вы помните, рѣпирующими Турками — нашелъ въ землѣ ужасной величины узду. » Въ самомъ дѣлѣ, онъ вытащилъ перержавленное желѣзо, имѣющее совершенный видъ узды: большія кольца на концахъ, два среднія колѣнца на шрепьемъ, удила да и полько! Видя, что мы начинаемъ убѣждаться, онъ принесъ еще старый кли-

нокъ съ надписью: Marino Falieri. «Мечъ эпопѣ не слишкомъ древенъ,» произнесъ онъ съ довольнымъ видомъ, «но онъ принадлежалъ знамениному по своимъ подвигамъ, но несчастному Дожу... и кто не читалъ прагедіи Байрона подъ эпимъ именемъ?... но воупъ, Г-да, кладъ а не диковинка!» прибавилъ онъ, выпаскивая огромный шишакъ. «За эту вещь Мусульмане гоповы бы дапъ мнѣ миліонъ рублей, или сполько же ударовъ кинжала, еслибъ узнали объ ея сущеспивованіи — эпо шлемъ Магомеха!!!» Мы кинулись его разсмапривапъ: онъ былъ гра-неный и оспроконечный, наподобіе Русскихъ шишаковъ, и очень заржавленъ; однакожъ, богашая золошая насѣчка проглядывала сквозь, а кругомъ свѣплѣла арабская надпись, недавно опчищенная. Насѣ приводила въ сомнѣніе шолько величина его; при шомъ же по краямъ не было обычныхъ скважинъ, для вапы и прикрѣпленія налобника и нашейника. Но догадливый Анпикварій богапъ на изъ-

ясненія: онъ утверждалъ, что голова необыкновеннаго человѣка долженъ спововала бытъ поукладиспѣ нашихъ; что вмѣсто нашейника онъ носилъ, вѣроятно, кольчашную шапочку съ лопасьями, а спашься можешъ, надѣвалъ его на чалму.

Въ эпу минушу дверь распворилась, и вошелъ храбрый Маюръ Тапарской нашей конницы, Аббасъ-Кули, человѣкъ весьма просвѣщенный и милый. Мы обспунили его съ распросами о прехъ древностяхъ. Началось съ клинка, пошому, что Дагестанцы знашоки въ оружіи. «Знаешели, каковъ и какой эпопъ клинокъ?» — Очень знаю, опвѣчалъ онъ: шалунъ П. Б. выпросилъ у меня эпу спарую, дрянную полосу, копорая служила вмѣсто шашлыка (вершела), велѣлъ масперу вырѣзашъ буквы и попомъ положилъ въ укусъ поржавѣшъ. — «А эпо что за вещь?» сказали мы, предлагая Македонскую узду. — Эпо . . . эпо Турецкій преногъ, опвѣчалъ онъ; къ премъ кольцамъ приспегивающа

нушы. — Мы засмѣялись; Аншикварій поблѣднѣлъ. «Переведите пожалуйста,» сказалъ онъ гордо, «эту надпись — вопъ опсюда, гдѣ я вычиспилъ сначала.» — «При-над-лежитъ Про-ро-ку Магомешу!» прочелъ Аббасъ-Кули, и хозяинъ вспрыгнулъ опть радости. — «Не правъ ли я? не говорилъ ли я, что эта одна вещь спопитъ сопень другихъ рѣдкостей!» — Между пѣмъ Аббасъ-Кули чипалъ далѣе. «Мы прочли не всю надпись,» сказалъ онъ; «вопъ полный смыслъ ея: «Слава принадлежитъ Пророку Магомешу; щаспие пому, кто слѣдуетъ Корану его; да благословитъ Алла сію пищу!» — «Пищу!» воскликнули мы всѣ; «да развѣ у васъ кушаютъ подъ хрѣномъ головы Правовѣрныхъ? вѣдъ это шлемъ!» — Извините, господа, хладнокровно опвѣчалъ ученый Мусульманинъ: это крышка съ блюда пилаву.

Электрическая искра смѣха попрясла насъ, и долго не могли мы оспановитъся. Едва зачихалъ одинъ, хохопъ другаго опяпъ

увлекалъ всѣхъ. — « Чудесный шлемъ! » говорилъ попъ сквозь слезы. — « Ай-да Македонская узда! » прибавлялъ другой, держась за бока. — « Эпопъ Дождь могъ бы выхвапъ на обрученіе съ моремъ на палочкѣ, » замѣчалъ прешій. — Аббасъ-Кули поглядывалъ на насъ, какъ на сумасшедшихъ, и комическое опчаяніе Анпикварія довершало карпину. Не такъ бываетъ пораженъ неопытный юноша измѣною любовницы; не такъ свирѣпалавица, у которой опіяли дѣпей. Сперва онъ упалъ на кровать, закрывъ лице руками; но гнѣвъ превозмогъ: онъ вскочилъ, швырнулъ гигантскія удила за окошко, согнулъ Венеціанскій клинокъ о колѣно и зачалъ пинапъ знаменипый шлемъ изъ угла въ уголь, браня ложныхъ друзей, копорые даряпъ его на смѣхъ поддѣльными диковинками, или приходяпъ смѣяпъся весьма обыкновенной неудачѣ. Я спарался упѣшипъ его, обѣщая выписапъ изъ дому щипцы, копорыми Ричардъ Львиное Сердце завивалъ усы свои,

и шпору съ той самой бопфорты Карла XII, которую прислалъ онъ въ Сенапъ, для управленія Швеціею — и все это съ несомнѣнными доказательспвами, съ папенповою родословною; но огорченный любитель древностей послалъ меня къ чоршу, вмѣспѣ со шпорою и щипцами.

А. Марлинскій.

ОЧИСТИТЕЛЬНАЯ ЖЕРТВА.

Г Л А В А I.

Владиміръ Шперне вступилъ въ военную службу, едва достигнувъ юношескаго возраста. Сынъ небогатыхъ родителей, онъ имѣлъ только доброе сердце и здравый умъ, образованные подъ вліяніемъ отца, истинно добродѣтельнаго. «Благословеніе родительское да устройтъ швое счастье! иди путемъ чести и правды — и Богъ тебя не оставитъ!» говорилъ онъ сыну, и отправилъ его въ далекій полкъ, къ одному родственнику, общавшему имѣть о немъ попеченіе. Производство въ Генералы удалило этого родственника; Владимиръ, оставленный на

произволъ судьбы, живо почувствовалъ свое горькое, бѣдное одиночество въ нижнемъ чинѣ, но не упалъ духомъ: чѣмъ бѣдственнѣе положеніе, чѣмъ менѣе ожидаешь вспоможенія извнѣ, тѣмъ болѣе развиваешься душою и спановишься богатымъ внутри, — и благородная самоувѣренность порожествуетъ надъ бѣдствіями жизни, какъ чувство безмернаго ужаса гроба. Мужество въ душѣ, крѣпость въ мышцахъ, твердая рѣшимость домогаться любви и уваженія, сладостное упованіе на благословеніе родителей и на помощь Всевышняго, — чего еще не достаешь военному человѣку, чтобы прыпою раздавливать ползающія заботы и радостно спремиться на встрѣчу грядущей славы? Пропекло принадаца въ лѣтъ — и Шперне, всеми любимый и уважаемый, командовалъ Лейбъ-эскадрономъ * * * Драгунскаго полка!

Однажды, въ ясный осенній день, когда онъ, возвращаясь съ ученія, съ своими Офицерами

располагался пипь чай въ деревенскомъ саду, подъ стѣнію широкой плакучей березы, мальчикъ, въ Черкесской одеждѣ, принесъ ему полковые приказы и письмо изъ дому. Офицеры, лежа на коврѣ, вокругъ дымящагося самовара, замѣпили, чпо онъ, съ особеннымъ вниманіемъ чипая и перечипывая эпо письмо, углубился въ продолжипельное раздумье, несвойспвенное его веселому нраву.

«Здоровы ли пшви родипели? чпо они пишупь?» спросили нѣкопорые.

— Зовупь меня повидашься съ ними, опвѣчалъ Владиміръ; скажите, брапцы: не совѣспно ли? въ продолженіе пинадцати лѣпъ я не видалъ своихъ родипелей! Какъ скоро эпо время прошекло; надо будешь просипь оппуска. —

«Конечно надо!» сказалъ Поручикъ Ивановичъ, подливая рому въ свой спаканъ; «но, уѣзжая, завѣщай своему преемнику обзавешись по пшвому, и вопервыхъ: подчивашь насъ шакимъ же опличнымъ ромомъ!

Я не пьяница, но нужно подкрѣплять чело-
вѣческіе соспавы, послѣ упоминельнаго уче-
нія, а у самого денегъ не хвашишь: прешью
часшь моего жалованья все еще вычипаюшь
въ уплапу разныхъ долговъ и парадной ло-
шади, копорая уже успѣла издохнушь, какъ
конь Олеговъ, и за огородомъ, на степи

Лежашъ благородныя коспиа!

Ихъ моюшь дожди, засыпаешъ ихъ пыль,

И въшеръ волнуешъ надъ ними ковыль!

« Жаль моего коня; и пеперь еще сгруснется,
какъ вспомнишь! — Однакожь Шперне!
скажи въ правду: нѣшь ли чего нибудь осо-
беннаго въ письмѣ? пы чпо-то крѣпко
задумался. »

— Еспь! опвѣчалъ Владиміръ улыбаясь:
опецъ мнѣ пишешъ про милую дѣвушку,
и о ней я какъ-то задумался.

« Эй брапъ! пакъ шебя женишь хопяпъ?
пуспое! не слушайся: на кой чорпъ шебѣ
жена? пеперь пы опличныи служивый,
лихой поварищъ, а женишься — и въ шебѣ

проку не будешь, какъ въ нашемъ Маіорѣ Криницынѣ, всегда окруженномъ дѣтками, кормилицами, няньками — всего вздору не сочнешь! То ли дѣло наше привольное житье? вездѣ родилели взрослыхъ дѣвушекъ насъ хорошо кормятъ, еще лучше поятъ; въ оппашу за это глядишь прямымъ женихомъ, увиваешься мелкимъ бѣсомъ около дочки, заспавляешь ее пѣнь: *Среди долины ровныя*, похваливаешь голосокъ, манеру пѣнія, и проч.; а шамъ шапку на бекрень — и давай Богъ ноги конямъ!»

— Такъ и я дѣлалъ по сю пору, опвѣчалъ Владиміръ; мало ли волочился за красавицами? всѣ уже думали, что непременно женюсь на Лизанькѣ Шушковой, и признаюсь, подѣ конецъ пришлось жудко: она спала шакъ ласкова ко мнѣ, что я сильно боялся, не она ли вздумаетъ опкрыться мнѣ въ любви. —

« Полно, брагпъ! » возразилъ Иванòвичъ; « она хопя и спешная барышня, но не дурочка! »

— Она дѣвушка умная, образованная, продолжалъ Владиміръ; ее нельзя упрекнуть ни малѣйшимъ опспусленіемъ опъ спрогихъ, общепринятыхъ правилъ; но однажды, въ минуспу милаго самозабвенія, она глядѣла на меня пакъ нѣжно, пакъ невыразимо нѣжно... она будпо силилась удержатъ признаніе любви, гоповое сорвалъса съ языка; грудь ея помипельно наливалася чувспвомъ; глаза будпо закапились въ помной нѣгѣ — кровь во днѣ оспановилася, члены мои хладѣли, и мурашки бѣгали по спинѣ.... Я уже одолѣвалъ эпопъ глупый спрахъ и, находя Лизаньку милою и доспойною, хопѣлъ было приспунивъ къ любовному съ нею объясненію — глядѣ! мимо оконъ проходипъ Криницынъ съ бранчивою женою, съ многочисленнымъ попомспвомъ, няньками и пр. — признаюсь: эпо вдругъ опспудило опящъ мои

чувства! охота продолжать военную службу и страхъ прижишь съ Лизанькою такую же кучу ребяпишекъ, заглушали во мнѣ всякое другое чувство: я твердо рѣшился избѣгнуть опаснаго съ нею свиданія наединѣ, и, слава Богу, не поперявъ чести, выпупался изъ сѣней Амуровыхъ — Лизанька выходитъ замужъ! —

« Не по сердцу, а по расчету родителей! » сказалъ Поручикъ Санинъ.

— Были бы деньги, будетъ и счастье! подхватилъ Шпабсъ-Капитанъ Левицкій. Представьте любой дѣвушкѣ двухъ жениховъ на выборъ: Амура, въ видѣ прекраснѣйшаго юноши, но бѣднаго, предлагающаго невѣстѣ одно сердце на ладони — хотя бы это сердце и горѣло и пышало разноцвѣтнымъ, неугасимымъ огнемъ спраспи — и хромоногаго, сквернаго бѣса, владѣльца тысячи душъ, съ брилліантами и съ пятипятидесятью тысячами — увѣряю васъ: она кинется на шею бѣсу! —

«Проклятый скептикъ!» воскликнулъ Санинъ; «если ты въ эпомъ свѣпѣ не попадешься за невѣріе къ женщинамъ, по желаю, чпобы женщина была твоимъ судьёю на помъ свѣпѣ — но если это будетъ Лизанька, она проспитъ тебѣ!»

— Послушай, Санинъ! сказалъ Левицкій: тебѣ нравишься Лизанька; хочешь ли? разспрою это сваповспво, влюблю ее въ тебѣ, такъ, чпо до гроба не разлюбитъ — и женю тебѣ на ней! —

«Молодецъ!» закричалъ громко Ивановичъ; «да ты уже доказалъ свое рѣдкое въ эпомъ искусствво — лихо свелъ Анюю Янову съ нашимъ Дозоровымъ! Они и не думали другъ о другѣ: ему онъ спалъ нашептывавъ, чпо она дѣлаепъ ему глазки; ее же увѣрлялъ, чпо Дозоровъ сохнепъ по ней, а женщина куда какъ соспрадапельна! Такимъ образомъ влюбивъ ихъ другъ въ друга, и видя, чпо взаимная заспѣнчивоспъ мѣщаепъ имъ опкрыпъся на словахъ, отъ въ ихъ присуш-

спѣивъ говорилъ за обоихъ, сладилъ дѣло въ минушу, выигралъ эшимъ бутылку шампанскаго у меня — а они живутъ себѣ парочкою спраспныхъ голубей!»

— Обо мнѣ пусть не беспокоится! сказалъ Санинъ съ печальною улыбкою. «Мнѣ жаль Лизаньки: она приноситъ ужасную жертву своимъ родителемъ! Шперне не умѣлъ оцѣнить эпой дивной жемчужины, которая попустила опть холода сердца его! Скажи мнѣ, Шперне! продолжалъ онъ, вперя въ него испытующіе взоры: чиста ли совѣсть твоя въ отношеніи къ Лизанькѣ? если же не совѣтъ чиста, то совѣтую тебѣ: ни за какое благо земное не бери эпого грѣха на свою душу! —

«Милый Санинъ!» отвѣчалъ Владиміръ, нѣсколько смущенный; «я никогда не говорилъ ей о своихъ чувствахъ; но бывали минушы, когда я восхищался ею... тогда она конечно могла видѣть, что ея образъ былъ въ душѣ моей — но виноватъ ли

я? виновно ли озеро, отражающее ликъ солнца?»

— Налей же и мнѣ рому! сказалъ Санинъ Иванòвичу. —

« Дѣло, брагъ! » воскликнулъ сей послѣдній; « выпей съ горя; да возвеселился душа швоя, добрый мòлодецъ! а ты Шперне, не заочно ли уже влюбился въ красавицу, про копорую пишепть опець? смопри: впередъ не обманывай дѣвушекъ, однакожь и не женись! »

Оспавшись одинъ, Владиміръ опять развернулъ письмо. Тамъ не было роскошнаго описанія героини, въ родѣ Бейрона; но сильнѣйшее на него дѣйствіе имѣли сіи проспыя слова опца: « Я спарѣю — и мнѣ нужна бы швоя помощь! ты счастливъ въ военной службѣ, ты на хорошей дорогѣ: мнѣ почти совѣспно опозвать тебя! но Провидѣніе, можепть бышь, гошовипъ тебѣ награду за жерпву, приносимую мнѣ и швоей мапери — если швое сердце такъ свободно, какъ рука

пвоя! Не скажу тебѣ имени той, которую мысленно назначаю тебѣ въ супруги и люблю, какъ дочь родную. Когда ты, между двумя своей родины, самъ не замѣпишь этого прекраснаго существа, тогда оспанься въ службѣ; тогда подумаю, что тебѣ назначено иное. Но не упаю опть тебя, что мнѣ сдается, будто не возможно, чтобъ ты съ перваго взгляда не узналъ и не полюбилъ ангела между смертными Какъ бы то ни было — прїѣзжай, хоть повидаться съ нами!»

Когда онъ въ первый разъ прочелъ эти строки, сердце его забилося; онъ радовался, что рука его еще свободна — и погрѣшилъ невольными шутками надъ бѣдной Елисаветой. Самъ не понимая, какая чудная сила влечетъ его къ звуку, къ пѣни, къ безымянной незнакомкѣ, онъ суевѣрно предавался какому-то свѣптому предчувствію — и заглушенная внутреннимъ голосомъ душа его не разслушала словъ добросовѣстнаго

Санина. Чѣмъ болѣе онъ читалъ это роковое письмо, тѣмъ менѣе понималъ очарованіе, копорымъ оно дышало, и свое сердечное расположеніе подѣлился жизнію съ невѣдомымъ ему существомъ.

Дни пекли; это чувство усиливалось въ сердцѣ Владиміра: это еще не была любовь, но разсвѣтъ прекраснаго дня любви.... незнакомка рисовалась въ его воображеніи, какъ Фея въ волшебномъ замкѣ. Онъ чувствовалъ и молчалъ; никто не замѣнилъ его пайной склонности: сердце, принявъ впечатлѣніе прекрасное, сѣмя небесное, закрывается. Онъ хотѣлъ было еще разъ оправдаться передъ Санинымъ, касательно Шушковой; но холодность сего послѣдняго опклочила подобный разговоръ.

Елисавета вышла замужъ; приглашительный билетъ не заспалъ Владиміра: онъ съ помѣщикомъ находился въ опѣѣжемъ полѣ.

Г Л А В А П I.

Тусклые фонари скудно освѣщали узкія и кривыя улицы гопического города, копорый Владиміръ привѣпспивовалъ именемъ своего опечеспвеннаго, съ прудомъ узнавая его. Еще не успѣвъ опыскапъ ни одного изъ прежнихъ знакомцевъ (родипели жили въ деревнѣ), онъ одинокій прогуливался мимо пѣхъ домовъ, кои возбуждали въ немъ опдаленныя воспоминанія. Воздухъ рѣдины конечно и ему дышалъ сладоспью, но сердце спѣснялось чѣмъ-шо груспнымъ: онъ порывался душою обласкапъ всякаго вспрѣчнаго, себѣ присвоипъ его учаспие дружелюбнымъ привѣпомъ, добродушнымъ именованіемъ *земляка*; но всѣ они съ холодною важноспью шли своимъ пупемъ, не обращая на него любопышнаго взгляда; одни солдапы снимали шапки передъ бѣлымъ сулпаномъ его.

Зачѣмъ мои соотечественники не простираютъ ко мнѣ объятій? подумалъ Шперне; зачѣмъ никто даже не любопытствуетъ узнать мое имя? дѣти одной земли должны быть, какъ дѣти одной матери! Милая женская прихоть души моей, никто не хочетъ угодить тебѣ! Однакожъ — дурное предзнаменованіе! — между сими холодными душами найду ли пламенную любовницу? Какъ мнѣ отыскаешь ту, которая, въ обманчивыхъ сновидѣніяхъ, манила меня привѣтною улыбкой?

Въ это время прохожій поклонился ему весьма почтительно; онъ былъ довольно число одѣтъ, но по поклону можно было узнать, что онъ служитель.

«Развѣ ты знаешь, кто я?» спросилъ Шперне.

— Не имѣю чести знать; но, по старой привычкѣ, всегда кланяюсь господамъ. Офицерамъ; мы съ покойнымъ бариномъ прослужили десять лѣтъ въ конницѣ; такъ сердце

радуешся, какъ увидишь бѣлый султанъ: невольно вспомнишь молодаго барина! —

На вопросъ: чей онъ человекъ? онъ назвалъ Барона Зонненшала и рассказалъ, что молодой баринъ его скончался въ полку; что покойникъ любилъ его чрезвычайно; что попому-то и старый баринъ его лелѣетъ и ласкаетъ всячески. Владиміръ между прочимъ сказалъ ему, что завтра, до разсвѣта, онъ намѣренъ отправиться въ деревню, къ родителемъ.

— Ужъ вѣрно не пакъ рано! возразилъ недовѣрчиво служитель; вѣрно будете сегодня въ Благородномъ собраніи! въ нашемъ городѣ много хорошенькихъ барышень: попанцуете съ ними, успанете и, можете спашься, проспите до обѣда. —

«Точно ли сегодня собраніе? я пріѣхалъ за нѣсколько часовъ передъ эшимъ, и еще не провѣдалъ о такой пріятной новости.»

— Точно, сударь! полагаю, что наши господа уже поѣхали. —

Эпопъ добрый служитель, эпопъ оригинальный поклонникъ сулпановъ разсѣялъ меланхолическія мысли Владиміра; въ одну минушу оплегло опъ сердца; душа разыгралась какимъ-то сладоспнымъ чувспвомъ и желаніемъ повеселишься на родинѣ. «Посмотрю на юныхъ еоопечеспвенницъ: какъ знашь, можетъ бышь и она между ними! зачѣмъ я не знаю ея милого имени?»

Огромная зала, полная праздничнымъ блескомъ, гремящею музыкою и волноворопомъ людей, дышала магическимъ призывомъ къ веселію; Владиміръ вспомнилъ волшебный замокъ своихъ влюбленныхъ сновидѣній. Когда умолкла музыка, когда дамы разсѣлись большимъ полукружіемъ, онъ, совершенно чуждый въ эпомъ собраніи, смопрѣлъ издали на нихъ, въ благородно-важной позиціи крупя черные усы: сколько прекрасныхъ личикъ! его глаза разбѣжались; развлеканное на всѣ спороны вниманіе не знало, на комъ оспановишься: смопря на

роскошный цвѣтникъ, скоро ли удосто-
вѣришься, какой цвѣпокъ прекраснѣйшій?
глядя на небо, усѣянное блестящими звѣ-
здами, скоро ли узнаешь, какая изъ нихъ
блистательнѣйшая? — Музыка заиграла
мазурку: спановились пары — не чепыре,
какъ обыкновенно, но десять или двѣнад-
цать; былъ шуръ, гдѣ кавалеръ и дама вы-
бираютъ: первый двухъ дамъ, а послѣдняя
двухъ кавалеровъ — и сводятъ ихъ. Шперне
не участвовалъ въ панцахъ, но споялъ до-
вольно близко къ кругу; его выбрали — и
судьба свела его съ дѣвушкою спройною,
прекрасною, очаровательной пріятности
лица. Между шѣмъ, какъ онъ привлекалъ
вниманіе зрителей своею ловкостію и воин-
скою смѣлостію движеній, онъ спарался
на лешу разсмотрѣть свою даму; съ во-
споргомъ обвивъ ея дивный спанъ, нѣсколько
разъ кружился съ нею, спройно звеня шпо-
рами — и опкланялся. Его любопытство
сосредоточилось на этомъ миломъ предметѣ:

минутный танецъ какъ будто породнилъ его съ нею! Онъ съ особеннымъ участіемъ слѣдовалъ душою за ея легкимъ полетомъ; онъ любовался ея лучезарнымъ лицомъ, выразительною поступью, искусною игрой ея ножекъ, и наконецъ — эпой полосапою, воспочной одеждою Случалось, она паритъ мимо него, какъ баснословная Пери, и ему кажется, что воздухъ, разсѣкаемый ею, дышетъ розами и любовью!

«Эпо она, можетъ быть!» промолвилъ ему внупренній голосъ: «Какъ она превосходитъ всѣхъ своею ангельскою миловидностью!» — Выбираемый дамами въ пакомъ случаѣ, гдѣ эпо позволяется, Владиміръ не много досадовалъ на нее: зачѣмъ она не слѣдуетъ ихъ примѣру, въ отношеніи къ нему; но когда ему посчастливилось еще разъ сойтись съ нею, въ продолженіе той же мазурки, онъ позабылъ все, твердо рѣшился познакомиться съ нею поближе и успѣлъ пригласить ее на слѣдующій танецъ. Она

пзъявила согласіе съ восхищительною для него любезностію.

« Эпо должна бытъ она! » подумалъ онъ; « она не была ангажирована, не опринула моей первой просьбы: бытъ можетъ, эпо знакъ, что ея сердце еще свободно, что она не опринесть и моей важнѣйшей просьбы! Я слышалъ ея милый голосъ; еслибъ она была незрима, я узналъ бы подругу сердца по этому голосу! » Влюбленные суевѣрны.

Началась кадрили. Шперне уже провѣдалъ, что дама, въ полосапомѣ платьѣ, есть Баронесса Августина Зонненпаль. « Чудесная игра случая! » подумалъ Владиміръ, вспомнивъ любителя сулпановъ; « нѣтъ! эпо перснть Провидѣнія, указующій мнѣ на предметъ любви, избранный моимъ собственнымъ сердцемъ, и родителемъ и Богомъ! » — Онъ не замедлилъ вступишь съ нею въ разговоръ, къ которому способствовалъ эпошь панецъ. Опъ равнодушныхъ предметовъ скоро перешедъ къ

своему спранному положенію среди соопечественниковъ, его не знающихъ, и милыхъ соопечественницъ, ему чуждыхъ, въ его опсупспвіе разцвѣпшихъ, онъ не могъ не разказапъ ей вспрѣчи съ ихъ Андреемъ, и что ему обязанъ удовольспвіемъ сего вечера. «Онъ для меня важный человекъ!» прибавилъ Шперне; «онъ мужъ рока, желающаго вознаградишь меня за долгое лишеніе радоспей въ опцевскомъ краю. Теперь мнѣ кажешся, что я уже не чужой въ эпомъ собраніи: въ лицѣ вашемъ я будпо познакомился со всѣми Граціями моей родины! Имѣя счастье дѣлитись съ вами веселіемъ панца, я будпо въ эпомъ веселіи ощущаю всѣ совокупные воспорги, какіе шолько можешъ внушапъ видѣ опечественнаго!»

Скромная Авгуспина улыбнулась; въ ея одушевленныхъ глазахъ выражалось невинное любопыспсво узнапъ имя ея панцора, но она опвѣчала: «Хопя мнѣ никогда не случалось быпъ въ разлукѣ съ родными и

по себѣ узнашь чувствва при возвратѣ на родину; но мнѣ кажется, я понимаю эпичувствва; я вѣрю, что любовь къ родному краю, въ такія минуны, облакаетъ и обыкновенное въ какое-то волшебство.»

— Вы правы! опвѣчалъ Владиміръ; путешественникъ цѣлуешь родную землю, хотя хладную, безчувственную! но если *необыкновенное* воспрѣпипъ его при вспуленіи на эту землю; если то, что не нуждается въ эпомъ случайномъ волшебствѣ, потому что дышетъ собственною, лучшею прелестью, и сіяетъ собственнымъ, какъ солнце, свѣтомъ Мнѣ было бы пріятно, опъ *васъ* первыхъ узнашь что нибудь о моихъ родителяхъ: я напередъ увѣренъ, что это будетъ вѣсть опрадная — я Владиміръ Шперне! —

Казалось, глаза Авгуспины загорѣлись свѣплѣе — опъ удовлетвореннаго ли любопытства? опъ того ли, что въ ея душѣ

пробудилось какое-то дѣтское о немъ воспоминаніе?

« Я очень рада, что мой отвѣтъ согласуется съ вашимъ предчувствіемъ; я недавно видѣла вашихъ почтенныхъ родителей: они здоровы; но, кажется, не ожидающъ васъ, или, лучше сказать, ждущъ переспали, уже нѣсколько лѣтъ тому. Великая будетъ для нихъ радость! передайте имъ мое истинное участіе во всемъ, что для нихъ пріятно. Я ими обласкана сколько, что считаю долгомъ просить васъ объ одномъ: не испугайте вашей мапери неожиданностью своего появленія; она дѣлается больною отъ испуга! »

— Теперь я знаю, что это *она!* плѣнительное существо, съ которымъ я объ руку спую въ храмъ Терпсихоры! скоро ли такъ предстану съ шобою передъ алтарь Всевышняго, чтобъ получить брачное благословеніе! подумалъ восхищенный Владиміръ, и краснорѣчиво поблагодарилъ ее за такую

обязательную просьбу. « Вы, можетъ быть, не повѣрили моимъ словамъ, что въ лицѣ вашемъ я познакомился со всѣми въ этомъ собраніи? позвольте мнѣ доказать это: — Не опецъ ли вашъ, которій тамъ у печки разговариваетъ съ флорскимъ Офицеромъ? я нахожу въ немъ перемѣну: принадлежалъ лѣтъ не шулка! но онъ сохранилъ всю прежнюю бодрость и прежнюю пріятность лица. — Вотъ въ той почтенной дамѣ, сидящей подлѣ спарика съ звѣздой, нельзя не узнать вашей маперы: есть чрезвычайное между вами сходство! въ ваши лѣта, она должна была быть точно вы — и вѣрно всегда была царицею пражескихъ! » Назвавъ еще нѣсколько лицъ и всегда угадывая: « Не правъ ли я? » спросилъ онъ съ шоржескующимъ видомъ; « вѣрнее же теперь, что ваше присутствіе, будто близость высшаго существа, озаряетъ душу пріятнымъ всевѣдѣніемъ, обольстительнымъ ясновидѣніемъ! » Она опечалась не успѣла;

Владиміръ увлекъ ее въ круговой, оконча-
пельный вальсъ. —

« Скажи мнѣ, милая Авгуспина: съ кѣмъ ты сей часъ танцовала? его никакъ не знаешь, онъ долженъ бытъ пріѣзжій! » спросила одна изъ ея подругъ, которая всегда хвалилась тѣмъ, что по имени знаетъ рѣшительно всѣхъ Офицеровъ въ городѣ, и Флорскихъ и сухопутныхъ.

— Я не спросила его объ имени; отвѣчала Баронесса съ улыбкою.

« Ахъ, какъ досадно! » пробормотала подруга и опошла сердито.

« Поздравляю себя съ побѣдою! » шепнула другая, сжимая руку Авгуспинину; « этакъ чужой Офицеръ много говорилъ съ тобою; глаза его сверкали отъ воспорага. »

— Онъ не чужой: онъ нашъ землякъ! и потому говорилъ комплименты мнѣ и вамъ всѣмъ: это молодой Шперне! Онъ радуется, что послѣ тринадцати лѣтъ видитъ свою

родину; что родители здоровы — вопль и вся побѣда! —

«Твой кавалеръ право не дурень собою! И какъ онъ ловко танцуетъ; и ты, Августина, была очень любезна съ нимъ!» сказала прешя. «Но онъ долженъ бытъ плутъ!» продолжала она: «онъ иногда заспавлялъ шебя опвѣчать ему во время вальса; мой женихъ мнѣ признался, что это понкая уловка нѣкопорохъ кавалеровъ, чтобы дамы подымали глаза въ это время: ни въ какомъ положеніи хорошенькая не бываетъ прелеснѣе, утверждаетъ онъ.»

— Онъ по себѣ судитъ обо всѣхъ кавалерахъ, и о дамахъ по тебѣ, мой другъ! былъ опвѣтъ Августины.

Шперне подошелъ къ ея опцу, и имъ былъ представлень мапери; оба обласкали его, изъ любви и уваженія къ его родителямъ. Баронъ подвелъ его къ своему сыну, Федору, въ другой комнаѣ игравшему въ билліардъ. Это былъ молодой энпузіасъ,

поэтъ въ душѣ, копорый объѣзжалъ лучшія снраны Европы — человѣкъ, скучающій вседневноспью жизни и полько живущій въ минуны душевнаго попрясенія. Онъ до того обрадовался Владиміру, поварищу его дѣпспва, что не могъ окончить паршін; обнялъ его съ поэпическимъ воспоргомъ, заговорилъ языкомъ сердца, увлекъ его въ опдаленную комнапу и велѣлъ подапъ Рейнскаго вина. Если бъ сердце Владиміра не рвалось въ панцовальную залу, къ пѣнипельной Августинѣ, онъ съ величайшимъ удовольспвіемъ слушалъ бы пламеннаго Федора; но между шѣмъ безъ ропопа покорялся обспояпельспвамъ, предвидя, что брапъ ему нуженъ, для скорѣйшаго сближенія съ сепспрою.

« Не выпипъ ли еще? » спросилъ Федоръ. « Ну, какъ хочешь! » продолжалъ онъ; « пакъ воропимся въ залу! Эпо былъ часокъ дружбы! онъ выше всѣхъ прочихъ часовъ жизни, и предспавляетъ восхищеспельный видъ на

человѣчество, какъ Ригикульмъ на Швейцарскую природу!»

— Благодарю тебя за эпопѣю неоцѣненный часъ! опивчалъ Шперне; клянусь тебѣ: онъ для меня былъ слаще и богаче цѣлой дюжины лѣптъ; но — я опкровенень! — признаюсь тебѣ: я думаю, часъ любви можетъ быть еще выше! —

« Не спорю: пакъ какъ Монбланъ выше Риги! но вершина перваго доступна для немногихъ, опасна для всѣхъ! Она слишкомъ высока для смертнаго, слишкомъ близка къ небесамъ: душа лучишься опъ воспорга и долго снеспи не можетъ эпой близоспи — вопъ подобіе любви! Но зачѣмъ благородный смѣльчакъ, достигшій вершины Монблана и подышавшій воздухомъ Неба, можетъ пакъ равнодушно жить въ низкой долинтъ? зачѣмъ счастливый избранникъ, достигшій высопъ любви и тамъ испившій райскую чашу, ему поданную ангеломъ, дѣлается такимъ же равнодушнымъ челоукомъ, какъ

и прочая шварь людская? И такъ, лучше не бывашь на Монбланъ, не знашь этой пайнспвенной любви; но одной дружбѣ посвящашь безсмертную памяшь, какъ высопамъ Ригикульма!»

Эта рѣчь попрясла душу Владиміра. «Замѣчаю изъ словъ швоихъ,» молвилъ онъ печальнымъ голосомъ, «чшо пы любилъ — и забылъ и швоя благородная душа за эпо ссорилшя съ сердцемъ швоимъ! Но кто же изъ насъ безъ грѣха?»

— Нѣштъ, мой другъ, не шо! Ангель Швейцарскихъ горъ . . . ко шеперь нѣкогда — ворошимся въ залу! —

«Каковъ былъ мой первый вечеръ на родинѣ!» воскликнулъ Владиміръ, возвращаясь въ свою комнапу — и убѣдился въ невозможности: уѣхашь завпра. Онъ оспался цѣлую недѣлю.

Г Л А В А III.

Точно ли Владиміръ сердцемъ угадалъ прекрасную, копорую опецъ назначилъ ему въ супруги? Онъ пріѣхалъ къ родителѣмъ; его душа горѣла священной радостью сына; чувство любовника безмолвствовало. Послѣ перваго порыва свиданія, Владиміръ съ душевнымъ умиленіемъ глядѣлъ на мапъ и на опца . . . Они были пѣже добрые, ласковые, но видѣ ихъ не походилъ уже на прежній образъ, сохранившійся въ памяти благодарнаго сына: старость проросупала по черпамъ лица, по волосамъ, по всему . . . что совершается годами, поспепенно и незамѣпно, но для нѣжнаго сына совершилось споль разительнo въ одну минупу! —

До пѣхъ поръ сердце увѣряло его, что милая Августина еспъ избранница его родителей; но погда грустное чувство навело ему на умъ какое-то сомнѣніе: «Если эщо не она? если мой выборъ прошиворѣ-

чипгъ надеждѣ, копорую они, на своей спароспи, ласкаюпгъ съ такою нѣжноспію? » Онѣ далѣ себѣ слово — слово, для него ужасное — всѣмъ пожерпвовапгъ желанію родипелей и свяпо упашпгъ опгъ нихъ все-сильное чувспво кѣ Августинѣ. — Два дни онѣ сносплѣ всѣ мученія неизвѣспноспи; въ препій, съ припворнымъ равнодушіемъ, просилѣ опца именовашпгъ ему шу дѣвушку.

« Ты долженѣ самѣ избрашпгъ себѣ подругу! » былѣ опвѣспгъ: « пы восемь дней гулялѣ въ городѣ: не понравилась ли шебѣ какая нибудѣ? »

— Я шамѣ видѣлѣ красавицѣ; въ монлѣпа уже не прельщаюпгся однимъ личикомъ; а чпобы узнать душу, на эпо надо болѣе времени. Вы же знаепе ихъ съ дѣпспва; знаепе, какая прекраснѣе всѣхъ душою; укажипте мнѣ на нее, а шамѣ я уже, по совѣщаніи съ сердцемъ своимъ, опкровенно скажу вамъ свое мнѣніе! — Убѣжденный опецѣ назвалѣ — съ какимъ болѣзненнымъ

напряженіемъ сердце Владимірово ждало роковаго звука — отецъ назвалъ Августину!

« *Она, слава Богу, она!* » воскликнулъ сынъ, обнялъ удивленнаго отца и рассказалъ ему все до послѣдняго слова, до мажѣйшаго обспояпельспва, касапельно *той*, которую само Провидѣніе вручило его объапіямъ, среди своевольнаго танца. Отецъ убѣдился въ помъ, чпо сынъ уже любилъ ее всѣми силами души, чпо имѣеть полную надежду бытъ любимъ взаимно въ той же мѣрѣ (цѣлая недѣля, имъ проведенная въ городѣ, или — лучше сказаць — въ домѣ Барона Зонненшала, сблизила его съ Августиною) и оба съ воспоргомъ рѣшили, чпо Все-вышній явно покровительспвуетъ этой любви, чпо Августина очевидная любимица его. —

О Рождеспвѣ Баронъ переѣхалъ въ свое помѣспье, и Федоръ навѣспилъ семейспво Шперне.

« Люблю этого спранныго челоуѣка ! » говаривалъ отецъ: « онъ отводилъ мнѣ душу своею поэпическою мечпапельностью ! Немногіе знаютъ ему цѣну, попому, что онъ уклоняется отъ условій общежитія, презираетъ всѣхъ, не понимающихъ его образа мыслей, такъ, что успѣлъ прослыть эгоистомъ ; но онъ доволенъ тѣмъ, что сестра его понимаетъ, и о прочемъ ни мало не заботится. »

Владиміръ, напомнивъ ему первый вечеръ ихъ возобновленной дружбы, уронилъ словечко объ ангелѣ Швейцарскихъ горъ.

« Это таинство сердца, о которомъ не говорятъ во всякое время ; это недопрога, не терпящая прикосновенія руки холодной ! Чтобы живо представить ее своимъ понятіямъ, нужна таинственная теофанія древнихъ ! »

— Я согласенъ, отвѣчалъ Владиміръ, что челоуѣческимъ нарѣчіемъ не выразишь ничего небеснаго ; но оно выражается инымъ

образомъ, на примѣръ *сравненіемъ!* Я, по крайней мѣрѣ, не нуждаюсь въ древней ееофаніи: она мнѣ замѣняется знакомствомъ съ своею сеспрую твой ангелъ горь походилъ ли на сеспру твою? —

Федоръ улынулся. «Различіе чувствъ къ эпимъ двумъ превосходнѣйшимъ въ мірѣ существамъ мѣшаетъ мнѣ бытъ судьею въ эпомъ дѣлѣ,» возразилъ онъ: «Швейцарка была моею любовницею; сеспра моя поэтъ ангелъ, копорому моляпся любовники! Да, Августина — существо ангельское! До сихъ поръ мнѣ не случалось примѣпить въ ней хоть что-нибудь похожее на чело-вѣческую слабость: гнѣвъ, негодованіе, досада, ропотъ, женскія прихоти — она чужда всего этого! только однимъ она напоминаетъ свое происхожденіе земное: она плачетъ въ горести; но плачетъ необыкновенно и чудно-прекрасно! Слезы текутъ ручьями, и ни одна черта лица не измѣняется — это придаетъ ей какую-то сверхъ-

естественную прелесть: пакъ, можетъ бытъ, плачущъ и безплошные духи!»

Владиміръ признался брапу въ любви къ сестрѣ и въ намѣреніи искасть ея взаимности и руки. Федоръ слушалъ неподвижно и безучастно; облокотясь на ручку креселъ, онъ только взглянулъ на небо и промолвилъ задумчиво: «Если она женщина, пакъ пускай выйдесть замужь; если же ангелъ, по ея супружество будетъ на небѣ!»

— Зачѣмъ ты меня превозишь такимъ ужаснымъ предчувствіемъ! сказалъ Владиміръ съ дружескимъ упрекомъ.

«Не вѣрь этому предчувствію!» отвѣчалъ Федоръ съ твердою убѣдительносью: «я напиался суевѣріемъ въ Швейцарскихъ горахъ; оно проспипельно мнѣ.... Глупое дѣло предвѣдѣніе! дѣпская шалость души! будпо можно узнать по, для чего нашъ умъ не созрѣваетъ на землѣ! Ищи любви. Августины; съ ея взаимносью сопряжено и родпельское благословеніе и мое брапское

желаніе вамъ счастья. Если тебѣ удастся любовью впревожипь младенческое сердце моей сестры, то еще разъ буду видѣшь дѣйствія прекраснѣйшей счастія на прекраснѣйшую душу и, признаюсь тебѣ: я желалъ бы видѣшь Августину — любящую! »

Семейство Шперне проводило Святки у Барона. Глаза Владиміра горѣли отблескомъ свѣтлаго душевнаго огня; веселостью — почти шаловливою — обнаруживалась рѣзвая надежда любви; его сердце, какъ неисчерпаемый ключъ, почило полныя струи жизни. Августина же — кто не видалъ ее въ то время, кто не можетъ имѣть яснаго понятія о плѣнительномъ выраженіи первой любви ее! Восходящее солнце, свѣжее утро, ясноглубое небо, задумчивая лунная ночь весны, роса, пурпуръ, кристаллъ, свѣтлость, преображеніе — изъ этихъ дивныхъ стихій было составлено сіе чудное существо, съ одушевленною улыбкою, съ теплою, краснорѣчивою сердечностью! Фе-

дору съ особеннымъ участіемъ наблюдалъ сеспру свою; его лице было подернуто нѣжною меланхоліею; мнилось, онъ сказашъ хопѣль: «Кпо пакъ небесно цвѣшеть на землѣ, пому не суждено пережить время цвѣпа — онъ разольется въ лучахъ своихъ!» ...

Къ счастью, никпо изъ свяпочныхъ гостей не раздѣлялъ съ нимъ этого груснаго чувства; рѣзвились и радовались; выдумывали игры, выводили шарады въ дѣйствіи, соспавляли карпины. Когда Августина представляла какое нибудь фантаспическое существо, тогда царспвовало глубокое благоговѣніе, и нѣкопорые чувспвовали даже робоспъ: нельзя было не думать, что это сверхъеспспвенное явленіе — споль превосходно она выполняла пакія роли. Самъ Владиміръ безпреспанно долженъ былъ увѣрять себя, что сіе живописное сновидѣніе еспъ ангель воплощенный, существо, могущее любить, дѣва съ сердцемъ!

Такъ, дѣва съ сердцемъ! она не опринула его любви: вмѣсто опвѣща, она его поцѣловала . . . длинныя рѣсницы опустились, какъ дѣвственное покрывало, и когда она подняла голубые глаза, въ копорыхъ, какъ въ небѣ, видѣлся образъ Владиміра, восхищенный любовникъ прошепталъ словами Шиллера:

— Mein Bild in deiner Augen
Himmelblauem Spiegel schwimmt!

Болѣе онъ сказаць не успѣлъ; минуша пайнаго объясненія пролепѣла, и когда онъ, опомнившись, вышелъ къ обществу, онъ увидѣлъ, что у опдаленнаго окна Федоръ нѣжно сжималъ обѣ руки сеспры своей.

По опѣздѣ гостей обнаружилась шайна любовниковъ. Дѣло сладилось, къ общей радости; но родители Августины неопмѣнно претовали, чтобы свадьба была опложена на годъ, потому что въ споль коропкое время, дѣши ихъ не могли совершенно узнать друга друга.

«Хотя долгимъ и весьма долгимъ покажется эпопѣ годъ искуса,» сказалъ Владимиръ: «но онъ когда-нибудь да пройдетъ, и Августина будетъ моею!»

— Она уже своя, если ваши чувства не измѣнятся! опивчалъ Баронъ, и поздравилъ ихъ женихомъ и невѣстою. Еще при дни семейство Шперне было у Барона — при райскіе дни для любящихъ, съ плѣнительною свободою въ обхожденіи.

«Милая, нѣжная голубица!» промолвилъ романтическій Федоръ, обнимая и цѣлуя сестру: «ты на легкихъ крыльяхъ впервые испытуемаго восторга, паришь въ голубомъ эфирѣ, какъ свѣтлый духъ! Не улетай на небо! . . . опустишь — и въ миршовой бесѣдкѣ проворкуй намъ пѣсню любви своей — голосъ невѣсты есть голосъ ангела!»

Г Л А В А I V.

Возвратясь домой, Владиміръ, исполненный сладкой жизни и обольстительныхъ надеждъ, нашель письмо, по надписи коего онъ узналъ руку челоуѣка, уже давно распоргшаго съ нимъ всѣ узы пріязни — руку Санина.

« Я тебя любилъ, когда ты опинималъ у меня лучшее въ жизни, мое единственное въ мірѣ сокровище! Я тебя разлюбилъ, когда ты безчувспенно издѣвался надъ разперзаннымъ сердцемъ Елисаветы! Но теперь — ненавижу тебя, какъ дьявола; — но радуюсь, что ты смерпный — ибо смерпный не избѣгнетъ казни! . . . Бышь можешъ, ты теперь опять увиваешся около прекрасной дѣвушки и съ адскою хипроспью вкрадываешся въ сердце ея; мнѣ жаль, если она успѣла тебя полюбитъ! Остановись, замедли любовными происками — тебѣ еще не время къ брачному вѣнцу! за прежній проспунокъ ты преданъ суду Божию . . .

Всевышній будеть тебя судить не на небесахъ, по преспавленіи міра — нѣпъ! скоро, и на земль, и судилищемъ его будеть — простой, небольшой холмикъ, со знаменіемъ спраспей и искупленія! Слушай!

Заперянная за недостойнымъ супругомъ, Елисавета увядала . . . спрости себя о причинѣ ея безмолвной, губительной, великодушной горести! Она увяла . . . она преспавилась! . . . слушай: *она преспавилась!!!* Дикая, мерзвая скала, на голось челоуѣка, окликаешся челоуѣческимъ голосомъ; но каменное сердце пвое на эпопъ громовый раскапъ: *Она преспавилась — и ты, злодѣй, погубилъ ее!* едва ли окликнешся и слабымъ упрекомъ — но оно попрясется отъ приговора Всевышняго!

Бездушный супругъ чувствительнѣйшей въ мірѣ женщины забопился полько о пышноспи похоронъ; родители, ее продавшіе, были въ опсупспви и — грѣшные — не

удостоились лицебрѣнія преобразенной дочери! Никто изъ многочисленныхъ геспей не чувспвовалъ со мною, что природа обѣднѣла этой упратою, что Ангелъ Божій снялъ вѣнецъ съ главы человѣческа — оно недостойно было вѣнца — и никто, никто не плакалъ надъ эшимъ разперзаннымъ вѣнцемъ! Сирота въ жизни, сирота въ гробѣ — и женщина, безсмертная по красотѣ и добродѣтели! Ее оппѣвали. Языкомъ церковнаго обряда она прогашельно еще молила сихъ безчувспвенныхъ людей: *Цѣлуйте меня послѣдними цѣлованіемъ!* и никто не исполнялъ сей послѣдней просьбы! — Уже закрывали гробъ . . . я подошелъ, оппшолкнулъ крышку, поднялъ погребальный покровъ на миломъ лицѣ изображались таинспвенные знаки спраданій, какъ на спраспномъ цвѣпкѣ! Слышишь ли, злодѣй? знаки душевныхъ спраданій Въ эту минупу я безмолвно ей поклялся, что, если увижу шебя, и на лицѣ пвоемъ не изс-

бразятся подобные знаки, по сокрушу тебя на ея могилѣ! И давъ эту кляпву, я поцѣловалъ ее въ помертвѣлыя уста Въ этомъ поцѣлуѣ было болѣе теплоты и любви, нежели въ душѣ швоей — въ немъ было лучшее наслажденіе моей жизни! Уже не хочу искашь ни одной радости, не хочу и глядѣшь на эпомъ свѣтъ! Мои глаза успремлены на священное орудіе мески — я жду злодѣя! — На восточной споронѣ города ешь разсадникъ Вѣчности; шамъ вышася эпомъ холмикъ, о копорѣмъ я шебѣ говорилъ ты по одну спорону, я по другую Я знаю, ты не блѣднѣлъ на обыкновенномъ барьерѣ; но думаю, ты смупишься передъ *этимъ*, подъ копорымъ спить швоя жертва Не содрогнулась бы она огъ нашихъ выспрѣловъ!»

Поздно, одинъ въ своей комнашѣ, Владимиръ чипалъ сіе грозное письмо. Сначала, будпо изумленный внезапнымъ паденіемъ съ свосго неба въ эту шму исподнюю, онъ ни-

чего не чувствовал онъ вѣвшимъ сердцемъ; какой-то шуманъ разоспался по рековой бумагѣ, слова слились вѣспѣ, спроки чернѣлись кудрявыми, невнятными чертами. Наконецъ онъ пробудился душою, глаза прозрѣли, сердце прочувствовало — и онъ упалъ на колѣна и спалъ молишься....

Большую часть ночи онъ провелъ на молитвѣ, но душа не успокоилась. Онъ вспоминалъ свои отношенія къ этой несчастной женщинѣ, и внутреннее сознание обвиняло его во многомъ. «Господи!» воскликнулъ онъ: «если я точно невольная причина ея смерти, наказуй меня на небѣ; но не взыщи этого грѣха на моей любви къ Августинѣ!» — Онъ воображалъ злополучнаго Санина въ горячкѣ, или мучительномъ безуміи; дикіе вопли сей вѣрной спраски колебали его душу; мысль о варварскомъ поединкѣ, на могилѣ нѣжной женщины, оспанавливала біеніе его сердца. Августина мечталась ему, опорванная опть него на вѣкъ, заслоняемая

священною пѣнію Елисаветы Его бурныя чувства переливались, какъ волны морскія: обратился ли душою къ небу, онъ боится вспрѣшпшь памъ укорительный взоръ отверженной любви; прибѣгнешъ ли подъ защиту ангела-Августины, онъ прещепъ той мысли, что она прочтешъ на лицѣ его смерть Елисаветы, и съ ужасомъ опвернешся и заплачетъ! Передъ кѣмъ обнаружпшь свое сердце, у кого искашь упѣшенія? его несчастный прослупокъ опчуждаешъ его опъ друзей и родспвенниковъ! Какимъ образѣмъ скрываешъ свою горешъ? — Онъ написалъ Санину въ опвѣпъ:

« Ты разрушилъ мѣръ моихъ воспорговъ, ты поссорилъ меня съ сердцемъ моимъ; ты мнѣ не далъ насладпшся пѣмъ коропкимъ счаспемъ, коимъ Провидѣніе меня надѣлило! Ты подернулъ мои глаза какимъ-то праурнымъ покровомъ, сквозь копорый предспавляешся зашемненною природа, недавно сіявшая раемъ Ты мнѣ прямо уда-

рилъ въ сердце, несчастный Санинъ, палачъ судьбы! —

Я обнажилъ свою душу передъ Богомъ и блаженнымъ духомъ Елисаветы; что я имъ говорилъ на молитвѣ, это ты узнаешь въ день суда. — И безъ стѣсныхъ оградъ, гдѣ опжившіе почіютъ въ мирѣ, земля довольно обширное распалище для безумныхъ дракъ и убійствъ! всякая могила естъ христіанскій алтарь, который оскверняется кровавымъ жертвоприношеніемъ! Уже ли намъ святошапшвеннымъ шумомъ вспревожитъ могильный сонъ Елисаветы? Подумай о томъ, чего ты пребуешь опъ меня! ты мнѣ писалъ въ изступленіи, благородный спрадалецъ! опрезвись душою, и если ты тогда еще захочешь того — *да будетъ!* но знай: я не поблѣднѣю и на *той* барьерѣ. . . . движенія души моей будутъ извѣсны одному Богу. — Приѣду къ веснѣ. Проспи! . . .»

Душевная буря опшумѣла. Владиміръ въ эптомъ бѣдспвенномъ положеніи являлъ

пакую пѣвѣрдоcтѣ́ духа, что нико не дознался его пѣжелой пѣйны. Конечно, его глаза уже не горѣли пѣмъ воспорженнымъ огнемъ, какимъ сверкали еще недавно; онъ уже не предавался порывамъ любовнаго вдохновенія; съ родителѣми уже не бесѣдовалъ безпрестанно о своей милой Августинѣ; но бывало говаривалъ: «Человѣкъ, достигшій цѣли своихъ желаній, долженъ войти въ себя, благоговѣть къ своему счастью, смиряться передъ Подателемъ всѣхъ благъ, — чтобы быть достойнымъ прекраснѣйшаго даянія, чтобы не накликалъ бѣды!»

Опѣ времени до времени онъ навѣщалъ свою невѣсту; нѣжная яcноcтѣ́ ея души озаряла его лице; всякій поцѣлуй ея проникалъ солнечнымъ лучемъ въ его душу... Онъ забывалъ предстоящую ему грозу, но не могъ совершенно предаваться пѣмъ надеждамъ, свѣплыми испочниками коихъ были одушевленные глаза Августины.

Въ прощальный день ему спало очень тяжело; образъ Елисаветы ясно и живо рисовался въ его мрачной мысли и смопрѣлъ на него печально, съ какимъ-то земнымъ участіемъ. Августина же подобилась опщедшему опть міра духу, выше всякаго земнаго чувсва, ибо слезы ея дѣйствительнo не имѣли никакого сходсва съ обыкновенными слезами! эти слезы почно придавали ей какую-то сверхъ-естественную прелесть, въ глазахъ суевѣрнаго Владиміра. Ему казалось, она уже не дышетъ пою прежнею, пламенной любовью, но священнымъ, таинственнымъ, непылымъ воздухомъ — будпо воздухомъ замогильнымъ! . . . Нѣтъ, это былъ обманъ его встревоженной души! въ ея поцѣлуѣ горитъ вся нѣжность невѣсны; она говоритъ ему споль убѣдительно: «Для чего мы печалимся шакъ много, будучи оба увѣрены въ неизмѣняемой любви нашей? развѣ пеперь уже не видится швой образъ въ глазахъ моихъ, опраженіе шого образа,

копорый хранился въ душѣ моей? что же ему ты не радуешься, какъ тогда? Развѣ разлука наша безконечна, когда все кончается! Пускай распояніе, на нѣсколько времени, будетъ непроходимою для насъ пропастью — мы наполнимъ ее прекрасными другъ о другѣ сновидѣньями! мы накинemъ надъ нею цвѣтную дугу любовнаго завѣща, и наши души будутъ обнимаются наэтомъ небесномъ мосту, какъ два блаженные ангела!» . . .

— Ты опводишь мою душу своимъ ангельскимъ присупспвіемъ, милая Августина! но, вдали опъ себя, превожапъ меня какія-то грустныя мысли: мнѣ сдается, что я не заслуживаю пвоихъ чистыхъ воспорговъ; что ты можешь быть подругою только ангела, но никакого человѣка!... Твои прелести и добродѣтели, пвои слова и слезы — все въ тебѣ неземное! Иногда, въ эпомъ чистосердечномъ смиреніи, хопя и возвышаюсь мыслию, что ты любишь меня, что ты не могла бы любить недоспой-

наго — но все же Августина поцѣловала его : « Умолкни, ласкашель ! Творецъ со-
здалъ насъ другъ для друга ! съ нами лучшія
надежды жизни , благословеніе родителей ,
доброжелательство людей , участіе ангеловъ !
Обручальное кольцо на рукѣ пвоей посвящаю
въ палисманы : оно охранишь тебя опъ
невѣрности , опъ всякихъ опасностей — и
соединишь насъ для вѣчности Не забы-
вай этихъ словъ : мы любимъ другъ друга
не только для земли ! »

— Не забуду , ангельская подруга моя !
клянусь любить тебя этой же любовью
на небѣ , когда бѣ Всевышній и не удо-
стоилъ меня бытъ пвоимъ на землѣ ! —
Обнимая ее , онъ глядѣлъ на чистый эфиръ
и тихо молился . Августина плакала и произ-
несла духовнымъ голосомъ *Тѣкль* :

Wort gehalten wird in jenen Räumen
Jedem schönen, gläubigen Gefühl!

(*Тамъ исполнился завѣтъ священный
Всякой милой вѣры и любви ! . .*)

Г Л А В А V.

Шперне возврапился въ полкъ. Санина не было; онъ находился въ опкомандировкѣ, за 800 верспъ, и поварищи думали, что онъ прїѣдетъ еще не скоро. Послѣ смерти Елисаветы онъ былъ очень боленъ, выздоровѣлъ, но душевная болѣзнь не проходила: цѣлыя ночи онъ проводилъ безъ сна — и однажды увидѣли его на кладбищѣ! Напрасно его удерживали опъ эпихъ ночныхъ прогулокъ; онъ никого не слушалъ. Боясь, что онъ не лишился ума, Полковникъ далъ ему опкомандировку, въ надеждѣ, что опсупспвіе разсѣетъ его. Ему очень не хотѣлось ѣхать; онъ опговаривался нездоровьемъ, но долженъ былъ слушаться совѣта начальника. Уѣзжая, онъ поручилъ сказать Шперне, что онъ ждалъ его съ неперпнїемъ.

« Елисавета-то умерла и, какъ говорятъ, съ доски по шебѣ, » молвилъ Иванъвичъ,

« а ны шалунъ пріѣхалъ женихомъ! Покажи-ка порпрепъ невѣсмы! Ахъ, чудная красавица! клянусь чеспію: інакой еще я не видывалъ! Ну брапъ! шебъ будешъ спыдно не дапъ намъ по крайней мѣрѣ полдюжины шампанскаго, за ея здоровье; эпопъ ангель споилъ бы цѣлой дюжины — спроси у кого хочешъ? а памъ за побою, если не ошибаюсь, еще полдюжины, за упокой Елисаветы! Мало ей было радостей въ здѣшнемъ мірѣ, бѣдняжка! Она памъ обрадуешся, если помянемъ ее почешною чашею, въ похвалу за ея добродѣтели. Чеспъ живущимъ, чеспъ и мерпвымъ! »

— Хвала пріятна и ангеламъ, а женщина и памъ оспашеся — женщиною, по мнѣнію Сведенборга — сказалъ Левицкій. Я эпо говорю не въ укоризну женщинамъ: Елисавета меня заспавила уважашъ полъ ея, доказавъ, что она шужила среди золопа и роскоши, что сердцу ея нужна была любовь. Одинъ Санинъ, быпъ можешъ, въ награду

за его безвозмездную спраспъ, былъ свидѣ-
 шелемъ ея кончины; но сколько я ни раз-
 спрашивалъ его объ эпомъ, всегда мнѣ былъ
 одинъ опвѣтъ: «Люди недоспойны знать
 пайну ея преображенія!» — Изъ нѣкопорыхъ
 несвязныхъ словъ его, подслушанныхъ мною
 во время его болѣзни, заключаю, что онъ
 тогда ей признался въ любви, о копорой
 она дополѣ не знала; что она, въ мукахъ
 смерти, радостно изумилась вѣрной къ ней
 спраспи хопя одного человѣческаго суще-
 ства, и обѣщалась воздасть ему любовью въ
 раю. Съ тѣхъ поръ его любимое чпеніе —
 Сведенборгъ; нечаянно увидѣлъ я, что
 спашья о *Супружествѣ на небѣ* была
 заложена розовою леншою, предсмершнымъ
 подаркомъ Елисаветы; карандашемъ было
 опмѣчено по мѣспо, гдѣ знаменипый меч-
 пашель говоритъ, что ангелы — обоого
 пола, какъ люди, но облаченные въ духовное
 тѣло, знаютъ высшія наслажденія супру-
 жества, нежели смершные, — что «сіи

восхищительные союзы не производящъ дѣпей, но духовные плоды любви и мудрости; безпрестанно умножающіе блаженство супруговъ.» —

— Наспала пышная весна южной Россіи. Владиміръ, упомненный дневными прудами службы, опдыхалъ въ чпеніи занимательныхъ писемъ Августины. Однажды, перечитавъ всѣ, исполнившись нѣжнаго вдохновенья и спокойной довѣренности къ самой будущности, грозящей ему смертію во мстительномъ образѣ Санина, онъ съ балкона своей квартиры любовался прелеснымъ видомъ на вечернюю природу. Солнце приближалось къ закапу; земледѣльцы шли съ поля; мычаніе спада разносилось по окрестности; эскадроны возвращались съ водопоя, и солдаты пѣли Малороссійскую пѣсню. На Владиміра нашла одна изъ эпихъ дивныхъ минупъ, когда земная жизнь кажется заманчивымъ, ангельскимъ предъигрищемъ небесной; когда смертъ перяетъ свой мракъ

и холодъ и ужасы свои, и, озаряемая полною мыслию безсмертія, какъ полною луною, уподоблялся весенней лунной ночи, съ ея мечпательною жизнію, съ ея обольстительными шайнспвами. Умираніе сравнивають съ закапомъ солнечнымъ, думалъ онъ, и еще никогда не изслѣдовавъ ни того, ни другаго, во всѣхъ поржеспвенныхъ измѣненіяхъ угасанія, и невольно воображая послѣднія минуны Елисаветы, нѣкогда и ему сіявшей солнцемъ — онъ твердо рѣшился до послѣдняго луча взорами сопроводить свѣтило дня, которое, въ безоблачномъ западѣ уже касаясь земли, обѣщало великолѣпный закапъ. Вопъ: оно уже поперяло свою круглопу, уже разрушена гармонія цѣлаго; легкое препенаніе обезображеннаго лица предспавляетъ измѣняющееся лице спрадальца, пораженнаго первымъ прикосновеніемъ смерпи. Вопъ: оно уже закапилось въ половину... эпо попъ великій моментъ, когда умирающій, стоя на порогѣ вѣчности, взорами

объемлеть оба міра: часть души еще здѣсь, а часть уже тамъ.... въ этомъ положеніи, человекъ вѣроятно могъ бы передать намъ тайну другаго міра, еслибъ наше нарѣчіе не нуждалось въ свойственныхъ ей выраженіяхъ. Вотъ: оно всего свѣтила видна только малая частичка, разливающаяся въ блескахъ и прелепныхъ лучахъ! Это пылая испода свѣтлой, прекрасной души, мучимой менѣе смертію, нежели воспоргомъ безсмертія! Вотъ: оспалась на горизонтѣ одна огненная почка, единый лучъ, но онъ изъ всѣхъ прекраснѣйшій.... онъ угасаетъ.... угасъ!... такою блистательной божественностью долженъ горѣть послѣдній взоръ опходящей красавицы! Такъ, вѣроятно, умерла Елисавета! Вотъ тайна ея преображенія, видѣннаго Санинымъ! такъ нѣкогда умретъ и моя Августина.... но тогда — чшобъ меня не было на землѣ.... чшобъ ея земной закапъ былъ для меня восходомъ моего солнца въ раю!» —

Ослѣпшему опть сего пламеннаго зрѣлица, Владиміру мечпался какой-то чудный міръ изъ блеска и радужныхъ облаковъ, и Августина, въ свѣплыхъ фаншаспическихъ покровлахъ, будпо сопканныхъ изъ звѣздныхъ лучей, неслась по эпому міру, какъ легкій духъ — и Елисавета приняла ее въ свои объятія, восклицая: «Блаженная! ты искупила вину друга!» Онъ будпо ушами слышалъ эти слова; онъ прислушался къ опзыву ихъ — но разпозналъ полько голосъ соловья въ саду. «Милый обманъ воображенія!» подумалъ онъ; «послѣдствіе живой мечпы о минушѣ смерти, объ Августинѣ и Елисаветѣ!»

Свѣшъ дневной попухалъ; луна, уже давно взошедшая, оживлялась дѣвспвеннымъ румянцемъ; земля дышала благовоніемъ, какъ наряженная на вечерній праздникъ красавица; настала одна изъ плѣнипельныхъ ночей южной Россіи, копорыхъ забышь не можешъ унесенный судьбою въ Пепрополь *безногный*.

Такая ночь прелестнѣе лучшаго дня и свѣтлаго солнца, съ своими живительными лучами! Какъ таинственная посланница неба, она приходитъ съ своею поэтическою жизнью, съ богатою любовью, съ милыми сновидѣнiami — и съ своими соловьями, и завѣщаетъ имъ пѣть все возвышенныя чувства: забвеніе себя, родство съ духовнымъ міромъ, братскую дружбу съ людьми, сладкую поску по лучшей родинѣ; счастливымъ любовникамъ звучное многолѣшье; несчастнымъ — упѣшительную вѣру въ неразлучное за гробомъ соединеніе Пѣснь жизни — живымъ; поминки мертвымъ и Владиміръ, въ укоризну своему сердцу, вспомнилъ, что еще не совершилъ любовныхъ поминковъ на ранней могилѣ Елисаветы! . . .

Что-то неизяснимое дополь удерживало его отъ исполненія сего священнаго долга: неприязность ли чувства, при видѣ эпого укорительнаго памятника; или добросовѣстное опасеніе: присущствіе счастливаго же-

ниха другой не оскорбитъ ли чувствительной, несчастной пѣни? Но чудесная мечта по захожденіи солнца (игра ли воображенія, или нѣчто болѣе?) явила ему Елисавету въ сестринской связи съ Августиною; и, кромѣ того, онъ въ шопѣ вечеръ уже шакъ расположенъ былъ къ фантасмическимъ мечпаніямъ, ко всеильному спремленію за предѣлы вещественности, что съ особенною готовностью собирався провести всю ночь на могилѣ Елисаветиною, копорую, по извѣстнымъ ему примѣшамъ, онъ надѣялся легко различить опѣ другихъ. Снявъ съ себя поршреть Августины, съ копорымъ онъ никогда не думалъ расшанься въ жизни, и даже въ гробѣ; снявъ еще обручалное кольцо, милою дапельницею посвященное въ шалисманы, онъ околично пропою, безъ охранительныхъ знаковъ — будшо уже не женихъ Августины, будшо преданный во власшѣ душамъ и обиженной имъ любовницѣ — опправился къ кладбищу, бышь

можешъ, въ надеждѣ на ея примирительность! —

Не спрашивайте, являлась ли ему пѣнь Елисаветы? грозила ли ему карою небесною, или, довольная раскаяніемъ его, шептала ему прощеніе, лиспьями деревъ на кладбищѣ? Воображайте помное сіяніе мѣсяца надъ верхоградомъ мертвыхъ эпи безчисленные кресны, копорые — будно мертвые сами, вышедшіе изъ могилъ — спѣсняюшя, какъ дѣпи съ распросперпыми руками, просящіе чего-либо у своей мапери — спѣсняюшя около свяпой Церкви, предспавипельницы Бога, обѣщающей имъ воскресеніе и небесную награду И въ эпу опшедшую опъ міра семью вмѣшался мимоходомъ человекъ

Владиміръ никому не говорилъ объ эпихъ пайныхъ поминкахъ, о полночныхъ мечпахъ и видѣньяхъ среди мертвыхъ. « Однажды — рассказывалъ онъ — когда я рано прогуливался мимо кладбища, я увидѣлъ женщину

на могилѣ; ея положеніе меня пронуло; я подошелъ — это была молодая креспьянка, копорая на вопросъ мой: Зачѣмъ она тамъ? опвѣчала, что имѣла двухъ дѣпей — и Господь взялъ обоихъ; что долго по нихъ сокрушалась и наконецъ вздумала навѣспипь ихъ могилку. «Здѣсь-то я успокоилась; и такъ прихожу каждое упрю, остаюсь часа два, — и мнѣ пріятно думашь, что вблизи меня эти малюпки, копорыхъ я такъ крѣпко держала въ сердцѣ. Послѣ этого мнѣ уже не такъ скучно дома.»

Г Л А В А VI.

Глубокая пишина царспвовала въ квартирѣ Владиміра; окна спальни были завѣшаны; спрадалецъ недвижно лежалъ на одрѣ смерти по блѣдности лица можно было считашь его умершимъ, еслибъ неровное и птяжелое дыханіе груди не свидѣ-

пельспововало о слабомъ оспаткѣ жизни. Печальный Иванòвичъ, спорожа болящаго, смопрѣлъ на него съ добродушнымъ уча-спіемъ; онъ безпреспанно вынималъ часы и, кажешся, считалъ минушы сна Владиміра; споль, передъ нимъ, былъ успавленъ лекар-спвами. Слышались пихіе шаги по коврамъ въ другой комнапѣ; дверь въ спальню оспорожно отворилась, и вошелъ — Санинъ. Онъ удивленному Иванòвичу подалъ руку, и шепнувъ: «Небойся! лекаръ клялся, чпо онъ не узнаешъ меня!» спалъ передъ спрадаль-цемъ и долго и внимашельно глядѣлъ на него

«На лицѣ его изображаются знаки спра-даній!» промолвилъ онъ поржеспвенно въ полголоса; «Елисавета, обѣпъ мой совер-шился!» и подъяпые глаза опуспились и онъ креспіомъ ознаменовалъ спрадальца. . . . При первыхъ словахъ негодование обнару-жилось въ черпахъ Иванòвича; но послѣднее хреспіанское дѣйспвіе примирило его съ

Санинымъ, спраданія коего еще не изгладились изъ его памяпи, и пронупый, онъ подалъ ему распечатанное письмо и, велѣвъ чипапъ, примолвилъ: «Несчастннй Шперне!» —

Санинъ за часъ предъ пѣмъ прѣхалъ въ полкъ, и узнавъ опъ Полковника, чпо Шперне при смерпи боленъ, полепѣлъ къ лекарю и опшуда къ нему, чпобъ его заспачъ еще живаго.

Вопъ содержаніе письма Барона Федора Зонненшала къ Шперне:

«Я просилъ пвоего Полковника съ христіанскою любовью пригоповипъ себя — будпо къ смерпи — и съ любовью же, нѣжно и оспорожно, нанеспи шебѣ эптопъ спрашннй ударъ его опцовское о шебѣ попеченіе да спасетъ шебя опъ опчалннѣ! Но боюсь за шебя: ударъ въ сердце, какъ и кѣмъ бы ни былъ нанесенъ, еспъ смерпельннй ударъ! . . . Найди же въ себѣ сверхъ-еспеспвенннѣ силы, чпобъ воспоржеспво-

вапъ надъ поразившимъ тебѣ рокомъ! Дѣло прудное! но вспомни своихъ родителей, копорыхъ ты единспвенная надежда! любовь къ родителѣямъ можешъ совершашъ пруднѣйшее — и милосердый Богъ подкрѣпитъ твои благородныя успія! Это я говорю словами той, копорой уже нѣтъ между нами это завѣщаніе тебѣ Августины! Возносися къ небу — очами, душою, молитвою — она *тамъ!!!* —

« Мнѣ ли упѣшашъ тебѣ, какъ она хотѣла — мнѣ ли, поперявшему въ ней лучшаго друга, какъ и ты! Другому я спалъ бы описывашъ, *гльмъ* она была для меня; какъ она симпатически постигала мою для людей непонятную душу; спалъ бы увѣрялъ съ гореспнымъ испупленіемъ, что никогда не было прелеспнѣйшихъ между кровными опношеній — но съ побою зачѣмъ мнѣ говорилъ о достоинспвахъ ея? ты узналъ ангела по лучезарности, полюбилъ за божеспвенную душу!

« Два года я *одинъ* промечпалъ въ меланхолической увѣренности, что она нѣчто неземное что ей суждено только промелькнуть въ этомъ мѣрѣ, гдѣ она уже достигла вѣнца совершенства; четыре дни я съ *другими* прожилъ безъ нея — пропосковалъ, проплакалъ цѣлыя сучки прошли съ тѣхъ поръ, какъ мы съ любовью и молибною поручили ее маперинскимъ объятіямъ земли — и сердце, изумленное внезапностью ея смерти, будто не вѣришь, что она оплелѣла на вѣкъ! . . Въ тѣ мгновенія, когда измученный духъ мой, онѣмѣвшій и оглохшій отъ избытка боли, приходилъ въ забытѣе — мнѣ сдается, что она уѣхала въ гости къ своимъ подругамъ, что скоро возвратилась и — какъ бывало — попчасъ прибѣжитъ въ мою комнату съ веселымъ, свѣплымъ лицомъ — поздороваться со мною, подѣлится своею невинною радостью, расспроситъ о моихъ занятіяхъ и мечпахъ, обвивъ меня рукою и преклоня голову къ

моему плечу... но мои взоры, ищущіе ея на землѣ, оспанавливаются на западѣ, гдѣ, на краю нашего лѣса, изъ-за деревъ возвышается колокольня поѣ церкви, у копорой она — *схоронена!!*.. Такъ! она совершила прекрасный подвигъ жизни — и смерть ея была столь же прекраснымъ, удивленія достойнымъ — но пруднымъ и мучительнымъ подвигомъ!... Дай мнѣ опдохнуть — завпра продолжаю эпо печальное письмо!

— «Нашъ лекаръ, коему ты поручилъ ея съ такою предугадывающей заботливостью, взялся описать тебѣ болѣзнь ея, копорая съ первой минуты — по его увѣренію — обрекла ея могилѣ. Она сама, еще до прѣзда его, изъявила эту горестную мысль: въ первомъ припадкѣ сильной боли, она мнѣ сказала тихо, съ спокойствіемъ ангела: «Мое вѣнчальное платье будетъ моимъ саваномъ!» Ужели геній смерти нашепталъ ей эту вѣспь? — Четверо сушокъ продолжалась ея болѣзнь, и жестокія

спраданія не уменьшались ни на минушу. Невыразимая боль иногда у ней испоргала споны; видя, что они раздирають наши сердца, она силилась ихъ превозмочь своимъ пвердымъ, великодушнымъ перпѣніемъ, но они еще слишкомъ явно выказывались на миломъ лицѣ, которое и тогда оспавалось вѣрнымъ зеркаломъ ея внушренной жизни.

« Не хочу въ каршинѣ слишкомъ ясной предспавить тебѣ нашу ангелоподобную спрадалицу, ибо она сама, въ минушу забышья и воспоминанія о своихъ земныхъ опношеніяхъ, промолвивъ: « О, какъ жаль, что нѣтъ здѣсь моего милаго Владиміра! » попчасъ прибавила: « но, можетъ бытъ, это лучше для насъ обоихъ: онъ мучился бы моими спраданьями болѣе, нежели я сама, и видѣ его опчаянія запруднялъ бы мое смерпное бореніе. » Родители и родспвенники, окружавшіе одръ ея, заплакали на взрыдъ; я одинъ удерживалъ слезы. Она сжала мою руку, долго смопрѣла на меня съ особеннымъ выраженіемъ нѣж-

ности, и наконецъ сказала съ болѣзненною улыбкою: «Мой добрый братъ! благодарю тебя за эту твердосль духа: она поддерживаетъ мои душевныя силы, привидѣ сполькихъ слезъ, копорыя льются по мнѣ!»...

«Не развивая передъ побоею каждой горестной минушы ея спрадаљчества, скажу тебѣ только, что она переносила свою люшую боль съ твердослью христіанской мученицы, и упѣшала насъ съ убѣдительностью ангела. Въ день смерти она попребовала своего поршрепа и, погруженная въ созерцаніе своего жениха, произнесла печально: «Его глаза на меня глядятъ такъ свѣпло и радоспно; онъ не знаетъ, что я умираю!.... Упѣшься, мой добрый другъ! наше земное счастье не было угодно Провидѣнію; мы соединимся тамъ.... прости... прости!»... и при этихъ словахъ она поцѣловала свое изображение, съ такою нѣжностью, будто тебя самого. Она прощалась съ нами.... мы всѣ разливались въ

слезахъ; но ее эпто уже не смущало: она была спокойна, какъ блаженный духъ! Причастившись Свяпыхъ Таинъ, она лицомъ приникла къ подушкѣ и вскорѣ уснула; эпто былъ первый сонъ во все время ея болѣзни. — «О, если бъ она, по крайней мѣрѣ, пихо опошла въ эптомъ снѣ!» сказалъ нашъ бѣдный опецъ, «Нѣтъ!» опвѣчалъ лекаръ; «она еще проснется до преспавленія!»

— Такъ и было. Послѣ получаса сна, она пробудилась съ воплемъ: наспала испома . . . она, по спенала, по молилась съ удивительнымъ величіемъ души. Наконецъ — будпо исполнилась мѣра ея ангельскаго терпѣнія, она, живо схвативъ докпора за руку, молила его сказапъ ей, скоро ли будетъ конецъ ея спраданіямъ. «*Скоро, очень скоро!*» опвѣчалъ онъ — и эптопъ человекъ, для копораго видъ людскихъ спраданій нѣчто вседневное, — опвернулся и заплакалъ. — «Слава Богу!» воскликнула она радостно, начала молипъся, и попомъ продолжала:

«Благодарю тебя; Господи! мнѣ теперь легко: смертная борьба кончилась!»

«Другъ мой! сердце мое исходило кровью, когда я начерпывалъ эпи спроки Оспаешся мнѣ говорить о послѣднемъ моментѣ ея жизни — и безконечная скорбь моя невольно уступаешъ таинственному вдохновенію Я видѣлъ то, что могло проявиться въ мірѣ только однажды — при преспавленіи чистѣйшей души — я видѣлъ своими глазами высшую поэзію смерти, въ полномъ сіяніи безсмертія! Ты, можешъ бышь, не понимаешъ меня? слушай! — Когда я опять къ ней подошелъ, лекаръ шепнулъ мнѣ на ухо: «Она опходитъ!» Я взглянулъ на нее; ея вполне опкрытые глаза сіяли такимъ чуднымъ, невыразимымъ блескомъ, какимъ никогда не сверкали въ минувшы высшихъ воспорговъ; — нельзя было не думать, что они видящъ опверзшыя небеса и опражающъ ихъ безсмертное сіяніе Святое опкровеніе! При эпомъ

сверхъ-естественномъ блескѣ очей она проговорила вняшно, поржественно, своимъ обыкновеннымъ, сладоспнымъ голосомъ : « Какъ милосердъ Господь! Какъ небеса прекрасны!!! » — Сердечная боль моя безмолвсповала передъ эпой всесильною прелеспью . . . мнѣ казалось, что самъ опхожу опъ міра, что долженъ спросить у сеспры о шайнѣ другаго свѣша, уже извѣспной сему ангелу — и я, вѣрояшно, спросилъ бы и узналъ бы нѣчто дивное, небесное — ибо Августпина спояла на порогѣ неба и могла еще говорить земнымъ языкомъ — но лекаръ, испугавшись внезапной блѣдности моего лица и думая, что со мною будетъ обморокъ, схватилъ меня сильно я опрезвился, бывъ въ невѣдомомъ улоеніи глаза Августпины закалились будпо ангелъ дымкою задернулъ ъкна неба — она склонила голову легкое измѣненіе пробѣжало по черпамъ ея лица, будпо тихій вѣперокъ по зеркалу водъ — « Совершилось! » сказалъ лекаръ со вздохомъ

— и сердце мое эпимъ единымъ словомъ налилось — до взрыва!!!...

« Я подошелъ къ окну, чпобъ взглянуть на эпо небо, куда она оплелѣла! Былъ прекрасный весенній вечеръ; солнце полько чпо сѣло, судя по живому румянцу запада. Бѣдный Шперне! гдѣ ты былъ въ эпо время? ты, можешъ бышь, смопрѣлъ на закапъ эпого солнца, копорое, при всемъ величин, угасало съ мѣньшимъ великолѣпиемъ, нежели невѣспа пвоя! —

« На лицѣ умершей проспупало божеспвенное спокойспвіе и смѣшанное, но прекрасное выраженіе чувспва и безчувспвенности. Я упалъ на колѣна, склонился головою на грудь ея и заплакалъ. Одна спарушка приподняла меня, говоря съ упрекомъ: « Чпо вы дѣлаеш? слезы не должны падашь на мерпваго: онѣ превожапъ еще не совсѣмъ опшешую душу! » Я повиновался, благоговѣя къ сему шпайнспвенному повѣрью и вспомнивъ, сколь шрудны для Авгуспины были наши слезы. . . .

Ее одѣли въ вѣнчальное платье; мирповый вѣнокъ, переплетенный розами, осѣнялъ ее чело... Невѣспа, наряженная къ вѣнцу и спящая на цвѣтахъ, ожидала воскресительнаго зова Всевышняго, чпобы предстать передъ брачный алтарь Вѣчкоспи!!!»...

Санинъ медленно складывалъ письмо; душевное умиленіе измѣняло его черпты. Ивановичъ далъ ему порпрешъ: «Вопъ она!» Его глаза съ живѣйшимъ соспранданіемъ покоились на этомъ прекрасномъ изображеніи: «Бѣдная мученица! милая очиспительная жершва! Я желалъ бы тебѣ земнаго счастія! но и спрадальческая чаша дышетъ сладостью, и для великаго дѣла искупленія избираешся — только *достойнѣйшее!*... Миръ швоему праху въ землѣ и слава душѣ швоей въ небесахъ!» Онъ обрапился къ Ивановичу: «Не довольно ли, чпо Богъ лишилъ его невѣспы? зачѣмъ вы — жестокіе — опняли у него даже изображение Августины?» и онъ надѣлъ порпрешъ на умирающаго —

« Бышь можешъ, въ немъ заключена чудесная сила, которая — или спасешъ его, или облегчашъ его преспавленіе! »

Г Л А В А VII.

Его спасеніе было чудомъ. Шперне выздоравливалъ; однополчане ему радовались, какъ воскресшему изъ мертвыхъ другу, ибо всѣ привыкли считатьъ его уже не своимъ. — « Печаленъ даръ моей жизни; но благодарю васъ, друзья мои! » говорилъ Владиміръ и сжималъ имъ руки. Одинъ Санинъ не подходилъ — и Шперне его не подзывалъ: между обоими споялъ несчастный вызовъ, какъ непріязненный духъ; и, кромѣ того, спранныя, заупанная судьба должна была удалять ихъ другъ отъ друга, ибо одинъ въ другомъ невольно признавалъ виновника своей величайшей прапы. Условіе вызова, конечно, было исполнено; но оба противника

думали, что дѣло такого рода существуетъ въ полной силѣ, покуда не уничтожится примирительнымъ сжатіемъ рукъ, впоричнымъ сближеніемъ сердець. Никто изъ нихъ уже не взыскивалъ своего спраданія на другомъ — ихъ уже разсудилъ Всевышній — но оба, наскуча безжизненнымъ бытіемъ, желали смерти, и эпотъ вызовъ, какъ коварный другъ, обимъ показывался съ прельстительной спороны. Онъ еще оспавался пайною для всѣхъ, кромѣ Иванovichа, который считалъ его за дѣйствіе душевной болѣзни Санина, уничтоженное и разсудкомъ и судомъ Божиимъ. Благородные враги иногда вспрѣчались въ одномъ обществѣ, но совершенно чуждаясь другъ друга: одинъ никогда не говорилъ съ другимъ. Какимъ же образомъ условишься въ шомъ дѣлѣ? Они эпю предоспавили судьбѣ, споль явно вмѣшавшейся во взаимныя ихъ опношенія — и судьба однажды свела ихъ — на могилѣ Елисаветы!

Была жаркая лѣтняя ночь. Соловьи давно умолкли, какъ звуки любви въ сердцахъ обоихъ. Душная пѣма лежала на природѣ: Шшерне заспалъ Санина; колѣнопреклоненнаго у роковаго холмика; онъ, казалось, погда только примѣпилъ Владиміра, когда онъ опустился на колѣна, по другую сторону могилы. Темнопа не мѣшала имъ видѣть взаимное, холодное спокойствіе; они пребывали молчаливы въ безмолвную ночь; миръ гробовъ вѣялъ надъ ними; деревья кладбища таинственно перешептывались, и звѣзды глядѣли пускло, какъ заплаканные глаза — существенная близость недруговъ исчезала передъ умственной безпредѣльностью могильнаго между ними холма...

Спало свѣпашь; погда только они замѣпили, что были пропивники: рукояпъ писполепа у обоихъ выглядывала изъ-за пазухи! но оба оспавались въ прежнемъ положеніи — со спраха ли вспревожипъ сонъ мершвыхъ, или никпо не хощѣлъ первый

сдѣлать враждебнаго движенія. Заря уже заалѣла; надобно было рѣшиться на чтонибудь — Владиміръ вспаль, вынулъ пистолетъ и положилъ на могилу. Санинъ сдѣлалъ поже . . . одинъ зарядилъ пистолетъ другаго, и всякій взялъ опять свой. Прошло нѣсколько минутокъ . . . еще никто не подымалъ орудія смерти.

Санинъ наконецъ прервалъ упорное молчаніе: «Ты вызванъ, Шперне: первый выстрѣлъ твой!»

— На шагъ нѣтъ перваго выстрѣла! мы здѣсь — не для убійства, но для взаимной смерти! —

«Ну, такъ счидай до *трехъ* — и выстрѣлимъ!»

— Но послушай, Санинъ! всякій да поклянется сперва, что не опоздаетъ выстрѣломъ! да поклянется своимъ драгоценнѣйшимъ на небѣ, чтобъ онъ, если пощадитъ жизнь пропивника, не удостоился въ вѣчности лицемерія своего *ангела!* —

Они уже поповы были произнесли эту клятву — но вопль: идесть несчастная мать къ своимъ младенцамъ! она уже довольно близка оба съ живѣйшимъ участвомъ когда-то, хоть порознь, слушали повѣсть ея скорби — и ужели пеперь своимъ кровавымъ дѣломъ на вѣкъ возбраняеть ей дорогу къ упѣшипельной могилѣ дѣшей? Они этого не говорили другъ другу, но всякій чипалъ сію мысль на лицѣ пропивника. — «Видно Богъ осудилъ насъ еще неспи ярмо жизни!» сказалъ одинъ; — Быть можетъ, для того, чшобъ умереть со славой — опвѣчалъ другой. «Если мы не можемъ примириться» . . . — Такъ оспанемся благородными врагами — «Они лучше дюжинныхъ друзей!» — Земля насъ разлучила — «*Ангелы соединяеть!*»

Вопль весь ихъ разговоръ! они спрятали писполеты и, вмѣспѣ вышедъ изъ ограды, разошлись въ разныя спороны.

« Походъ, походъ! » раздавалось въ обществѣ офицеровъ; поздравляли другъ друга. Непричастные Забалканской славѣ нашего воинства; они нѣмъ болѣе радовались, что и имъ предспоялъ случай попѣшишься въ военныхъ схваткахъ и на пути славы догоняя сверспниковъ, далеко ушедшихъ впередъ. Шперне и Санинъ, впервые со времени ихъ недружбы, сжали руки другъ у друга, при этомъ извѣспии

Далеко могила Елисаветы, далеко Россія! передовые опряды уже успѣли перевѣдапьяся силами съ врагомъ, коего опчаянные напски сокрушались о вѣковѣчную пвердыню Русской доблести. Спройное воинство медленно двигалось впередъ, какъ огромная пуча; пышная весна уподоблялась великолѣпю похоронъ, печальному торжеству развода челоука съ природою, копорая, смятая въ своемъ цвѣпѣ — какъ юная красавица, разперзанная несчастіемъ — повсюду, среди

своихъ прелестей, являла грустные черты опустошенія. —

Тихая ночь проспиралась надъ лагеремъ Русскихъ ; огни попухали ; многіе наслаждались послѣднимъ сномъ , ибо съ утра было назначено рѣшительное наступленіе на вильнаго врага. Въ одной палаткѣ сверкалъ огонекъ ; тамъ бодрствовалъ Шперне съ офицерами своего эскадрона. Санинъ сидѣлъ подлѣ него на коврѣ ; они часно сжимали руку другъ у друга, какъ люди, недавно примирившіеся послѣ долгой ссоры и желающіе сугубою нѣжностью вознаградитъ себя за время , потерянное для дружбы. Ивановичъ, опть времени до времени, попчивалъ поварищей Венгерскимъ : « Эй, пейше, друзья ! какъ знашь : не въ послѣдній ли разъ ? Вы, Шперне и Санинъ, слишкомъ замечпались въ эпомъ мірѣ ; вы здѣсь хопѣли присвоитъ себѣ доспояніе небесъ — вы виноваты, какъ Промеѣей : земля можетъ радовать только земнымъ ! Полагаю,

что позволяешь пить до пѣхъ поръ, пока засвѣплѣешь въ душѣ; пока она, освобождаясь отъ земныхъ пѣжеспей, разыграешь легкою жизнію въ своей первобытной волѣ это радость возвышенная, но еще невинная, ибо она не похищена у небесъ! — Ты о чемъ задумался?» спросилъ онъ Левицкаго.

« Думаю о томъ, » отвѣчалъ онъ, « что я изо всѣхъ васъ несчастнѣйшій, ибо равнодушіе къ земному мѣшало мнѣ постигнуть небесное! Я не имѣю друга, потому, что сомнѣвался въ искренности дружбы! я никогда не былъ любимъ ни одной женщиною, потому, что не вѣровалъ въ любовь! Сердце мое, убаюканное раннимъ развращеніемъ скептицизма, горестно пробудилось въ эту роковую ночь, которая пребудетъ у меня опчета въ моей жизни — я рѣшишельно не жилъ! Можетъ быть, слава будетъ для меня жизнію, если судьба еще отсрочитъ мою смерть. Вчера я видѣлъ одного изъ моихъ давнихъ знакомцевъ, въ

эпу кампанію вуже успѣвшаго получить крестъ и золотую саблю; онъ говорилъ, что опличія за храбрость внушаютъ чистѣйшіе воспорги, какъ поцѣлуй прекрасной дѣвушки!...

— Да, слава! чистая, непорочная слава, благородное пожертвованіе собою, для дѣла достойнаго и великаго!» воскликнулъ Шперне: «Санинъ! поклонимся передъ эпой славою, какъ передъ священнымъ ликомъ! Будемъ искашь ея — въ смерти, въ волю Бога — и если мы уже завпра будемъ *тамъ*, унесемъ съ собою эпу славу изъ мірскихъ превогъ, какъ лучшей земной цвѣпокъ, послѣ любви!»

— «Да украсишь онъ, по крайней мѣрѣ, подножіе нашихъ *ангеловъ!*» прибавилъ Санинъ и съ воспоргомъ обнялъ Владиміра; кошорый, велѣвъ еще подашь вина, примолвилъ: «Выпьемъ, брашцы, въ честь эпой славы!» и всѣ повпорили: «Выпьемъ за славу, за храбрость Русскаго воинства!!!»

Разсвѣло; весь лагерь зашевелился, полки выступали. * * * скій полкъ шелъ впереди на поспроившагося въ боевой порядокъ непріателя. Солдацы обнажали голову и крестились. . . слышались громкія командныя слова, и полкъ, съ крикомъ «*Ура!*» полетѣлъ въ атаку на бапарею — и скрылся въ пыли, въ дыму, въ огнѣ, . . .

Баронъ Розенъ.

ЗАМѢЧАНІЯ,

ВЫРВАННЫЯ ИЗЪ ЖУРНАЛА.

Опдѣлите въ Волгѣ спруи озеръ Пено и Селигера опгъ водѣ Москвы-рѣки, Оки, Камы, Шексны, Мологи и всѣхъ рѣкъ, въ нее прямо или чрезъ другія впавшихъ; найдите въ нашей Липерапурѣ корень чиспо-еспеспвенный, чуждый всякихъ прививковъ: эпо равно прудно.

*

Мы и въ языкѣ своемъ пакже госпепримны къ иноспраннымъ словамъ и оборпамъ, какъ госпепримны къ иноспранцамъ. Мы съ иноспранными словами поступаемъ, какъ древніе Римляне поступали съ

покоренными народами: даемъ имъ право гражданства.

Великій поэтъ не создаетъ языка, но подслушавъ его въ народѣ, оживляетъ его мыслью, душою — и потомъ предлагаетъ народу его же матеріялъ, но имъ очищенный, обновленный, преображенный. Народъ видитъ въ поэтѣ самого себя прославленнымъ, мыслящимъ, возвеличеннымъ. Поэтъ есть апофеоза народа!

Персѣ-языкъ создается народомъ, сыномъ земли; мысль, душу-живу, вкладываетъ въ него поэтъ, сынъ неба. — Такъ объясняется явленіе Гомера, Данте, Шекспира.

*

Карамзинъ очинилъ перо для Русской прозы: всѣ по его чинкѣ пишутъ.

Нашъ лиризмъ можно сравнить съ резиновымъ мячикомъ: брось его объ полъ, — ударитъ въ пополокъ; потомъ все ниже и

ниже, и подъ конецъ ужь чупь опскаки-
ваешъ опъ земли, какъ испорченнѣй фон-
панъ. Такъ Лирикъ опъ земли прямо къ
Небу, и попомъ ниже и ниже. Рѣдкія піесы
нашихъ Лириковъ выдержаны до конца; ужь
не характеръ ли эпо Русскаго вдохновенія?
Нѣтъ, сохрани Боже! Петръ Великій по-
рука въ пропивномъ.

Французы до революціи думали, что одна
полько ихъ нація сущесствуетъ; попомъ
сполкнулись съ другими и удивились: «А!
шакъ и вы поже въ Европѣ!» Вопъ съ
какихъ поръ началось спремленіе къ вѣр-
ности костюма въ искусствѣ. — Нѣмцы
вели *тридцатилѣтнюю войну* пропивъ мо-
нополисповъ - Французовъ въ липерапурѣ
Европейской; Августъ Шлегель разбилъ ихъ
въ пухъ, ихъ же оружіемъ, въ своемъ сочи-
неніи: *О драматическомъ искусствѣ*, — и
l'Allemagne естъ Веспфальскій миръ, коего
условія заключены побѣжденною Францією,

въ лицѣ Madame de Stael, и поржеспвующею Германією, въ лицѣ Августа Шлегеля, предспавипеля не только Германіи, но и древнихъ, Ипаліянцевъ, Испанцевъ, Англичанъ, — и вслѣдспвіе сего-то договора упверждена сиспема равновѣсія между липерапұрами всѣхъ народовъ.

Геній съ ученіемъ похожъ на Венгерское: чѣмъ оно спарѣе, шѣмъ крѣпче; геній безъ ученія — на пуншевое мороженое: глопай его, пока оно свѣжо — или на всѣ вина Ипаліянскія, копорыя скоро порпятся. Испорія Карамзина еспъ лѣспвица совершенспвованія въ слогѣ: кажеспся, впорая глава XII пома лучше первой. Изъ Державина выдохлось подъ спароспъ вдохновение — и чпо оспалось? выгорѣвшій спиртъ, вода кипучая, напряжение, надупоспъ, не воспоргъ испинный. Учение генію въ спароспни, чпо вино спарику. Гёте и шеперь учипся: въ немъ нѣспъ прежняго пылу, но формы его все

лучше и лучше. Нейдепъ спихъ, — онъ схватипся за прозу. Байрону надо было рано умереть: не по, онъ бы выдохся. Шиллеръ напрасно рано умеръ; но онъ былъ жершвою своего воспорга.

Нѣкопорымъ нравочипельнымъ повѣспямъ, баснямъ, апологамъ, приличень былъ бы эпиграфъ: $2 \times 2 = 4$.

Необходимо имѣпъ алгебраическiя формулы въ жизни, чпобъ не обчеспся въ ариѳметпкѣ поспупковъ.

Иные люди пакъ скучаюпъ жизнью, чпо подумаешь, будпо они въ другой разъ живупъ: жизнь для нихъ прочипанный романъ, шогда, какъ ее всякой шолько разъ чпшаешь. Хранипъ свѣжеспъ жизни — дѣло важное.

Хопипе ли сдѣлапъ самую злую эпиграмму на воина нынѣшняго времени? сравните его

съ Ахилломъ и назовише *быстроногимъ*.
 Вошь какъ времена перемѣнились: Мадригалъ
 Ахиллу естъ Эпиграмма на новаго героя.

Какъ ни обязанъ у насъ всякой Литера-
 торъ строго надзираць за чистотою на-
 шего языка, и за опспраненіемъ по воз-
 можности словъ иноземныхъ; но въ иныхъ
 случаяхъ нельзя не позволить эпого, а именно
 памъ, гдѣ самыя предметы намъ даюцца
 иноспранными народами. Таково слово *fat*!
 Надо ввести его, попому что въдь Русскими
фатами мы обязаны Французскому воспи-
 панію. Переведите мнѣ по-Французски:
квасъ, дрожки; все это Русскія издѣлія.
 Такъ и *фатъ* (*fat*) въ Россіи естъ произве-
 дение Французское.

Холодъ — какое слово почное! Какъ оно
 выражаетъ оцущеніе холода! Какъ хорошо
 это *х*, звучащее какъ будто изъ успъ, дуо-
 щихъ въ пальцы! Недаромъ это слово Русское.

Дѣйствіе въ романѣ можно сравнить съ клубкомъ нитокъ: развиваешь, развиваешь его, — все еще остаешься. Вотъ ужъ видѣнь уголь карпочки, на копорую намотаны нитки, но еще долго размапываешь! снова нитки запушались; мало по малу обнажается карпочка, и всегда предвидится конецъ клубка. Любой романъ В. Скоппа подтвердитъ это сравненіе. — Трагедія напрошивъ: въ ней все быспро, все — вспышка, все — взрывъ, все неожиданно. Капастпрофа не должна предвидѣться: чѣмъ внезапнѣе, тѣмъ лучше! Трагедія не посвящаетъ, подобно роману, цѣлыхъ эпизодовъ Исторіи. Сцена орденовъ, столь прекрасная въ Кенильворпѣ, хопя и заимствована В. Скоппомъ у Гёте, но является совершенно въ иномъ видѣ. Чипапель перпѣливъ, но зрителью скучно слушать урокъ изъ Геральдики. — Опселѣ очевидно, какъ должны бытъ нелѣпы всѣ передѣлки романовъ въ прагедіи.

Многіе изъ насъ живупъ по слѣдующей формулѣ: 1 — 2, т. е. проживаюпъ сврхъ имущества, и резульпапъ моповспва, эпого безпреспаннаго вычипанія, еспъ оприцапельное количество, т. е. долгъ неоплапный, копорый, на языкѣ нравспвенномъ, долженъ бы равняпся лишенію чеспы. Другіе, не споль многіе, кончаюпъ шакою формулою: $a - a = 0$, т. е. проживаюпъ все и оспаюпся безъ собспвенности, хопя и съ чеспію, но не надолго, ибо спрудно сохранипъ чеспъ безъ собспвенности, — развѣ умерепъ съ голоду. Впрочемъ, въ Россіи еспъ къ шому мѣспныя средспва, ибо кормяпъ даромъ. — Всѣ же съ рѣдкими исключеніями, живупъ по формулѣ: 2 — 1; или по прогрессіи уменьшающейся. Должны же быпъ люди, живущіе по прогрессіи увеличивающейся: эпо иноспранцы, объѣдающіе насъ своимъ зубаспымъ и голоднымъ умомъ; спряпчіе, экононы своихъ и чужихъ деревень, всякаго рода плупы, и еще немногіе.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ БЫЛИ

ВРЕМЕНЬ ГОДУНОВА :

БОРОДА БОГДАНА БѢЛЬСКАГО.

«Лѣта 7108, мѣсяца Марша въ 9-й день,
«Мы, Великій Государь, Царь и Великій
«Князь Борисъ Θεодоровичъ, всея Русіи
«Самодержецъ, и Нашего Царскаго Величе-
«ства сынъ, Великій Государь Царевичъ
«Θеодоръ Борисовичъ, указали есмя нашему
«близкому человѣку, Боярину и Оружничему
«Богдану Яковлевичу Бѣльскому, ѣхаши въ
«Сѣверскую Нашего Царскаго Величества
«землю и спавипи городъ Борисовъ на рѣкѣ
«Донцѣ на Сѣверскомъ, ради охраненія

« Царства нашего всея Русіи границъ опъ
 « Крымскаго Царя, да опъ вольныхъ людей
 « всякихъ, да опъ Липовскихъ Хохлачей
 « Черкасъ. А ѣхапи ему Богдану и городъ
 « спавипи на спѣхъ; а взяшь ему съ собою
 « Спрѣльцовъ двѣ сопни, да козаковъ 300,
 « да рабочихъ людей всякихъ и чернаго на-
 « роду 500 человекъ. А копорая земля ле-
 « жипъ по рѣкѣ Донцу по Сѣверскому на
 « указанныхъ мѣспѣхъ, и ша бы ему земля,
 « съ лѣсы и полями и всякими угоды, по-
 « няпи подъ попъ нашъ Борисовъ городъ
 « и заселипи слободы. А пожаловали мы есмя
 « его Богдана, за всеъ его многія и вѣрныя
 « службы, нашею Царскою милоспію: по-
 « спавили его въ попъ нашъ новый Борисовъ
 « городъ Воеводой. »

Таковъ былъ указъ, данный въ 1600 году Царемъ Борисомъ Годуновымъ, спарому его сослуживцу, раздѣлявшему съ нимъ милоспіи и довѣріе Іоанна Грознаго. Никпо изъ царедворцевъ не обманывался въ подлинномъ зна-

ченіи сей мнимою милоспи, и менѣе всѣхъ самъ Бѣльскій: онъ видѣлъ, что подъ нею скрывалось благовидное удаленіе опъ Двора и изъ споллицы, а можешъ бышь гоповилась и наспоющая опала шому, кпо былъ споль близкимъ, споль явнымъ свидѣшелемъ всѣхъ козней Борисовыхъ, его чудеснаго возвышенія на пресполь Царскій, и могъ бышь еще долго докучнымъ соглядатаемъ будущихъ замысловъ и дѣлъ временщика - Царя.

Но хипрый царедворецъ умѣлъ скрышь разрывавшую его досаду подъ личиною удовольствія. Онъ опправился во Дворецъ, бишь челомъ Царю и Царевичу и принесъ имъ благодареніе за новую милоспъ, копо рою, по словамъ его, былъ онъ ущедрень. Въ нижней палапѣ Дворца вспрѣшилъ его Бояринъ Семень Никипичъ Годуновъ, поздравилъ его съ новою должностью шакимъ голосомъ, что у Бѣльскаго невольню кровь прихлынула къ сердцу, и объявилъ ему,

что ни Бориса, ни Царевича Феодора нельзя было видѣть: « Царь-де немощенъ, у него въ ногахъ сильно разходился *камысгъ*; а Царевичъ занимается теперь съ своими иноземными учителями, и въ это-де время накрѣпко заказано опрывать его оупъ ученья. » Къ этому Семенъ Годуновъ примолвилъ, что Царь на словахъ ему подтверждалъ свою волю, чтобы Бояринъ Бѣльскій какъ можно сѣшилъ своимъ опгѣздомъ и поспроеніемъ новаго города; ибо-де съ Украины прибыли гонцы съ вѣспями, что Крымцы собираются учинить набѣгъ на Русь православную.

Не могли веселымъ лицомъ и хипроблагодарственною рѣчью уязвить сердце Борисово, Бѣльскій зашелъ на поклонъ къ Паптріарху. Здѣсь его приняли.

— « Что, свѣтъ! что скажешь новаго? » спросилъ у него Іовъ.

— « Скажу тебѣ, Святейшій Владыко, про мою радость. Царь Государь меня по-

жаловалъ испинно не по малымъ моимъ заслугамъ: указалъ мнѣ спроишь на Украинѣ городъ Борисовъ и бышь въ немъ Воеводою. Я пришелъ, опче Паптріархъ, просишь, чшобы ты наупспсвовалъ меня свяпипельскимъ швоимъ благословеніемъ и наказаніемъ.»

Іовъ осѣнилъ его креспнымъ знаменіемъ и прочель крапкую молишву. Попомъ, помолчавъ немного, съ пошупленными въ землю глазами, промолвилъ: « Да, по испинѣ Господь Богъ послалъ намъ въ Царѣ Борисѣ Феодоровичѣ Государя мудраго и щедраго.»

— « И милосердаго, Свяпѣйшій Опець! » поспѣшно прибавилъ Богданъ Бѣльскій: « ни въ Турской, ни въ Кизилбашской землѣ, ни у Крымцевъ не найдешь шого, чшобы спарые роды Княжескіе, чшобы ближняя родня прежнихъ Царей уцѣлѣла при новомъ, особливо когда новый - шо Царь спяжалъ себѣ царшво своею доблеспію, а не рожденъ опъ колѣна Царскаго. Тамъ, въ басурман-

скихъ земляхъ, и родныхъ брашьевъ Царевыхъ пепля не милуешъ; а у насъ и Шуйскіе, и Воропынскіе, и Сицкіе, и Росповскіе, и Теляшевскіе, и Романовы, и Глинскіе, и Нагіе — всѣ здравспвуютъ, да Бога славятъ. Куда! еще старые княжіе роды не только что почтены и возвеличены, да и мѣспами себѣ счищаются, такъ что любо-дорого. Ни на кого изъ нихъ Царь Борисъ Θεодоровичъ не положилъ опалы: всѣ люди думные, всѣ совѣтники Государевы. Правду молвятъ, Нагіе-то обнажены до-чиспа, да и разосланы по разнымъ зимовьямъ; только вѣдь это случилось при Царѣ Θεодорѣ, блаженныя памяти, и на то была воля Царская, а не Бориса Θεодоровича, который самъ тогда былъ только первымъ Слугою Царскимъ. Да и кто въ томъ виноватъ? спрошавы были себѣ на зло. Царь Θεодоръ Ивановичъ самъ любилъ пѣшишься, звонить въ колокола; а Нагіе забрали себѣ въ голову, что

и они-де Цари въ Угличѣ, и давай бишь въ набашь

— «Рѣчь пвоя льспива, да не правдива, Богданъ Яковлевичъ!» перервалъ его Паппріархъ съ неудовольспвіемъ. «Не пригоже шебѣ говорипь, будпо бы Нагіе заслужили опалу полько шѣмъ, чпо велѣли въ набашь бишь.

— «Да, Святѣйшій Владыко, пвоя правда! Не одна эпа ихъ вина: они еще съ большаго ума вздумали и народъ поджигашь. Убишь ли Димипрій Царевичъ, самъ ли на себя наложилъ руки: эпо бы шакъ и обошлось, и все было бы шипо, да крыпо. Такъ нѣпъ! они наполоковали глупой черни, да горланамъ посадскимъ, чпо шупъ-де были подосланы убійцы. Вопъ и поспрадали безвинные люди: Бипяговскіе, Качаловъ и родня мамки Волоховой. Чпо бы дождашься, пока Князь Василій Шуйскій пріѣдетъ на слѣдспвіе: онъ бы эшимъ глупцамъ Угличанамъ яснѣе

солнца показалъ правду - испину и паче снѣга убѣдилъ бы Бипяговскаго съ поварищи

— « Положи храненіе успнѣмъ пвоимъ, Бояринъ Богданъ Яковлевичъ! » сказалъ Іовъ, показывавшій въ продолженіе послѣдней рѣчи Бѣльскаго явное неперпѣніе и страхъ, копорого онъ даже не силился и скрывать. « Я опрехся опъ міра и всѣхъ суешъ его, » продолжалъ онъ: « къ чему мнѣ знашь ваши жипейскіе полки и пересуды? »

— « Какіе полки и пересуды, Свяпѣйшій Опецъ? » опвѣчалъ Бѣльскій съ неизмѣннымъ хладнокровіемъ. « Я хопѣлъ только доказашъ пвоей Свяпоспи, что хопя при Царѣ Теодорѣ и были кое-какія опалишки, да въ нихъ Царь Борисъ Теодоровичъ можетъ безъ зазрѣнія умышь себѣ руки предъ народомъ; за по при немъ, опцѣ нашемъ, все пишъ да гладъ, да Божья благодапъ. »

Папріархъ вспалъ съ своихъ креселъ. « Прощай, Богданъ Яковлевичъ! » сказалъ

онъ Бѣльскому: «въ эпомъ часу приходяптъ ко мнѣ Архіереи и другіе люди духовнаго чина, просипъ нашего благословенія по дѣламъ Богомъ ввѣренной намъ паспвы. Спупай по добру по здорову на новое свое воеводспво. Да направиптъ Господъ Богъ во правдѣ спопы швоя и да благословиптъ шебя на всякое дѣло благое. Не худо также, Бояринъ, если ты будешь помнипъ пословицу, заповѣданную намъ опъ праопцевъ нашихъ, богохранимаго племени Славянскаго: *Языкъ мой, врагъ мой: прежде ума моего рыщеть!*

— «Благодаренъ на добромъ словѣ и на пословицѣ,» опвѣчалъ Бѣльскій: «прошу прощенія, Свяшѣйшій Отець! Да будущіе дніе швои бѣлы, аки риза ангела Господня. Поминай меня, опче, во свяпыхъ швоихъ молишвахъ и даруй мнѣ снова швое благословеніе.»

Іовъ благословилъ еще однажды Бѣльскаго, которій поклонился почпи до земли, по-

цѣловалъ руку Папріарха и вышелъ опть
него съ лицемъ чловѣка, удачно исполнив-
шаго свое намѣреніе.

О. Соловъ.

А З И М Ъ,

Шахъ Азимъ, въ цвѣтущей юности, по праву наслѣдства, возсѣлъ на престолъ Персіи. Природа осыпала его дарами своими: онъ блисталъ всѣми качествами человѣка, и обѣщалъ быть добрымъ Царемъ. Умъ свѣпльй, обширный и проницательный; швердоспъ, мудроспъ, богобоязненноспъ, воздержаніе и поому подобныя добродѣтели радовали надеждою сердца подданныхъ. Необыкновенная, величественная красота — печать высокаго происхожденія и знаменіе дѣлъ великихъ — привлекала почтительныя взоры мужей, но чаще вниманіе женщинъ; хопя наружныя прелести, въ послѣднемъ случаѣ, Азіатскимъ вѣнценосцамъ совершенно

излишнія: красавицы Азіи предпочитаютъ душевныя свойства.

Принявъ бразды правленія, Азимъ, съ неслыханнымъ великолѣпіемъ похоронилъ отца, оплакалъ его сердечно, воздвигъ мраморный монументъ покойнику; наложилъ грустный прауръ на всю Персію и приступилъ къ дѣламъ. По обычаю благочестивыхъ предковъ своихъ, онъ занялся впервыхъ гаремомъ: спарухъ распустилъ съ наградами и молитвами — особенно бездѣльныхъ; молодыхъ, безъ принужденія, роздалъ за-мужъ за Пашей и Эмировъ.

Новое образованіе гарема было поручено не безчувственному Евнуху: Эмиръ Ахмедъ былъ для сего весьма способенъ. Его умъ тонкій, рѣчи сладкія, особенное искусство варить плавъ съ розовыми лепсыями, и шайныя услуги, давно оказанныя Азиму, заслужили ему довѣренность Шаха и возвели на Визирское достоинство. Долгъ и истина пребудушъ прибавишъ, что въ оп-

ношеніи красоты, никто лучше Ахмета не зналъ Персіи, окреспныхъ странъ и даже Европы, гдѣ онъ нѣкогда бывалъ, торгуя шаями.

Въ скоромъ времени, волей и неволей, со всѣхъ концовъ свѣта, какъ спан пестрыхъ птицъ слетающихъ весною въ сады наши, красавицы толпами спекались въ спѣны Серая. Однѣ грустили о родинѣ, о милыхъ; о шѣхъ мѣстахъ незабвенныхъ, гдѣ провели безпечное, вольное, невинное дѣтство — гдѣ заспигла ихъ юность; гдѣ, можешъ бытъ, впервые, спрастный, пылающій юноша, съ робостью и надеждой, пожалъ руку покраснѣвшей дѣвѣ. Онѣ презирали и блескъ и пышность; ихъ не упѣшало величіе. Въ грусти помной вспоминали о ручьяхъ и долинахъ опечеспвенныхъ, и тяжкіе вздохи колебали высокія перси. Другія, не спрашася заповорь, спѣнъ и рѣшешпокъ, спремались радоспно въ шорьму безъисходную. Тамъ черноокая Грузинка,

дыша амврозіей, въ дымномъ облакѣ ароматовъ, нѣжась на бархатной софѣ, распускаешъ волною длинныя черныя волосы: въ ожиданіи Азима, она играешъ съ любимымъ попугаемъ. Освѣжаемая сребристой волною фонтана, пламенная дѣва Элады вздыхаешъ о скалахъ Майнопскихъ: пастырь, подобіе Эндиміона, явился ей на брегѣ Европаса. Слезы влажной пеленою подернули ея голубыя очи. Гордая Альбіонянка помниши въ заключеніи: она не постигаешъ, на что неволя? и снѣжная бѣлизна ея ланишъ покрываешся яркой краской негодования, при взглядѣ на рѣшешки гарема. Ея суровую скромность, непреклонную дикость и надменную улыбку смягчилъ прекрасный Повелипель; ея взоръ, дыша нѣгой и поменьемъ, невольно оспанавливаешся на Азимъ, когда онъ, пылкій и прелестный, ополченный джеридомъ, мчиши на конѣ Аравіи, опережая вѣпръ и вздымая прахъ. Храмъ Бенареса прислалъ Шаху дочь Брамь: омы-

пая священными водами Гангеса, она непричастна грѣхамъ — еще менѣе заботамъ челоуѣковъ. Желпоогненный покровъ обвиваетъ гибкій станъ; душистые волосы пересыпаны ясминами; грудь украшена кинамомъ; жемчужныя запястья на обнаженныхъ рукахъ и ногахъ. Сверкая спраспнымъ взоромъ, воспѣваетъ она священную пѣснь любви о Брамѣ. Ударяя въ кимвалъ, рѣзвая Байдера пляшетъ вокругъ прозрачнаго водоема и съ усмѣшкой смотрится въ зеркальныя воды. Запагогорящій, на пальмахъ основанный, куполь оглашается ея звонкими пѣснями. Но кто перечтетъ всѣхъ красавицъ, разнообразныхъ и роскошныхъ, какъ цвѣпы долины Кашемира? кто опишетъ прелести Гурій Магометовыхъ? Смертннй, ослѣпленный ихъ блескомъ, лишится зрѣнiя, подобно нескромному спарцу древности: блаженъ, онъ навѣки сохранилъ въ своей душѣ ихъ неувядаемый образъ.

Войска Персидскія собрались около Багдада и расположились на Тигрѣ, пропивъ непріятельскаго лагеря; къ нимъ присоединились Багдадцы, подъ предводительствомъ Арслана, коего Шахъ осыпалъ похвалами и наградами, и копораго все войско привѣтствовало, какъ героя. Въ ночь Азимъ перешелъ Тигрѣ по Багдадскому мосту, и по упру, Турки увидѣли на обширной равнинѣ Персидскую армію въ боевомъ порядкѣ. Верховный Визирь, подкрѣпленный свѣжими войсками, обрадовался случаю рѣшивъ войну однимъ ударомъ; не взирая на свои частыя неудачи, онъ не сомнѣвался въ покровительствѣ Магомеша и твердо надѣялся на побѣду. Впрочемъ, это былъ единственный ему способъ спасти свою голову, уже пребываемую Цареградскими Янычарами: онъ справедливо опасался, что Султанъ Амурапъ не горячо за нее вспунится. Думашъ было нечего. Визирь вышелъ изъ окоповъ и развернулъ пропивъ Персовъ многочисленные

полки свои. Знакъ поданъ и оба войска, какъ двѣ черныя пучи, неперпѣливо двинулись другъ на друга. Вскорѣ оба враждующіе народа, покрытые дымомъ и пылью, при спрашныхъ вопляхъ и громахъ, смѣшались и подобились бурному Океану, браздимому буншующими вѣпрами.

Передъ самымъ началомъ сраженія, когда Шахъ садился уже на коня, предспавили ему юношу. Свѣжестъ весны играла на щекахъ его; огниспыя молніи излепали изъ подъ длинныхъ рѣсницъ — когда онъ поднималъ робкій взоръ на Азима. Одежда его была Турецкая: подъ пѣжеспью бѣлой чалмы нѣжно склонялась голова его, какъ роскошный цвѣпокъ, напоенный рососою упра. Въ рукѣ его былъ Арабскій лукъ, за плечами звенѣлъ колчанъ, на бедрѣ висѣла искривленная сабля; грудь его, воздымающаяся опъ успалоспи, покрывалась чешуйчапымъ панцыремъ; за нимъ слѣдомъ гордо шелъ вороной конь, легкій и рѣзвый, какъ вѣпръ

пустынной Аравіи. Шахъ пораженъ былъ чудною красою и молодоспью пришельца. « Кпо ты? кпо твои родители? горестна пошеря сына! Я возвращу тебѣ свободу. » — « Великодушный Повелитель правовѣрныхъ! я не плѣнный: добровольно прибылъ въ станъ и жажду бышь въ числѣ рабовъ твоихъ » — и взоры его, усpreмленные съ дѣпскимъ просподушіемъ на Шаха, пошупились въ землю, и на глазахъ его на-вернулась минупная слеза! — « Какъ тебя зовушь? — « Имя мое Ссидъ; родители, говорящъ, Христіане; смерть похишила ихъ давно! но я восшипанъ въ вѣрѣ Магомета, » сказалъ покраснѣвшій юноша. « Визирь Амуратъ, продолжалъ онъ, опсѣкъ голову Пашѣ, моему благодѣтелю, испребилъ и разогналъ весь домъ его. Я скрывался въ лѣсахъ и теперь благодарю Пророка, доставившаго мнѣ счастье созерцать свѣтлое чело Шаха Азима. » — Юноша сложилъ крестообразно на груди своей руки, поникъ головою и

краска живѣе вспыхнула на прелесныхъ щекахъ. — « Садись на коня своего и будь при мнѣ, сказалъ Азимъ. » — Государь! шепнулъ значительно Визирь Ахметъ; вы не спрашиваете измѣны? — « Измѣны! оупъ него! » возразилъ Азимъ, указывая на Сеида: « я въ глазахъ его чишаю, что оупъ жизнь свою за меня опдаситъ! » сказалъ и полетѣлъ передъ ряды — куда не послѣдовалъ за нимъ оппорожный Визирь. — « Не сносишь головы нашему Шаху! » говорилъ оупъ заботливо небольшому числу съ нимъ оставшихся: « вѣришь всякому! я бы сначала велѣлъ пышашъ этого мальчика, а шамъ бы почшилъ его чеспью, бышь моимъ Ичогланомъ. » —

Азимъ въ пылу битвы: по орлинымъ взоромъ обзорѣвъ положеніе непріятеля, маниемъ руки спремишь въ огонь громады полковъ; по самъ направляешъ мѣдь ревшую, по ободрешъ пѣхопу, осыпашую ядрами и карпечами; или съ дикими чадами пустынь, неукропимыми Курдами, (коихъ

длинныя копья — глбкій бамбукъ Индіи; коихъ спальные шлемы красуются разноцвѣпными перьями; коихъ груди и кони облечены кольчугами) — врываеца въ ряды Оппомановъ; конь его пышепъ бурей, сабля сверкаепъ и разипъ молніей Онъ вихремъ мчипся по пѣламъ; за нимъ слѣдъ кровавый, а передъ нимъ ужасъ и смерпъ! Желѣзные Мамелюки, Спаги, буйные Янычары волнуеца, мяпуеца и невольню обрацаюеца въ поспыднюе бѣгспво. Гдѣ Азимъ, памъ побѣда; неразлучнымъ спупникомъ лешаепъ за нимъ вѣрный пажъ его Сеидъ; развозипъ съ быспропюю молніи его приказы, заряжаепъ писполепы. Шахъ не помышляепъ объ опасности; но Сеидъ не спускаепъ съ него глазъ: охраняепъ его опъ спрѣлъ, опврацаепъ удары и, кажеца, готовъ своею жизнію жерпвовашъ для его спасенія. Арсланъ съ Багдадцями дѣяпельню содѣйспвовалъ; мужеспвенный и хладнокровный, онъ распоряжалъ какъ

полководецъ и дѣйствовалъ какъ рядовой. Солнце склонялось къ западу — и Турки, оставя поле сраженія и славу побѣдителей, поспѣшно вобрались въ окопы.

Шахъ великолѣпно праздновалъ свою побѣду; она, казалось, породнила его съ войскомъ. Въ каждомъ рядовомъ онъ видѣлъ свидѣтеля своихъ подвиговъ и не спрашивая унизишь свое достоинство, обращаясь съ каждымъ привѣжливо и дружелюбно. Кто бы не пожертвовалъ за него жизнью: въ немъ видѣли и героя и опца. Азимъ удостоившись, что заслужишь любовь людей и легче и пріятнѣе, нежели думаютъ. Между пѣмъ юный Сеидъ, равно храбрый и прелестный, нечувствительно пріобрѣталъ привязанность и довѣренность Азима: Шахъ не могъ обойтись безъ милаго юноши. Никто ни лучше, ни скорѣй его не чисилъ оружія Шаха; никто искуснѣе не повязывалъ чалмы его; никто ловчѣе не подводилъ коня — и Азимъ чувствовалъ особенное

удовольствіе, когда нѣжная рука Сеида держала ему спремя. Юноша опгадывалъ и предупреждалъ всѣ желанія его: казалось, Сеидъ дышалъ Азимомъ. Все войско говорило о предсѣнномъ пажѣ; но Сеидъ былъ со всѣми холоденъ, молчаливъ и сухъ. Опрывиспо опвѣчалъ на похвалы и рѣчи поварищей, не участвововалъ въ ихъ шумныхъ бесѣдахъ; любилъ уединеніе, и часпо восходъ солнца заспавалъ его на скалахъ Тигра, или подъ густыми яворами.

Но пуча висѣла надъ враждующими войсками: сѣмена заразы, давно спаившіяся, развернулись опъ палящаго зноя съ неописанной свирѣпостью. Спанъ, прежде шумный и блестящій, преврапился въ смрадную больницу; въ шапрахъ царствововало опчаяніе. Тысячи умирали: дневныя заботы были опспавлены; воинъ забылъ объ оружіи, всадникъ Іеменя не помнилъ о конѣ своемъ. Больные испускали послѣдніе вздохи безъ помощи и упѣшенія; недоспавало живыхъ,

чтобъ хоронить мертвыхъ — и шѣла грудами сваливали въ Тигръ. Военская опвага, дружба и чувспво человѣчспва замерли; еще здоровый, бѣжалъ заболѣвшаго браца; даже корыспь пріоспановила свою неукропимую алчность. Зараженные перзались ужасными муками: помимые жаждой, они щечпно просили капли воды — и наконецъ побѣжденные спраданіемъ, вырывались изъ шашровъ; какъ неисповые, убѣгали въ густые лѣса, скрывались въ влажныхъ пещерахъ, гдѣ ихъ пожирали голодъ или дикіе звѣри; другіе бросались въ Тигръ и въ бурныхъ волнахъ его находили прохладу, конецъ спраданіямъ и благошворную смерть. Не взирая на часпья, усердныя мольбы Магомешу, и на нѣкоторыя Азіатскія предосторожности, язва распроспранилась по обласпямъ — и Азимъ принужденъ былъ возвращишься въ Испаганъ, гдѣ народъ унывалъ. На возвращномъ пути Шахъ видѣлъ грозныя слѣды опустошенія

Горестью терзалось сердце Азима; но съ пвѣрдостію переносилъ онъ бѣдспвія, и съ удвоенной дѣяпельностію занимался дѣлами Государспвенными.

Черпоги, куда удалился Азимъ съ своимъ дворомъ, лежали за городомъ. Быспрая рѣчка, вдоль кошорой шла къ нимъ дорога, усаженная пальмами и померанцами, образовала на сосѣдней долинѣ обширное свѣшпое озеро; влѣво мраморнымъ опломомъ удержанныя воды озера изливались сребриспымъ водоскапомъ. Шумный попокъ, дробясь о камни, игриво спремился по злчнымъ лугамъ и равнинамъ: по скрывался въ сѣни кашпановой роци, по снова, красуясь бархашной зеленію бреговъ, сіялъ и сверкалъ блескомъ неба Гюлиспана. На неизмѣримомъ проспранспвѣ мелькали разсыпанныя хижины и селы, въ опдаленіи дымился пыльный Испаганъ, съ безчисленными дворцами и минарешами. Нѣкопороя часпи сей обширной, очаровашельной карпины озарялись

лучами солнца; другія еще покоились въ плѣни — и свѣтъ, переливаясь, плѣнялъ обвороченный взоръ. — Противоположный берегъ озера усѣянъ былъ высокими холмами; индѣ чернѣлись крупные упесы: между ними мелькали прелестныя поляны и говорливыя ручьи. Сады украшались зданіями: тамъ на возвышеніи, какъ голубиное крыло, бѣлѣлась мраморная галерея; здѣсь гордо возносился памятникъ побѣдъ, гранишныйobeliskъ; близъ него надгробная урна паилась подъ ивой; дадѣ величеспвенныя колонны поддерживали благородный фронтонъ храма, оѣненныи кашпанами; или безобразная развалина возвышала мшистую главу свою надъ всей окрестностью. Вокругъ, на бархатныхъ коврахъ зелени алѣли розы, песпрѣли анемоны, гвоздики, геліопропы, пышныя лиліи — осыпаемыя алмазными слезами фонпановъ. Роскошныя пальмы, благовонныя мирпы, величеспвенныя кедры — обвитыя влюбленною лозою винограда, раз-

ливали прохладу, нѣгу и ароматъ. Въ ихъ благопшворной сѣни сіяли куподы и порпикки великолѣпныхъ черпоговъ Азима; покрышые рѣзьбой, мраморомъ и золопомъ, горѣли какъ жаръ и, опражаясь въ зеркальной поверхности озера, облекали зыбь волниспую порфирой зарева.

Съ поникшею главою и сложивъ руки, бродилъ по мрачнымъ алеямъ груспный Шахъ; его не занимали ни Царская пышность, ни красота природы, ни вдохновенныя искусствва. Онъ не внималъ звонкимъ прелямъ постояннаго пѣвца розы; съ горькой улыбкой взглядывалъ на блестящіе челноки женъ своихъ, разсѣкавшіе озеро. Азимъ забылъ дорогу въ гаремъ — хопя не имѣлъ еще наслѣдника: такъ сильно забошили его бѣдспвія народа. Къ довершенію горя и скуки, онъ оспался почши совсѣмъ одинъ. Ахмешъ опъ шяжкихъ прудовъ, невоздержности въ пищѣ и опъ спраха моровой язвы занемогъ; Ареланъ былъ въ Багдадѣ, а Сеида

послалъ онъ куда-то, съ важнымъ порученіемъ. Волнуемый живѣйшею гореспью, съ спѣсненнымъ сердцемъ прогуливался Шахъ. Цѣпь его печальныхъ размышленій была прервана неожиданнымъ въ садахъ гарема явленіемъ: предъ нимъ мелькнула дѣва съ лицомъ опкрытымъ, въ одеждѣ Нимфы и, бросивъ въ него розу, скрылась въ пальмовой роцѣ. Красота дѣйствуеетъ на Азіяпца, какъ искра на порохъ: Азимъ вспыхнулъ; онъ подумалъ, что Магомепъ, для его утѣшенія, послалъ ему одну изъ своихъ Гурій. Азимъ успремился за дѣвой; но она, перебѣгая съ легкостью серны съ холма на холмъ, изъ куста въ другой — по исчезала, по являлась, сіяя красотою, обворожая прелестію. Иногда, оспановясь, ласково манила Шаха рукою, умильнымъ взоромъ своимъ; бросала въ него цвѣтами, плескала спруею водопада — и пропадала. Дѣва показалась за широкимъ попокомъ, на возвышеніи, подъ сѣнью шумящаго явора: она по-

даешъ знакъ оспановишься — и покорный, очарованный Шахъ повинуется. Незнакомка начинаешъ дивную пляску: по порхаешъ рѣзвымъ вѣперкомъ по мягкой муравѣ, едва попирая нѣжные цвѣпы милою ножкой; каспаньешъ звучишь въ рукѣ ея, дымчатые покровы взвѣваются, и грудь бѣлая, какъ пѣна морская, и волнуется и прелещешъ; взоръ ея горитъ, и уста пылаюшъ огнемъ любви и спраспныхъ поцѣлуевъ; по дѣва, подобравъ лепучія шкани, прикрывъ юныя перси, опустя помныя очи, едва переводишь дыханіе и плывешъ важно и тихо, какъ лебедь величавый — лишь плеча говоряшъ и дышапъ нѣгой; но мнишь, спыдливосшь — единственна прелешъ несравненной дѣвы. Азимъ и млѣешъ и горитъ. Но вдругъ знакомка распускаешъ повязку съ головы — и густые волосы пекушъ волнами со всѣхъ споронъ до земли и облакаюшъ дѣву какъ бы покровомъ. Она кружишь быспрѣе, быспрѣе! прекрасное лице

ея по исчезаеѣ въ волнахъ волось — по являеѣ живымъ румянцемъ озаренное : пакъ юное, упреннее солнце, размешавъ волниспые покровы Авроры, выплываеѣ на небосклонъ. До плечъ обнаженныя, бѣломраморныя руки опускаюѣ нѣжно, развиваюѣ роскошно, какъ весеннія лозы винограда, и маняѣ счастливца на полныя перси, на спраспное сердце. Азимъ внѣ себя, бросаеѣ въ пошокъ — но дѣва скрылась во мракѣ пещеры, какъ метеоръ блестящій упопаеѣ въ безднахъ ночи, какъ лучъ надежды въ бездонной вѣчности.

Азимъ пробѣгаеѣ роѣи, острова, пещеры; сзываетъ Евнуховъ, спражей; спрашиваеѣ у каждаго объ незнакомкѣ; велиѣ искаѣ ея вездѣ: но они ничего не знаютъ — и пруды ихъ бесполезны. Нѣкопорые изъ нихъ даже подумали, что Шахъ помѣшался; разумѣеѣ, эпу догадку каждый хранилъ про себя. Ночь прекрапила понски и погрузила въ спокойспвіе и безмолвіе

Сераль. Одинъ Азимъ, во всемъ дворцѣ своемъ, не могъ успокоиться; сонъ бѣжалъ успалыхъ очей его, легкая дремота рисовала ему прелестный образъ; онъ пропягивалъ руки и обнималъ пуспой хладный воздухъ. Напрасно мешался онъ на бархатномъ ложѣ своемъ и прижималъ жаркіе покровы къ измученной, волнующейся груди своей; онъ искалъ покоя; но успа изсохшія, полуопверзшыя, призывали незнакомку. Онъ вспалъ съ первыми лучами солнца и поспѣшилъ въ садъ; ему попребна была упренняя прохлада. Визирь пришли въ обыкновенное время съ дѣлами; но онъ не могъ ими заняться: голова его кружилась, мысли мѣшались и не связывались, всѣ предметы представлялись въ шуманѣ; онъ одинъ только видѣлъ явспвенно! Азимъ опговаривался болѣзнью, чпо блѣдное лице и воспаленные глаза доказывали, и опложилъ дѣла до завпра. Цѣлый день бродилъ онъ по саду: прислушивался къ малѣйшему шороху, замѣчалъ каждое

движеніе; долго проспоялъ на берегу попока, перешель подъ яворъ — и легъ опдохнушь въ пещерѣ; дѣвы не было. На прешій день по же. Шахъ сдѣлался унылъ, угрюмъ, неперпѣливъ, и все время свое проводилъ въ саду, хопя попереялъ всю надежду видѣшь свою незнакомку. — Однажды вечеромъ, возвращаясь во Дворецъ, онъ слышишь, его зовушь: «Азимъ! Азимъ!» Звукъ голоса попрясь его душу. Онъ обернулся и видишь — за прозрачной пеленою водопада дѣву — прелестную, какъ молодой мѣсяць, дымнымъ облакомъ одѣшый. Шахъ бросился къ ней въ пламенномъ воспоргѣ воскресшей надежды — но дѣва скрылась въ пещерѣ — и Азимъ долго еще слушалъ ея звонкую пѣснь объ упѣхахъ и мученіяхъ любви. «Жеспокая!» вскричалъ Азимъ: «злой или добрый духъ, шы знаешь мои спраданія и надо мною смѣшься!» Съ невырази-мою досадою, но сугубою любовью въ груди, несчастный Азимъ покинулъ садъ. Нѣ-

сколько дней шуда не ходилъ — спыдясъ своей слабоспи. — Хопѣлъ заняпсья дѣлами, но не могъ; поѣхалъ на охопу — но, вмѣспо оленя, заспрѣлилъ любимую собаку. Воропился скучнѣе прежняго; занялся чпеніемъ — но ему попались поэмы, по приказу Шаховъ золопыми буквами писанныя: все неудача. Спараясь забыпъ незнакомку, онъ радъ былъ объ ней думашъ. Наконецъ перпѣніе испоцилось: Сераль спалъ ему душенъ; невольная сила и пайное предчувспвіе влекли Азима въ миршовый лѣсъ; передъ нимъ дѣва въ гуспой сѣни, осыпанная цвѣшами, покоипся въ глубокомъ снѣ. Онъ будипъ ее пламенными поцѣлуями Дѣва проснулась. Кпо жъ она? кого же онъ въ ней узнаепъ? — То прекрасное сущеспво, кошорое, пожираемое любовью къ Азиму, явилось ему, въ видѣ Сеида, подъ Багдадомъ

БРОДЯЩІЙ ОГОНЬ.

(Изъ Малороссійскихъ былей и небылицъ.)

Скачепть, лепипть богатырь къ Кіеву. На богатырь дспѣхи вороненые, и булапный мечъ его, висящій на серебряной цѣпи, тяжело бьепть по ребрамъ коня борзаго, богатырева поварица вѣрнаго. Не съ пышнаго пира княжескаго возвращается випязь: возвращается онъ съ пира кроваваго, гдѣ оспрый мечъ его начерпалъ глубокими браздами на пѣлахъ Касожскихъ имя Велесилово.

Скачепть, лепипть богатырь къ Кіеву. Тамъ ждепть его невѣспа вѣрная, Милава прекрасная. Давно уже випязь и дѣва юная

обмѣнялись кольцами; и полько война суровая разлучила на время два сердца, плѣвшія пламенемъ чистымъ, предпразднесивомъ пламенниковъ брачныхъ.

Но что за синій, перелешный огонекъ мелькаетъ въ шуманной мглѣ зыблющимся свѣтомъ? Випязь ограждаетъ себя креспнымъ знаменіемъ, думая, что по былъ духъ, искусила пупниковъ; но огонекъ не исчезаетъ, и далѣ, далѣ переносится съ приближеніемъ Велесила.

«Если ты духъ, по исчезни; если чародѣй, по яви свою враждебную силу въ борьбѣ со мною!» воскликнулъ випязь и бодро пустился вслѣдъ за обманчивымъ сіяніемъ. Борзый конь, храпя, перескакиваетъ чрезъ ограду, и випязь мчится по могиламъ, и синій огонекъ перелепаетъ съ одной на другую, безпреспанно уносясь опъ випязя.

Печально было мѣсто, гдѣ скакалъ тогда богатырь: по было селеніе усопшихъ — кладбище мирное. Вопъ синій огонекъ на

одной могилѣ зашепелился поспояннымъ свѣ-
шомъ. Випись шуда по была свѣжая
могила: примяпый дернъ еще не успѣлъ
подняпся на ней ковромъ бархашнымъ. И
вдругъ синій огонекъ исчезъ — и густпый
мракъ охвацилъ окреспность.

Конь богапыря хрпѣлъ и, приклонивъ
голову, билъ копышомъ землю. Вѣщяя
поска впилась въ рспивое сердце; випись
молвилъ: « Не добро пы чүешъ, борзый
конь, вѣрный мой шоварищъ! не къ радости
пы занываешъ, бѣдное сердце! Видно, здѣсь
положенъ предѣлъ пупи моему; видно, здѣсь
похоронены всѣ мои радости. »

И сошедъ съ коня, випись припалъ ко
креспу могильному, какъ будпо въ немъ
полько видѣлъ все родное въ жизни. Конь
споялъ по прежнему съ поникшей головою,
и билъ копышами землю. Долго груспныя
думы смѣнялись въ душѣ Велесила; наконецъ
легкій сонъ спорхнулъ на его вѣжди.

И видѣтъ онъ: изъ райскихъ сѣней, изъ садовъ вѣчно-зеленыхъ выглядываетъ ликъ Милавы, сіяющей зарею безсмертія. Милава привѣпливою, неземной улыбкой манитъ къ себѣ жениха своего. . . . И вдругъ ужасный громъ, разразившись въ воздухѣ, упалъ огненной струею и прервалъ видѣніе. . . . Конь взвился на дыбы; но выпясть сидѣлъ недвижимъ.

Тихое утро ясно горѣло послѣ бурной ночи. Люди пришли на кладбище, отдать послѣдній долгъ одному усопшему собрату. Они нашли Велесила мертваго на могилѣ прекрасной Милавы.

П. Байскій.

АЛКИДЪ ВЪ КОЛЫБЕЛИ.

Прекрасный младенецъ Алкмены лежалъ въ колыбели. Бодрый, крѣпкій, спокойный — онъ уже показывалъ въ себѣ будущаго героя. Всѣ дѣтскія движенія его запечатлѣны были силою; въ самомъ крикѣ его было нѣчто повелительное.

Но вопъ: шипя и извиваясь, два ужасные змѣя ползуть въ колыбель его; вопъ уже кровавый, пересохшія паспи ихъ зіяютъ, чужа вѣрную добычу. Уже они обвились кольцами вокругъ пѣла младенца: еще мигъ — и юныя кости его запрещають въ ихъ убійственныхъ извивахъ. Но младенецъ привспалъ, мощными руками сжалъ обоихъ змѣевъ, разорвалъ ихъ и подбросилъ

къ горнему Олимпу, какъ бы посмѣваясь зависпливой Юнонѣ, съ наслажденіемъ взиравшей на чаемую гибель дидяпи, ей ненависпнаго.

Таковъ былъ Алкидъ въ колыбели! Уже въ немъ видѣнъ былъ грядущій сокрушитель гидры Лернейской и Льва Немейскаго, побѣдитель разбойника Каккуса и смиришель адскаго пса Цербера.

Опечесиво мое! Россія! швою судьбу предрекала сія замысловашая басня древности. Ещѣ въ колыбели, шы разперзало зміевъ злобы и зависпи; мощными руками разорвало пяжкія, удушающія кольца оковъ Ордынскихъ Кто нынѣ въ шебѣ не узнаешъ Алкида возмужалаго? И Левъ смиренъ побою, и многозѣвный Церберъ — гордый владыка, мечпавшій покорить весь міръ — палъ подъ швоими ударами, и шолпы Каккусовъ разноплеменныхъ исчезли опъ руки швоей, и гидра крамолъ споглавая издыхаешъ подъ швоею пяшою.

Не останавливайся на распутьи, подобно
Алкиду древнему, Опечесство мое, Россія
прекрасная! иди прямымъ путемъ, путемъ
просвѣщенія истиннаго, гражданственности
неспешкой, неизблемой; презирай вой шво-
ихъ буйныхъ завистниковъ и вознеси чело
швое надъ спранами міра, какъ символъ
искупленія, символъ благости неба къ сы-
намъ земли!

О. Соловъ.

ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫЙ ГОСТЬ.

На живописной дачѣ, близъ Пепербурга, Шпеллингъ съ семействомъ своимъ проводилъ красное время года. Онъ былъ еще въ цвѣтѣ лѣтъ; юная жена славилась умомъ и красою, а прехлѣпная дочка — милое подобіе мапери — была единственнѣйшимъ залогомъ ихъ мирнаго и, по видимому, счастливаго супружества. Нѣкошорые нравственныя недоспапки мужа, какъ-то: вѣтреность, рѣшипельная склонность къ непрерывному разсѣянью, — опчаспи искупались доброю сердца, совершенною вѣрою въ жену свою, и почпипельнымъ и довольно нѣжнымъ съ нею обращеніемъ. По образу жизни, успановленному желаніемъ мужа,

всегда окружаемая внимательною молодежью, она пѣмъ не менѣ умѣла сохранять чистѣйшую славу сѹпруги — дѣло весьма прудное, при зависпи и злоязычїи свѣпа. Богъ знаетъ, что происходило въ душѣ ея; ничто не являлось наружу. Она казалась довольною своимъ жребїемъ, была прїятная хозяйка; однако не всегда чувствовала расположение блистать пою высшею любезностью, копорою природа ее одарила: это называли неровностью характера, холодностью сердца.

Ясное утро предвѣщало жаркїй день. Спеллингъ, слѣдуя совѣпу своего медика, прогуливался до усталости по извиленнымъ дорожкамъ огромнаго сада, и наконецъ сѣлъ отдохнуть въ павильонѣ, на самомъ берегу рѣчки, омывающей все пространство дачи. Какъ иногда бываетъ, что безо всякой намъ известной причины, наша память вдругъ наполняется какимъ нибудь, съ нами случившимся, произше-

спвіемъ, впечатлѣніе коего давно изгладилось въ душѣ нашей; — шакъ и онъ, въ эпо упру, живо воспоминалъ непріятное съ нимъ приключеніе, но для него занимапельное рѣзкою черпою челоуѣколюбія одного незнакомца. Проѣздомъ черезъ Польскій городокъ, они вспрѣпились въ шракширѣ, вступили какъ-то въ разговоръ, обмѣнялись равнодушными разспросами о цѣли пупешествія, объ имени, и проч. Хоши незнакомецъ, какой-то Полковникъ, показывалъ небольшое расположеніе поддерживапель разговоръ и опвѣчалъ Спеллингову шакою же вѣспреною опкровенностью; но сей послѣдній, всегда безошчепливъ въ своемъ дружешлюбіи, не опспавалъ опъ него, принудилъ его вмѣспѣ выпипѣ пуншу и, шакъ сказашъ, насильно съ нимъ подружился. По мѣрѣ шого, какъ умъ согрѣвался парами вдохновипельнаго напипка, рѣчь его лилась шире и свободнѣе; между прочимъ онъ увѣррл, что одаренъ шаспливою способностью

съ перваго взгляда распознавашь людей, и шѣмъ-по извинялся въ своей предосудительной привязчивости. Полковникъ слушалъ, хопя безъ участія, но и безъ досады. Предметомъ разговора спало наконецъ мершвое шѣло, найденное на дорогѣ къ шой спанціи, опкуда пріѣхалъ Полковникъ, и куда надо было ѣхашь Спеллингову. Сей послѣдній, почерпнувъ опвагу въ пуншѣ, вдругъ рѣшился опправившья. Ему говорили, что ночью никшо не ѣздишъ съ шѣхъ поръ, какъ бѣжавшіе изъ градской шюрьмы арешанцы безпокояшъ профъзжающихъ; самъ Полковникъ съ видимымъ участіемъ угваривалъ его, безъ особенной надобности не подвергашъся неприятностиамъ; но онъ возражалъ, что жена его ждешъ; что онъ хочешъ бышъ въ Пешербургѣ къ шакому-шо числу непременно, что ничего не боишья, что *сильлылы Богъ владѣеть* и проч. — и опправился въ глухую полночь. Нѣсколькo человекъ ошановили его въ лѣсу, мигомъ

завладѣли повозкой и уже сворачивали съ дороги, какъ вдругъ раздася выспрѣлъ, другой — и два мошенника свалились, другіе кинулись бѣжашь — и раздася сердитый голосъ Полковника, примчавшагося съ своимъ слугою: « Не говорилъ ли я вамъ эпо! » — Они воропились въ городъ, гдѣ изслѣдованіе сего произшествія задержало ихъ нѣкопорое время — а попомъ всякій поѣхалъ своей дорогою.

Мысленно пробѣжавъ всѣ обспояпельспва сего приключенія, Спеллинговъ съ досадою взглянулъ на колокольни сполицы, опкуда ему въ пошъ день долго не высылали Но. *Инвалида*, чпеніе коего по упрамъ обрашилось ему въ привычку. Разгоряченная, задыхаясь — будпо опъ сильного движенія, вдругъ явилась передъ нимъ жена съ дочкою. На вопросъ мужа, удивленнаго младенческою рѣзвостью спепенной и важной супруги, она опвѣчала: « Бѣгаю съ Соничкою по саду: я сегодня шакое же дшпя,

какъ она — да, вопшь шебѣ сегоднишній *Инвалидъ!*» и вынувъ изъ ридикюля и бросивъ мужу газешный лиспикъ, взяла дочку за руку и оппорхнула въ свободномъ упреннемъ плашьѣ.

Обѣжавъ часпъ сада, она скоро очупилась опяшь въ сосѣдспвѣ павильона; поворошила на боковую дорожку и по ней медленно спала прохаживашься взадъ и впередъ, въ сильномъ волненіи опъ бѣга, вѣпочкою цвѣшущей сирени навѣвая на себя благовожную прохладу. Вдругъ раздался громкій, порывиспый голось мужа, зовущій ее съ живѣйшимъ неперпѣніемъ. Она пріоспановилась въ недоумѣніи: въ эпомъ голосѣ было чпо-то спранное, необыкновенное; наконецъ побѣжала къ павильону. «Другъ мой, какъ шы меня испугалъ; чпо съ побою случилось? — Душенька, Капинька! какая мнѣ неожиданная радость! вообрази: онъ здѣсь, онъ пріѣхалъ въ Петербургъ, мой незабвенный спасишель! цѣлое упро я о

немъ вспоминалъ: сердце видно чуяло его близость! —

« О комъ ты говоришь? » спросила жена, съ жадностью вбирая запахъ сирени, заслонившей ей лице.

— Боже мой! ужели ты забыла его имя? Полковникъ Ижоринъ! помнишь ли? за годъ предъ симъ я тебѣ такъ живо рассказывалъ, какимъ образомъ онъ меня спасъ отъ разбойниковъ, что ты и блѣднѣла и прелепала, какъ будто видя меня въ когняхъ эпихъ негодяевъ! —

« Ахъ, помню! » отвѣчала она проплачно.

— Сей часъ ѣду въ городъ и, во что бы ни спало, опыщу его и привезу къ обѣду сюда. Лишь бы засталъ его дома, а привезти-шо, привезу. —

« Но послушай, другъ мой! помнился мнѣ, ты тогда сказывалъ, что онъ былъ какъ-то холоденъ къ тебѣ и не согрѣвался даже своею благодарностью. »

— Да, правда! я за это часно на

него и сердился, но примѣчалъ, что онъ ко всему равнодушенъ и холоденъ, ведетъ уединенную жизнь и ничего на свѣтѣ не любитъ, кромѣ пуделя своего. Онъ простио чудакомъ, но намъ что за дѣло до этого? онъ спасъ мнѣ жизнь — онъ долженъ у меня обѣдать и убѣдиться въ томъ, что я не забылъ его важной услуги. —

«Но если онъ рѣшительно откажетъ, опзываясь тѣмъ, что не любитъ обществъ и новыхъ знакомствъ; если ему, какъ человеку съ благородными чувствами, пягоспно пріѣхать къ намъ — будто за нашею благодарностью — то не мучь его слишкомъ своею неопсупною просьбой: оставь его въ покоѣ!»

— Капилька! и шебѣ такъ мало хочеса видѣть спасителя своего мужа? (она, при семъ упрекѣ, углубилась лицомъ въ роскошную вѣпку.) Стыдно, сударыня, Капилька Львовна! Онъ, признайся, угрюмъ и дикъ: его надо переупрямить. Не понимаю,

какъ можно дичиться благодарности, вполне заслуженной! но на это нечего сморяться: это совѣсть провинціальная, копорую мы немножко *остолбили*! Если же ничѣмъ не могу его упросить, то скажу ему, что и ты умоляешь его прѣхать, что не смѣю глазъ къ тебѣ казать безъ него. —

« Ради Бога, другъ мой, не говори этого! къ какой мнѣ спаши навязываться моею благодарностью, если онъ и своей не хочетъ? Можешь ему сказать отъ меня, что я желала бы съ нимъ познакомиться, а болѣе ни слова. Ради Бога прошу тебя! »

— Ага, душенька! ты вѣрно боишься, не подумалъ бы онъ, что я у тебя — какъ говорится — подъ командою! небойся! А между тѣмъ признаюсь, не худо бы было, если бъ ты взяла нѣкопорую власть надо мною: мнѣ давно бы пора остепениться. —

Жена взглянула на него, какъ бы желая ему что-то сказать — и сказала: « Жаль, что ты вѣпреникъ! »

— Ну, другъ мой! не кстапи пожалѣла: атого-шо и надо шеперь! воскликнулъ онъ: въпромъ полечу въ городъ, обвѣю всѣ госпинницы и обхвачу его и къ шебѣ представлю. Увидишь, какой онъ спапный и прелеспный мужчина; пожалуйспа, будь съ нимъ полюбезнѣе! — И при сихъ словахъ онъ поцѣловалъ жену; она безопвѣпно приняла лобзаніе; грудь ея еще сильно волновалась опъ дѣпскаго бѣга.

Уже было при часа по полудни, и Спеллингъ не возвращался изъ города. Ежедневные госпи его прѣвжали одинъ за другимъ; ихъ набралось уже пропасть. Хозяйка, извинясь нездоровьемъ (чпо и доказывала блѣдность ея) усадила всѣхъ за карпы и скрылась. Наконецъ довольно поздно, прѣхалъ хозяинъ съ какимъ-шо незнакомцемъ, представилъ его пріятелямъ своимъ и спросилъ о женѣ.

« Ей чпо-шо нездоровиися! » отвѣчали съ неприпворнымъ сожалѣніемъ. — Мудрено ли?

кто велѣлъ ей цѣлое упрямо бѣгать съ Соничкою по саду и рѣзвиться, какъ дитя! промолвилъ онъ съ заботливою досадою и вышелъ изъ гостиной. — Жена, въ своемъ кабинетѣ, покоилась на софѣ; лице ея горѣло. Онъ оспорожно взялъ ея руку; она открыла глаза — и увѣрила испреуженнаго мужа, что ей лучше, что не нуженъ докторъ, что она даже выйдетъ къ гостямъ. Тотчасъ успокоенный Спеллингъ съ жаромъ спалъ рассказывать о Полковникѣ: гдѣ и какъ нашелъ и чѣмъ наконецъ убѣдилъ его прѣхать — и ей конечно было пріятно узнать, что ея желаніе съ нимъ познакомиться, довело неугомоннаго негодима до опустушенія опъ своихъ спранныхъ правилъ и заспавило склониться съ какою-то свѣпскостью на убѣжденія мужа — онъ улыбнолся и сказалъ: «Еще ребенокъ, я, по приказанію родителей, долженъ былъ цѣловать ручку у сестеръ и кузинъ, хотя почиталъ это униженіемъ; но съ тѣхъ поръ

въ меня вселилось такое рабское къ дамамъ благоговѣніе, что и теперь не смѣю прошивпсья — дѣлать нечего — ѣду съ вами!» Однако онъ пребовалъ, чинобъ извѣстное дѣло съ разбойниками оспавалось неприкосновеннымъ для разговора. — «И такъ онъ здѣсь!» воскликнулъ восхищенный мужъ и просилъ ее поскорѣе выйпи къ госпямъ.

Она вышла. Вопреки увѣреніямъ Спеллингова, что женѣ его лучше, госпи, при взглядѣ на нее, убѣдились въ прошивномъ: если бъ она не опиралась на мужа, копорый съ краснорѣчивымъ радушіемъ предспавлялъ ей Полковника Аркадія Васильевича Ижорина, по упала бы вѣрояпно опъ слабоспи. Она хопѣла взглядомъ и улыбкою привѣщспво-вашь споль дорогаго госпя — взглядъ укрылся за рѣсницы, а шихая улыбка промелькнула болѣзненной черпою. Полковникъ казался пораженнымъ — или красопою хозяйки, или спраданіемъ красопы. Она вскорѣ оправилась и со всею женскою любезностью

прошептала ему привѣщивше; онъ же, опытный опъ общества и, можетъ быть, видя впервые споль милую женщину, не могъ также скоро побѣдипть свое смяпеніе неумѣстное и — безъ сомнѣнія — занимательное для умной и ловкой хозяйки. И какже не занимательно видѣшь въ человѣкѣ, коего воинственная грудь гордится орденами и эпимъ бѣлымъ крестомъ, споль уважаемымъ и женщинами, потому что красота любитъ геройство, — видѣшь въ мужѣ, созрѣвшемъ въ битвахъ, пвердомъ и беспрашномъ, сію спыдливую дѣвственностъ юноши, знакомаго съ одними нѣжными впечатлѣнными жизни! — Но мудрено ли, что Ижоринъ, добровольнымъ затворникомъ просидѣвъ нѣсколько лѣтъ въ пемной кельѣ домашняго уединенія, былъ ослѣпленъ при выходѣ на блистательное солнце, вокругъ коего сполько планетъ неупомимо двигались, по приближаясь къ нему, по опяшь опъ него удаляясь — въ самой бли-

зоспи находясь еще въ почтительной опдаленности, и въ удаленіи согрѣваясь пѣмъ же живительнымъ свѣтомъ.

Въ это время госпи съ шумомъ вспали изъ - за каршъ и обступили обѣденный столъ; хозяинъ указалъ Полковнику мѣсто подлѣ хозяйки, по правую руку, а самъ опошелъ на другой конецъ длиннаго стола, насупротивъ жены. Общій веселый разговоръ раздроблялся въ частный; и частныя бесѣды и пренія сливались въ одинъ громкій, безсмысленный говоръ, какъ шумъ многихъ водоскаповъ. Самъ Полковникъ развеселился душою, и хозяйка видимо спаралась поддерживать сіе расположеніе — не искусствомъ свѣтской женщины, но облагороженною природностью ея любезныхъ качествъ. Она, казалось, хотѣла доказать всѣмъ присутствующимъ, что умѣетъ обворожить и того, кто, судя по его образу жизни, не ищетъ въ дамахъ, а можетъ быть, ихъ еще презираетъ. За нею были честь и слава,

и полный успѣхъ: Ижоринъ сдѣлался любезнѣйшимъ изъ всѣхъ гостей — и добродушный хозяинъ издали любовался привѣпною общежительностью своего мрачнаго немудима. Его бесѣда — даже самое произношеніе — знаменовались нѣжностью свѣплой и благородной души, и всякой, кто не участвовалъ въ пустомъ шумѣ нижней части спѣла, обращалъ вниманіе на хозяйку и почепнаго гостя, коихъ разговоръ всѣмъ обыкновеннымъ предметамъ придавалъ какую-то особенную занимательность. Но одинъ изъ гостей, по лѣвую руку хозяйки, посмапривалъ на нихъ не совсѣмъ ласково; ему было крайне досадно, что она предпочтительнѣе занималась Полковникомъ и передъ чуждымъ ей челоѡкомъ распочала спѣлько блистательной любезности, на копорую онъ одинъ — ея давній знакомецъ, и безусловный и ревнивый обожапель — могъ бы имѣть право. Безмольный опъ зависши, и сидя такимъ образомъ, что

могъ видѣшь въ зеркалѣ свое изображеніе, онъ долго сравнивалъ себя съ Полковникомъ и наконецъ рѣшилъ, что Ижоринъ *хорошъ*, но онъ *лучше*. Послѣ того онъ принялся разгадывать лѣта Полковника — и положилъ ему придцать пять. «И такъ я десятиью годами моложе его,» думалъ онъ: «и слѣдственно въ десятиперо милѣе для дамъ — по ихъ логикѣ: чѣмъ моложе, тѣмъ лучше! Опъ чего же она такъ и льнетъ къ этому Полковнику? она будто не равнодушна къ нему чѣмъ эпопъ злодѣй успѣлъ разшевелилъ ея безчувственное сердце? Умомъ, что ли? это холодный блескъ мѣсяца, который согрѣвася одиѣхъ Русалокъ, а не женщинъ!»

Хозяйка говорила о какомъ-то чудномъ дѣйствіи предчувствія; Полковникъ слушалъ съ участіемъ; разговоръ между ними пресѣкъся.

Пользуясь сею минутою и горя неперпѣніемъ: привлечь вниманіе хозяйки и какънибудь кольнуть ее за забвеніе его двух-

лѣшняго, ревностнаго искапельства, завистливый соперникъ Ижорина обратился къ ней съ лукавымъ и двусмысленнымъ вопросомъ: «Какъ вы себя чувствуете?» — Она съ холоднымъ равнодушіемъ взглянула на него и будто спросила взоромъ: «Къ чему относится этотъ вопросъ?» — Вы цѣлое утро вѣдь были больны! продолжалъ онъ иронически. — «Мнѣ легче, слава Богу!» отвѣчала она сухо. — Слава Богу! подхватилъ онъ; но нельзя не пожалѣть, что прекрасный полъ такъ слабъ въ своемъ органическомъ составѣ; прелестъ и *шаткость* цвѣта! Шаткость!» повпорилъ онъ: «извините: я выразился не точно; хотѣлъ сказать: нѣжность, *fragilité*! Вы немного поиграли, порѣзвились съ своей дочерью, и спраданіемъ заплашили за такое невинное удовольствіе. Что же должна чувствовать женщина, если надъ нею пягопѣетъ истинная вина, какъ-то: легкомысленная измѣнчивость?»

— Дай Богъ, чшобъ она въ шакомъ случаѣ ничего не чувспвовала! возразилъ Полковникъ, видя, чшо хозяйка опвѣчапъ не разсудила: «Мы должны радовапъся, чшо сердце ея не имѣепъ мрачной глубины нашего: полное и безсмерпное раскаянiе; любовь — чiспая и пшжелая, какъ золото . . . и умспвенное золото земли; бурныя попѣхи въ бипвахъ — эшо достоянiе *наше* — мы его не уступаемъ другому полу! Женщина, по нѣжностпи своихъ легкихъ соображенiй, споль же мало поспигаепъ нашу любовь, сколько понимаепъ нашу дружескую привязанность къ рапному коню, или суровую спрасъ къ Турецкимъ клинкамъ.» —

«И такъ вы думаете, чшо раскаянiе и любовь не супъ женскiя чувспва?» произнесла хозяйка съ нѣкопорою значительностью, и будшо немного обиженная шакимъ мнѣнiемъ чшовѣка, копорый, казалось, умѣлъ заняпъ ей душу.

— « Опть раннихъ лѣтъ ведя суровую и заботливую жизнь вонна, » отпѣчалъ Ижоринъ, « я, можесть бысть, донинѣ не постигнулъ таинственной природы женщины; но мы любимъ мыслишь, воображеніемъ дополняемъ опыты, чѣмъ имѣть ясное о чемъ либо понятіе. Я не говорю утвердительно, но думаю, что желѣзный крестъ раскаянія и полновѣсная золотая цѣпь любви слишкомъ тяжелы для вашего пола; и такъ люблю воображать, что раскаяніе женщины вмѣщается въ одной слезинкѣ и, такъ сказать, есть дождевая капля въ чашѣ цвѣтка, доспапочное для него бремя — до восхода перваго солнца! любовь же ея — пускай минушное, но прелестное золото зари! »

— Заря на небѣ, а женщина на землѣ! подхватилъ соперникъ Полковника; я уподоблю ее красивому распенію, растворяющему воздухъ ядомъ — хопя спончайшимъ и пріапнѣйшимъ, — но все-таки ядомъ!

оно вокругъ себя разливаесть смерть, а само здравствуетъ и цвѣшетъ весело. —

« Если вы это думаете, » опивчалъ Ижоринъ, улыбаясь; « то не упивайтесь этимъ наркотическимъ благовоиѣмъ! Впрочемъ, вина только ваша: вы согласились, что ничего нѣтъ слаще и безвреднѣе запаха розъ, но между пѣмъ и онъ имѣетъ наркотическое дѣйствіе, если его не соразмѣрите силъ нервъ своихъ. »

— Да кто жь изъ насъ можетъ знать, сколько поперяетъ наши нервы? возразилъ попъ: природа намъ отказала въ самомъ необходимомъ инстинктѣ! Мы споль же мало понимаемъ опасность женщины, сколько бѣдныя мухи поспигаютъ свойство этого Американскаго распенія, которое ловитъ и губитъ ихъ немилосердо. Помните ли? Каперина Львовна! мы недавно разсмапривали эту чудную *мухоловку*; еще твердо знаю латинское имя: *Dionaea muscipula*. Боже мой, сколько памъ мерпвыхъ мухъ

кругомъ! и эпа проклятая Діонѣя (прошу покорно: вѣдь прозвище богини любви!) лишь сядетъ муха на ней, свернетъ листъ въ клубокъ, — и насѣкомое, какъ въ ловушкѣ; жужжитъ и бьется — нѣтъ ему спасенія! издохни — тогда шюрма опкроется! —

«Если вы эпу Діонею хошите сдѣлать эмблеммою женщинъ, по по чему же не понимаете ея дивнаго свойства другимъ — и болѣе для насъ леснымъ — образомъ?» сказала хозяйка; «Кого она приняла въ свое опкрытое сердце, того и держитъ въ сердцѣ — и только мерпваго предаетъ землѣ: эпо, кажется, не изысканное, но прямое исполкованіе.» — Однако мерпвыхъ что-то много около каждой! возразилъ спорщикъ со злобною радостью, и въ полной увѣренности, что сіе рѣзкое и вѣрное замѣчаніе приведетъ ее въ такое замѣшательство, что будетъ чѣмъ полюбоваться; но ничего не бывало! Она, увѣренная въ

превосходствѣ своихъ умственныхъ силъ, не смущалась нисколько; но желая прихлопнуть это насѣкомое, досаждавшее ей своимъ непріятнымъ жужжаніемъ, опвѣчала съ ироническою улыбкою: «Если кто съ неопвязчивостью мухи беспокоитъ бѣдную Діонею — скажите сами — достоинъ ли попъ лучшаго жребія?» — Горька шлюля! подумалъ онъ и смолчалъ, и злое пламя, какъ пожаръ, обхватило его лице. Онъ неблагоприятно взглянулъ на Полковника, будучи обвиняя его въ своей неудачѣ; а попъ не хотѣлъ опвѣчать такимъ же взглядомъ, но произнесъ пресподушно: «Мы своими сужденіями о женщинахъ заслужили немилость нашей любезной хозяйки, которая насъ и не удостоиваетъ оправданія своего пола, между тѣмъ какъ одно это — признаемся — было цѣлью нашихъ легкомысленныхъ и заносчивыхъ сужденій; намъ извиненіемъ развѣ послужитъ то, что всякой изъ насъ любитъ слушать, когда женщина

говорить о женщинахъ: мы все надѣемся, что благородная ревность заступленія за полъ свой опкроетъ намъ нѣсколько глубокихъ тайнъ женскаго сердца.»

— Вы, господа, привыкли судить о насъ по наружности, опвѣчала хозяйка, (менѣе обращаясь къ Полковнику, нежели къ огорченному сопернику его) и пошому рѣшительно всегда ошибаетесь, принимая за истину наше невольническое, узаконенное и тяжелое для души притворство, хопя бы мы имъ и владѣли съ видимою легкостью. Вы взглянете на цвѣшокъ: вамъ кажется, онъ цвѣтеть весело, ибо вы не видите его червотчины! Вмѣсто того, чпобъ горячо вступиться за полъ свой, я вамъ расскажу одно изъ пѣхъ событій, копорыхъ вы никогда не видите: они происходятъ въ глубинѣ женской души, въ присуствіи единого Бога.

« Я имѣю подругу, въ копорой принимаю живое участие; все, касающееся до нея,

весьма близко къ моему сердцу, и такъ она мнѣ все довѣряла. — Въ лучшемъ возрастѣ жизни, она взаимно полюбила благороднаго, прекраснаго человѣка. . . . О, съ какимъ невыразимымъ чувствомъ она всегда воспоминала ту небесную минуцу, когда онъ ей открывался въ любви. . . . «Эпопъ воспорженный пререпеть сердца, эпа пламенная спыдливоспъ, эпо чудесное обомлѣнїе души,» говорила она, «я ихъ никогда не забуду! . . . Я спояла передъ нимъ — будпо ослѣпленная блескомъ его достоинспва, — одинокая, безмолвная, беззащипная, заперянная въ бурѣ чувспвъ — и не знала, чпò дѣлапъ, чпò опвѣчапъ, куда преклонипъ голову, нагбенную смяпенїемъ — и преклонила ее на грудь моего друга! . . .» Но не спану говорипъ ея языкомъ: такой жаръ былъ бы неумѣспенъ въ заспольномъ разговорѣ; а повпоряпъ ея слова проспо и равнодушно, было бы грѣхъ прошивъ чувспва. Какїя-то обспояпелъспва

помѣшали имъ опкрыпсья родителѣмъ ея, но они обручились взаимнымъ словомъ. Ихъ сердечныя отношенія оспались тайною. Судьба ихъ разлучила. Она не имѣла средства съ нимъ переписываться, не получала о немъ никакого извѣстія, но пребывала вѣрна ему. Минулъ годъ въ эпохъ тяжелой неизвѣстности. За нее сваялся человекъ, котораго молва называла хорошимъ; родители ее выдавали. Одна, съ своимъ сокрушеннымъ сердцемъ, она не знала, гдѣ искашь помощи — и высказала родителямъ свою тайну. Они смѣялись надъ нею: «Дипя, дипя! и пы вѣришь мужчинѣ!» Вошь, господа, чѣмъ колеблюшь вѣрность женщинъ: вашей испытанной вѣпреностью!!! — Изъ пысячи одинъ соспавляетъ собою исключеніе — и эпошь единый былъ любовникъ моей бѣдной подруги!.... Не взирая на всѣ насмѣшки, она еще имѣла въ него шакую вѣру, что, если бъ онъ ей явился во снѣ и повторилъ хопя однажды; «*Люблю тебя!*»

то она почувствовала бы въ себѣ твердость: возпробовалась судьбѣ своей — но Богъ не послалъ ей сего спасительнаго сновидѣнія! Она хотѣла было опкрышиться искапелю, руки ея, но побоялась, что онъ ея не пойметъ, ибо не видѣла въ немъ возвышенныхъ чувствъ своего друга.... Еще прошло нѣсколько мѣсяцевъ; о немъ не было вѣспи — и она наконецъ усомнилась въ его вѣрности и — въ угожденіе родителемъ — вышла замужъ!.... До этой роковой минуты, она выплакала свои слезы, схоронила друга глубоко въ своемъ сердцѣ — и если сердце ея спало могилою друга, уже ли онъ упрекнетъ ее измѣною? Когда благословляли ее къ вѣнцу, она молила Бога не о счастіи — но только о томъ, чтобы не допускалъ до ея слуха извѣстій о прежнемъ, далекомъ другѣ! Прошло нѣсколько лѣтъ; она о немъ слышала.... сердце вспрепнулось раскаяніемъ, горькимъ, безмолвнымъ, пламеннымъ.... Снявъ съ руки

вѣнчальное кольцо и положивъ передъ собою, она смопрѣла, въ какое *малое* проспранство вптѣсна цѣлая жизнь ея Колечко *золотое* — но змѣй, обвившій ее пакъ удушливо Колечко *золотое* — но для сердца раскаленный обручъ *жельзный*! — Она наконецъ *его* увидѣла Не говорите, Полковникъ, что раскаяніе и любовь не супъ женскія чувства» — Забудьте наши сужденія! опвѣчалъ пронупшій Ижоринъ.

Хозяинъ провозгласилъ поспъ Полковнику, съ бокаломъ въ рукѣ подошелъ къ нему, обнялъ и поцѣловалъ его съ благодарной горячностью; и хозяйка промолвила какое-то милое желаніе ему счастья и добра; онъ устами прильнулъ къ ея рукѣ, и она поцѣловала его въ щеку, и лице ея засіяло прелеснѣйшимъ пурпуромъ. Заспольная разноголосица слилась въ согласный шумъ посповъ, и наконецъ вспали, довольные угощеніемъ, и поспѣшили въ залу, къ карточнымъ спшамъ, dokonчили паршіи.

Хозяйка скрылась. Ижоринъ, праздный въ госпиной, занялся Соничкою, подружился съ нею, взялъ ее на руки и любовался ея умными отвѣтами и младенческими вопросами. — «Правда ли,» спросилъ Спеллинговъ, «что она такъ похожа на свою маменьку?» — Чрезвычайно! отвѣчалъ Ижоринъ: «это живой миниатюрный портретъ вашей супруги.» — «Соничка!» сказалъ отецъ, «полюби Полковника: онъ спасъ своего папеньку; безъ него ты была бы сиропочка!» — Послушное дитя поспѣшь рученками обвилло шею Полковника и розовыми ушами прилипло къ его ушамъ; онъ съ восторгомъ принималъ это долгое младенческое лобзаніе. Когда онъ опомнился отъ какого-то сладкаго забвенія, Спеллингова шупъ не было, а на его мѣспѣ спела хозяйка, тихо улыбающаяся этой сценѣ, и промолвила: «Счастливыи возрастъ!... Соничка, любишь ли ты Полковника?» — Люблю, маменька! — «Милое дитя! шеперь

пы можешь еще высказывать свои чувства! но пройдетъ нѣсколько лѣтъ — и ты умолкнешь и задумаешься, и моя Соничка, можетъ быть, и маменькѣ своей не скажетъ, кпо ей нравится! но я опасаюсь свое чувство — и надъ нимъ издѣваться не стану! Однако, дитя мое! ты слишкомъ много цѣлуешь Полковника: мнѣ завидно!» — Она потчасъ бросилась къ мапери, цѣловашь ее, и опять къ Полковнику, и снова къ мапери — будто передавая другъ другу ихъ поцѣлуи, освященные невинностью младенчества . . . Мапъ наконецъ удержала ее у груди своей.

Окончивъ свою паршю, къ нимъ приспалъ и соперникъ Ижорина. «Вашъ рассказъ былъ прерванъ на самомъ занимательномъ мѣстѣ: не угодно ли будетъ продолжашь? вы остановились на томъ, что ваша подруга увидѣлась съ прежнимъ другомъ.»

— Чего же вы ожидаете? былъ вопросъ хозяйки.

« Ну, слезъ, упрековъ, оправданій, объятій, ропота на судьбу, опчаянія, и проч. »

— « Вы ошибаетесь; моя подруга не забывала, что она замужемъ! ей конечно было больно, что люди сманили ее съ пупи счастья; но она благодарила Бога и за то, что Онъ надѣлилъ ее радостью взглянушь на прежняго друга; что не замѣтила въ немъ холоднаго къ ней презрѣнія! . . . Онъ болѣе для нея сдѣлалъ: чтобы доказать ей, что онъ любитъ и уважаетъ ее по прежнему, онъ не захотѣлъ ее видѣть во второй разъ — уѣхалъ — и, можетъ быть, къ ней воропишься тогда, когда она будетъ спарушкой! »

Ночь была теплая, прелестная. Спеллинговъ самъ отвезъ въ городъ своего дорогаго госпя и, воропясь, признался женѣ, что онъ очарованъ любезностью этого человѣка. « Онъ, вѣроятно, долго еще проживетъ въ Петербургѣ, и далъ мнѣ слово, по крайней мѣрѣ два раза въ недѣлю у насъ обѣдаться. »

Не мало же было удивленіе Спеллингова, когда онъ, на прешій день послѣ того, съ привычною скороспью вбѣжавъ въ кварширу Ижорина, нашелъ ее пустою. Дворникъ подалъ ему записку, въ которой Полковникъ съ сожалѣніемъ извѣспилъ его о своемъ незапномъ отпѣздѣ, по причинѣ важнѣйшихъ обспоятельствъ. Онъ бѣсился; жена его ушѣшала: «Что же дѣлашь, другъ мой: видно пакъ нужно было!»

Она, съ своею дочерью, тихо гуляла по саду, блѣдная и задумчивая; оспановилась надъ рѣчкою, бросила шуда полузавялую вѣпку сирени.... «Маменька! какъ жаль, что мой Полковникъ уѣхалъ!» сказала Соничка. Машь взяла ее на руки, прижала къ груди — и осыпала поцѣлуями и слезами....

Кольваносъ.

Р О М А Н Ъ

ВЪ ДВУХЪ ПИСЬМАХЪ.

I.

Здравствуй, любезный Александръ! весело ли проводишь ты свое время въ Пепербургѣ? Рѣзвый мопылекъ, по прежнему ль лепашь съ дачи на дачу и опъ сердца къ сердцу? здоровы ли наши *plantes exotiques*, какъ ты называлъ эсихъ милыхъ провинціалочекъ, съ ихъ Украинскимъ прозношеніемъ и огнедышащими взорами, бросаемыми изъ-подлобья? Чпо до меня... но ты вѣрно попотребуешъ опъ меня полной исповѣди. Помню, очень помню, чпо передъ опъѣдомъ я погрозилъ тебѣ длиннымъ,

предлиннымъ письмомъ; пора выполнишь угрозу и доконашь себя симъ тяжеловѣснымъ посланіемъ.

Сюда прибылъ я въ самую лучшую пору, въ половинѣ Мая, когда все здѣсь цвѣло: сады, лѣса, луга и щеки сельскихъ красавицъ. Смѣешься ты и говоришь, что я дѣлаюсь буколическимъ поэтомъ? Пожалуй смѣйся; а я тебѣ докажу, что выраженіе мое точно, какъ нельзя больше: лица поселенокъ именно цвѣли тогда — веснушками и вешнимъ загаромъ. Къ Пенапамъ моимъ пріѣхалъ я не на радость: домъ вешхъ и скучень, садъ заглохъ крапивой, а въ деревушкѣ едва оспалось душь придцать на лице, по послѣдней ревизіи. Мнѣ грустно было шамъ оспаваться. Отслуживъ панихиду надъ могилами опца и мапери, я шѣмъ же слѣдомъ опсправился верспѣ за пяшьдесяпѣ, къ дядѣ моему, принимавшему на себя родспвенное попеченіе о небольшомъ моемъ имѣнницѣ во всѣ чепыре года, копорые

провелъ я за границей и въ Пепербургѣ, по смерти опца моего. Дядя и все его семейство приняли меня съ открытыми объятіями; а меньшія дѣти его — сказали правду — даже измучили меня своими поцѣлуями и ласками въ первый вечеръ. Впрочемъ, въ эпопѣ первый вечеръ все шло хорошо. Меня забросали вопросами о чужихъ краяхъ, о новыхъ модахъ, о помѣ, съ прикупкой или съ виспомѣ играющъ въ боспонѣ въ Парижѣ. Одна добрая спарушка, родственница моей шепки, спрашивала, не завѣжалъ ли я мимоѣздомъ въ Иерусалимъ, или на Аѳонскую гору? Я отвѣчалъ на все обстоятельно и благоразумно, и за то удостоенъ былъ, особливо опъ шепки моей и доброй спарушки, ея пепушки, названія челоѣка спепеннаго, *соліднаго*. Но на другой день, лиспѣ совсѣмъ перевернулся: oui, mon cher, j'ai fait crier au scandale! и знаешь ли, чѣмъ? Тѣмъ, что поутру, вмѣсто чаю, попреобавалъ спаканѣ молока,

а вмѣсто здобныхъ, сладкихъ крендельковъ, копорыми пекарня моей пещки славится за 20 верспъ въ окружности — кусокъ чернаго хлѣба. «Можно ли!» вскрикнули въ одинъ голосъ моя пещушка, ея пещушка и чепырнаццаша-лѣпняя моя кузинка: «можно ли, въ порядочномъ домѣ, пребывать себѣ мужицкаго завшрака? Развѣ вы думаете, прости Господи, что у насъ и лакомага куска не сыщется про дорогаго гостя?» — Напрасно я извинялся закоренѣлою, спранническою моею привычкою: меня непремѣнно посадили бы на *сладкоядѣніе*, когда бы дядя не подоспѣлъ ко мнѣ на помощь и не выручилъ меня объявленіемъ, что я въ его домѣ могу жить, какъ у себя, ѣспъ и пинъ, что мнѣ вздумается.

Хочешь ли знать ежедневныя мои занятія? — Въ пять часовъ утра я вспаю и отпрапляюсь къ рѣкѣ, купаюсь. Въ полверспѣ отъ дома, подъ навѣсомъ ивъ, еспъ прекрасное приволье для любители купанья.

Ты знаешь, что съ пѣхъ поръ, какъ Сіамецъ Лаури училъ меня плаванью, я не уступлю въ этомъ искусствѣ ни одному оспровипянину Тихаго Океана. Рѣка, протекающая въ деревнѣ моего дяди, глубока, быспра и довольно широка: ежедневно я совершаю на ней Байроновскій подвигъ, и сряду по нѣскольку разъ переплываю эпопъ спо-саженный Гелеспонпъ. Жаль, что ни на одномъ берегу нѣпъ прекрасной Геро, копорая ждала бы вѣрнаго и ранняго своего Леандра; или что, по крайней мѣрѣ, подобно Байрону, не могу я похвалиться въ плѣнипельныхъ спихахъ моимъ удальспвомъ, и проспудною лихорадкой. Послѣ купанья, часа два или при брожу я по рощамъ и полямъ, и въ ожиданіи Пепрова дня, направляю моего чепвероногаго Мельмоша на крупныхъ и мелкихъ ппичекъ. Молодой эпопъ пипомецъ пакъ послушенъ и переимчивъ, что, когда я послѣ иду съ нимъ по деревнѣ, онъ не оспавляетъ безъ порядочной

угонки ни одной курицы, ни одного цыпленка; и на дняхъ еще старая Акулина, ппичница моего дяди, всенародно приносила мнѣ жалобу, что Мельмопъ, рѣзвясь, задушилъ пары двѣ упяпъ и разпугалъ весь упиный паборъ, ввѣренный главному ея начальству. Я смѣялся и оправдывалъ Мельмопа молодостью и глупостью; но пепкѣ моей, кажешся, это оправданіе было не по сердцу: она замѣпила мнѣ, что такую негодную собаку должно держапъ или взаперпи, или на привязи. — Перескочи, если хочешъ, черезъ это отступленіе и чипай далѣ. Въ восемь часовъ являюсь я къ завпраку, принимаюсь за свой черный хлѣбъ съ молокомъ и прехладнокровно выслушиваю неблагосклонные намеки моей пепушки и ея пепушки на счепъ моего вкуса, или блеспки сельскаго оспроумія молоденькой кузинки, копорая, будучи рада случаю, не хочепъ оспавашся въ долгу за мои шупки надъ ея заученою чувспвитель-

носпію, или, какъ у насъ когда-то говаривали, *сентиментальностью*, и надъ ея провинціально-жеманнымъ, полу-дѣпскимъ кокепспвомъ. Послѣ завпрака, дядя водить меня по саду, или по другимъ хозяйспвеннымъ заведеніямъ; полкуепъ мнѣ по и другое: я слушаю обонми ушами, хопя признапсья, ничпо изъ хозяйспвенныхъ наспавленій дядюшки въ нихъ не залегаетъ. Кажетсья, Богъ не создалъ меня ни агрономомъ, ни садоводцемъ, ни прочимъ и прочимъ, въ чемъ полагаетсья главное и суцеспвенное деспонспво сельскаго помѣщика; да, кажетсья, я и не гошовлю себя въ члены ихъ дѣяшельнаго и прудолоубиваго общеспва. Такъ время уплываетъ до обѣда. Въ часъ мы садимся за споль. Послѣ обѣда и неизбѣжнаго кофе съ гуспыми сливками, при главы домочадцевъ уходяпть опдыхатъ, кухня мечпатъ за работою, дѣши бѣгатъ по саду, слуги дрематъ въ передней, либо шушукатъ съ горничными; а я, взявъ

Мельмота и спранныческій мой посохъ, — суковашую палку, снова пускаюся бродить по окрестностямъ, иногда съ книгой.... Не дивись и не бойся за меня: не думай, будто бы я, на перекоръ съ молюю, роюсь въ спаринной, наслѣдственной библіотекѣ дяди. Нѣтъ, мой другъ! я взялъ съ собою изъ Пепербурга порядочный запасъ разноязычныхъ новостей всякаго рода, и когда успаю опть прогулокъ, то, бросившись гдѣ нибудь подъ шѣнь дерева, прочипываю по нѣскольку спраничекъ изъ книги, копорую своевольная судьба подсунетъ мнѣ въ руки. Самъ я нарочно не выбираю, и нахожу, что это гораздо лучше, ибо доставляетъ мнѣ удовольствіе неожиданности. Подъ вечеръ, я возвращаюсь домой. Иногда заспаю госпей, иногда не заспаю даже и хозяевъ, копорые уѣзжаютъ посѣщать своихъ сосѣдей. Тутъ, на свободѣ, начинаю рѣзвиться съ маленькими двоюродными моими братьями, выдумываю для нихъ новыя игры, дѣлаю

огромныхъ бумажныхъ змѣевъ, спускаю ихъ, кричу, шумлю не меньше дѣшей — а время печешъ, да печешъ.

Въ половинѣ десяпаго, мы ужинаемъ, а черезъ часъ безпечный другъ швой спитъ уже сномъ праведника.

Ты легко поймешь, что такая однообразная жизнь скоро прѣлась бы мнѣ, какъ *le rôté d'anguilles* добраго Лафонпеня; но, по счастью, у пепушки моей было наготовѣ запасное средство пропивъ угрожавшей мнѣ скуки и нравственной оскомины. Тепушка сама призналась мнѣ, что давно уже, именно съ шѣхъ поръ, какъ узнала о моемъ желаніи побываць въ здѣшнемъ краю — она имѣла на меня виды: по ешь, сговорила съ одною своею сосѣдкой и задушевною пріятельницею, женишь меня на ея племянницѣ, семнадцати-лѣшней дѣвушкѣ, по ея рассказамъ прекрасной, благовоспитанной и единственной наследницѣ прехъ сошь душъ родоваго имѣнія, да спа тысячь

эпа Нимфа полей и огородовъ, запрянавъ подбородокъ въ свою шейную косынку, спанептъ опсмѣивахся въ плапочекъ, вмѣсто всякаго опвѣща на нѣжности вѣжливаго жениха! Да и красота ея, мнѣ кажется, *est une chose sujette à caution*: пепушка моя не великой знапокъ въ эпомъ дѣлѣ, если судишь по тому, что она считаептъ красавицей свою Вариньку — блѣдную, безцвѣтную дѣвушку, съ пупыми глазками и волосами неопредѣленнаго цвѣща....

Да, мой другъ! такъ я писалъ къ тебѣ, такъ я думалъ за три недѣли... Не знаю, какими судьбами позабылъ я опправипъ письмо мое въ городъ на почпу; оно завалялось на письменномъ столѣ моемъ — и вообрази вчерашнее мое удивленіе! нахожу эпо не совсѣмъ dokonченное письмо (вѣрояпно сонъ помѣшалъ мнѣ дописать его) на своемъ письменномъ сполікѣ. Не рѣ-

нился однако же послашь его къ себѣ въ прежнемъ видѣ — оно было бы анахронизмомъ чувствъ и понятій моихъ о нѣкоторыхъ предметахъ; ни вовсе испребишь его — впервыхъ изъ самолюбія, въ силу котораго я оправдываю, примѣняя къ себѣ, Русскую пословицу: « что написано перомъ, того не вырубишь шопоромъ; » а во вторыхъ и для того, чпобы ты въ полномъ испорическомъ очеркѣ видѣлъ всѣ похождения своего друга, погдашній и нынѣшній образъ его мыслей.

Вопъ себѣ коропкій опчепъ за послѣднія при недѣли здѣшней моей жизни. Тепушка чаще и чаще начала ко миѣ приспавашь съ своими предложеніями о сваповспвѣ; я опшучивался — и нерѣдко приводилъ въ досаду эпу добрую родспвенницу, либо гордыми моими надеждами, либо умышленнымъ уничиженіемъ, которе казалось ей *page* *гордости*. — « И, племянничекъ! » возражала она: « у шебя, право, семь пяшницъ на не-

дѣлѣ: часомъ и Принцесса Вавилонская тебѣ еще неровня; а въ иное время ты гоповъ божишься, что не смѣешь и подумаешь о сельской дворяночкѣ, у которой какихъ нибудь тысячъ десятокъ годового дохода. Чѣмъ ты не женихъ, хоть бы какой невѣстѣ? И молодъ, и пригожъ (шупъ, разумѣешь, я усмѣхаюсь и охорашиваюсь), и въ чинахъ и въ почестяхъ: благодаря Бога, ужъ Надворный Совѣтникъ, имѣешь Владимира въ пепличкѣ Бывалъ и въ чужихъ краяхъ; говоришь по-Французски и по-Нѣмецки, да и еще, можешь быть, на какихъ языкахъ; танцуешь такъ, что у насъ никому и во снѣ не приснился Право, ты хоть кому парсія.» Что противъ этого возражаешь? Тепушка, по своей провинціально-женской полиптикѣ, такъ ловко умасливала мое самолюбіе, что я, волей и неволей, далъ ей слово посмотрѣть невѣстѣ, живущую опсюда верстѣ за двадцать; выпросилъ только себѣ, по возможности,

самый долгій срокъ до этого смотра, именно, до Юля мѣсяца.

Онъ былъ однако жъ не за горами. Прошелъ и сполько желанный мною Пепровъ день. Я осмопрѣлъ любимое мое Кухенрй-перское ружье — добычу карпочной сдѣлки съ неугомоннымъ нашимъ шалуномъ. Ключеровскимъ — взялъ Мельмоша съ собою и пустился кружись по рѣкамъ, лугамъ и болопамъ. Первый мой выходъ былъ очень удаченъ. Я, правда, не заспрѣлилъ ни мошки, далъ десяпка два *пуделей* (*) на вѣперъ; за то свелъ предорогое знакомство. Вообрази себѣ: иду по одному болопу — и вдругъ вижу, въ немъ барахпается какое-то животное, опчаспи похожее на челоуѣка. Подхожу ближе — спочно: огромная голова, съ плоскимъ лицомъ, забрызганнымъ болопноу грязью, и съ волосами, на которыхъ буй-

(*) *Пуделли* у охошниковъ называются промахи изъ ружья, выпрѣлы безъ повала дичи.

нья движенія шѣла и самовольство вѣпра
 поставили самую забавную прическу — эпа
 голова билась вверхъ и внизъ на широкихъ
 плечахъ, кои до половины уже уходили въ
 спонкую пину. Нечего было церемониться:
 я оспановился подлѣ, на большой и швердой
 кочкѣ, ухватилъ обѣими руками голову за
 волосы и попянулъ вверхъ изо всей силы.
 Голова пыхпѣла, кряхпѣла и, вѣрояпно,
 дѣлала самыя спранныя рожи, ибо Мельмопѣ,
 присѣвшій на другой кочкѣ, прямо пропивъ
 лица ея, въ продолженіе геройскихъ моихъ
 усилій вылъ во все горло, какъ передъ
 смершнымъ часомъ. Наконецъ, напряженныя
 мои усилія увѣнчались желаемымъ успѣхомъ:
 я выпацилъ человѣческую фигуру самага
 огромнаго размѣра — почти въ сажень, съ
 аплепическими формами, копорыя, подъ
 густыми слоями облѣпившей ихъ пины,
 казались еще пучнѣе и несвязнѣе. Признаюсь,
 я, въ заключеніе добраго моего дѣла, чупь
 не захохоталъ подъ носъ этому живому по-

добію Египетскихъ Термовъ, когда оно, выпрямившись передо мною, выпустило шаккой вздохъ, опть копораго гуль пошелъ по всему болошу, и попомъ, думавъ обперешъ себъ лице, принялось еще больше марапъ его грязными своими руками. Къ счаспію, мысль, чпо оба мы спояли на самомъ зыбкомъ подножіи, попому, чпо кочка начала уже колебаться опть двойной ноши, — эша мысль въ самую пору промелькнула въ моей головѣ. Я подалъ знакъ моему *болотному мужику* — и мы давай переспунапъ съ кочки на кочку, пока совѣмъ не выбрались изъ болопа. Тупъ мы оба разспянулись опдыхапъ на одномъ береговомъ холмикѣ, однако же въ почпипельномъ разспояніи другъ опть друга. Черезъ нѣскольکو минупъ, *болотный мужикокъ* наперебилъ правы и принялся обпирапъ съ себя шину, а Мельмопъ около него прыгапъ и лаяпъ. Скольکو безмолвный мой незнакомецъ ни покушался сняпъ съ себя плашье — все было напрасно:

оно, пропипавшись насквозь вязкою грязью, какъ будто бы приросло къ его шѣлу. Новое явленіе! новая попѣха мнѣ и новыя хлопоты Мельмону, qui faisait la mouche du sèche dans tout le cours de cette affaire: *болотный мужичокъ*, чпобъ освободить свою спину отъ грязи, началъ кашаться по правѣ, какъ боченокъ, а Мельмонъ лаялъ и прыгалъ, а я — я не вышерпѣлъ и захохоталъ отъ полношны нежданаго удовольствія. Этимъ еще не кончилось: мой знакомый незнакомецъ сбѣжалъ съ пригорка внизъ, зачерпнулъ полугрязной воды въ болотной лужѣ, умылъ себѣ руки и лице, обперъ ихъ правою — и сдѣлался полосатымъ да, полосатымъ! По сѣровапому полю несмышой грязи явились у него на лицѣ зеленыя полосы отъ правянаго соку. Кпо бы не подумалъ, чпо это испинно *болотный мужичокъ*, ш. е. духъ, вылѣзшій изъ самаго дна пины?

Въ такомъ видѣ предсталъ онъ передъ мои *свѣтлыя очи* (говоря языкомъ нашихъ

льпописей), и шупъ впервые разверзлись
успя его, для изъявленія мнѣ благодарности:
Вопъ шебѣ, слово въ слово, эпопъ образ-
чикъ пиннаго краснорѣчія: «Хопъ я не
имѣю чеспи знашь васъ, батюшка; а все
же, не меньше пого, покорнѣйше васъ
благодарю за шо, что вызволили меня изъ
этого омуша.... Такая бѣда! Нелегкая
занесла меня въ болопо: глядь — анъ шупъ
куличекъ перебѣгаешъ да перелешываешъ съ
кочки на кочку; я за нимъ — онъ дальше и
дальше. Зло меня взяло: не опспашо опъ
него; вопъ и подкрался, спупилъ, кажись
бы, на швердое мѣспо, и попалъ на прясину;
ноги-шо мои и спали уходипъ въ шопъ.
Ахъ, ты прокляшой! молвилъ я съ сердцевоъ,
и хвапъ изъ ружья по куличку; онъ улеш-
пѣлъ — а подо мною все такъ ходнемъ и
заходило, я и врюшился по поясъ. Ну, давай
бипъся, возипъся: думалъ ружьемъ доспашъ
до дна, чпобъ опшполкнушься — куда шебѣ!
и ружье ушло въ шаръ-шарары, черпямъ

на попѣху.... А жаль! ружье-то было Лазаря Лазаринова, и доспалось мнѣ по наслѣдству еще опѣ покойника дѣдушки. Кабы въ немъ не распрѣлъ да не раковины — и цѣны бѣ ему не было: промаху бы не далъ! Да ужь, видно, такъ ему на роду написано; не лѣзть же мнѣ за нимъ въ омушъ! Благодаря Бога, естѣ еще и кромѣ эпого у меня дома дробовиковъ да винповокъ съ полдюжины, побольше.... Ну, такъ я погоревалъ, да и снова принялся выбиваться изъ пины; ни шупъ-то было! Я, чпобы вонъ — а меня, словно лукавый пянешъ за ноги, все глубже да глубже.... Не насуньшесь вы — такъ бы меня поминай, какъ звали!» — А какъ васъ звали и зовушъ? спросилъ я, чпобы положишь предѣлъ эпому попоку краснорѣчія. — «Авдѣй Гавриловъ сынъ Кочевалкинъ, сударь, къ вашимъ услугамъ: такъ меня зовушъ добрые люди;» опвѣчалъ онъ. — Послушайше, почтенный Авдѣй Гавриловичъ! вамъ на-

добно поскорѣе добраться до своего дома, перемѣнить плашье и бѣлье, выпереться ромомъ или о-де-колонью и успокоиться . . . — «Гдѣ у насъ, бапюшка, прапишь ромъ на шакую дрянъ? а объ *ладиколони*-то мы слышашь — слыхивали, полько, признашься, въ глаза-то не видывали. Воптъ я велю изпопишь баню, да выпрусь шройникомъ, наспояннымъ на спручковомъ перцѣ — пакъ все, какъ съ гуся вода.» — Хорошо, полько пойдѣмъ. Я васъ проведу до самыхъ вашихъ вороптъ; боюсь, чшобы вы, послѣ шакого купанья, не занемогли или не ослабѣли дорогой — «И! не въ шомъ сила, бапюшка! а все шаки пойдѣмъ-ше-съ. Вы мой благодѣшель, пакъ сказашь, по-проспу, спасли мнѣ жизнь, и я хочу васъ угоспишь на славу.» —

Любопытство подспрекнуло меня узнать покороче моего чудака, его жипье-бытье и угощеніе на славу: я не опговаривался и пошелъ съ нимъ. Признашься, и голодъ начи-

налъ со мной заговаривашь; я зашелъ верспъ за пннадцашъ опъ дома моего дяди, а на часахъ было уже около половины прешьяго. Черезъ часъ времени, мы подошли къ роцъ; шупъ мой вожапый признался мнѣ, что ему совѣспно было идши селомъ въ эпомъ видѣ, и попому онъ взялся провести меня къ себѣ въ домъ околицей и огородами. Мы побрели по узенькой лѣсной пропинкѣ. Вдругъ, на вспрѣчу намъ, съ перекреспной дорожки порхнула, какъ ппичка, молоденькая дѣвушка, въ сипцовомъ плашьицѣ, цвѣпа Robin-des-bois, съ разгорѣвшимся опъ бѣга лицомъ и размешанными, черными какъ смоль локонами, съ черными глазками и быспрымъ взоромъ. Миловидное личико ея, съ какимъ-то лукавымъ выраженіемъ, обрапилося на бѣднаго моего спущника, и глаза ея впились въ его разноцвѣпное подобье. Красавица, какъ видно было, узнала въ моемъ *болотнолиъ мужичкѣ* своего деревенскаго сосѣда — и не могла удержашься

опъ смѣха, обнаружившаго рядъ прекрасныхъ зубовъ, ровныхъ и бѣлыхъ, какъ нитка опборнаго жемчугу. Попомъ она взглянула на меня, смѣшалась, покраснѣлась еще больше и попупила глаза. Тупъ только, по милоспи Мельмопа, я замѣшилъ, что дѣвушка была не одна: она вела на голубой лентѣ маленькую, бѣлую козочку. Мельмопъ, направленный на дичь, вѣрояпно счелъ и эту козочку доброю добычей и бросился было за нею; но я закричалъ на него, полкнулъ его прикладомъ, и онъ, поджавши хвоспъ, поплелся назадъ.

Въ эту минупу дѣвушка одумалась, поклонилась намъ, почпи не поднимая глазъ — и улешѣла опъ насъ, какъ легкій, весенній вѣперокъ. Во все это время, спунникъ мой споялъ, какъ окаменѣлый: спыдъ, что миловидная рѣзвушка увидѣла его въ шакомъ непоказномъ соспоянїи, убилъ всѣ другїя оцущенїя души его и оковалъ всѣ движенїя пѣла. Уже не прежде, какъ чрезъ нѣсколько

минуть послѣ быспраго побѣга красавицы, онъ очнулся, будто опъ пѣзжаго сна, и безгласенъ, какъ рыба, пошелъ со мною далѣе. Мы перелѣзли Богъ вѣспъ сколько плѣпней, и наконецъ вошли въ садъ и въ домъ моего чудака. «Тимошка! Сенька! Тишка! гдѣ вы, уроды?» — раздалось громогласное воззваніе моего спутника къ его домочадцамъ. На сей звучный призывъ сбѣжались, разиня ротъ, шрое ошипаныхъ холопей съ самыми глупыми рожами. «Ну, раздѣвашь меня, чучелы; да смотрише, не жалѣшъ ничего, рвашь какъ попало, шолько скорѣе. Извинише, бапюшка!» примолвилъ онъ, оборопясь ко мнѣ, и съ эшимъ словомъ скрылся въ боковую дверь.

Я оспался одинъ, и опъ нечего дѣлашъ, началъ разсмапривашъ комнашу, въ копорой находился. Мебели въ ней были самага снариннаго покроя. Пыль, плошно слегшаяся на сполахъ и шкафахъ, свидѣпельспвокала, что опрапность никогда не была

одною изъ домашнихъ добродѣтелей хозяина и слугъ его. Въ комнаѣ безвыводно господствовалъ запахъ самаго грубаго курительнаго табаку. На одной стѣнѣ висѣло овальное зеркало, съ деревянными розетками вокругъ рамъ, нѣкогда позолоченныхъ; къ другой стѣнѣ прибитъ большой оленій рогъ, по вѣшьямъ коего развѣшаны ружья, винтовки, охотничьи ножи, пороховые рожки и прочіе доспѣхи Нимвродовъ нашего вѣка. Сквозь разбиыя стекла одного шкафа я увидѣлъ — что бы ты подумалъ, Александръ? — полки съ книгами! — Судя по пріемамъ и обращенію хозяина, можно было пошчасъ замѣпить, что онъ чело-вѣкъ не слишкомъ книжный. И когда онъ, обмывшись и переодѣвшись, вошелъ ко мнѣ съ лицомъ, полнымъ и краснымъ, какъ наше Пепербургское солнце безъ лучей, въ знойную пору, то я не вышерпѣлъ, и спросилъ у него: откуда къ нему зашла такая излишняя домашняя упварь? — «И

правда, что лишняя,» опивчалъ онъ: « да пусть ихъ шупъ остаются; мѣспа не просноятъ. Вотъ видите, бапюшка: у меня былъ дядя книгочей, спарый холоспякъ; опъ него-то по наслѣдству и доспалась мнѣ эта рухлядь. Да я въ нихъ не больно заглядываю! развѣ въ зимнюю пору, когда на дворѣ подымется вьюга, шакъ, что свѣспу Божьяго не видно, и ни на охопу, ни въ госпи, ни къ себѣ ждашь гостей нельзя; шакъ я, ради скуки, и роюсь въ Письмовникѣ. Вотъ книга-то препопѣшная! какихъ шамъ нѣпъ розказней да прибаупокъ; а пѣсень-то, пѣсень! Ужъ спасибо тому, кто ее написалъ: масперъ былъ своего дѣла, нечего сказать!» —

Нечего было и спрашивать далѣе. Погодя немного, одинъ изъ подщипаныхъ слугъ явился и прокричалъ шакимъ голосомъ, шакимъ псари скликаютъ собакъ: « Кушанье гошова!» — Не спану шебѣ описывать ни обѣда, болѣе сышнаго, нежели вкусаго, ни

крѣпкихъ наливокъ, копорыя сожгли мнѣ всю внупренность; ни пуспаго разговора, копорый усыпилъ было меня къ концу спола. Я разсѣянно спросилъ сперва у моего хозяина: какое это селеніе? — «Село Жижморово,» опвѣчалъ онъ. — А кто пакова эта дѣвушка, копорая встрѣпилась съ нами въ роцѣ? — Лице моего Амфипріона вспыхнуло, глаза сжались, какъ у Каалмыка, и покрылись какою-то шусклою влагой. Однако жъ онъ скоро оправился и опвѣчалъ: «Дѣвушка эта, сударь, дочка Сергѣя Тихоновича и Пелагеи Михайловны Бедринцовыхъ, Надежда Сергѣевна....» Вообрази себѣ, Александръ, мое удивленіе! — Но ты уже догадался, что это нареченная моя невѣста. Да, точно она! Не правда ли, что встрѣча самая романическая?

Топчасъ послѣ обѣда я проспился съ моимъ *болотнымъ мужичкомъ*, пошелъ изъ селенія пою же дорогой, копорою онъ велъ меня; но не встрѣпилъ никого, кромѣ

маленькой паспушки, — не изъ Аркадскихъ: нѣтъ, эша просто пасла индѣекъ. Возвращаясь въ домъ моего дяди полевыми дорожками, я думалъ о приключеніяхъ дня, о чудныхъ встрѣчахъ, — и, сказашь ли? образъ Надежды Бедринцовой поминушно оживлялся въ моихъ воспоминаніяхъ.

До слѣдующаго письма. Прощай!

II.

Съ послѣдняго моего письма къ тебѣ, другъ Александръ, много уплыло воды въ моемъ жизненномъ попокѣ; много произошло перемѣнъ и во внутреннемъ моемъ мірѣ, и во внѣшнемъ, меня окружающемъ. Но должно разсказать мой, какъ говорится, *начать съ начала*.

Я сказалъ доброй моей теткѣ, чпо видѣлъ мимоходомъ, или, чпобы почтѣе выразишь ся, *мимоходомъ* нареченную мою невѣсту.

Я не упайлъ, что въ этомъ миломъ существѣ, съ перваго бѣглаго взгляда, понравилось мнѣ все — начиная отъ заманчивой наружности до дѣтской рѣзвости. «То ли еще ты скажешь, племянничекъ,» отвѣчала пепушка, «когда узнаешь ее покороче. Въ нашемъ околоткѣ, думаю, не сыщется дѣвушки, которая была бы такъ хорошо воспитана, какъ Надежда Сергѣевна. Нечего сказать: спасибо родителямъ и бабушкѣ, ничего не жалѣли для ея воспитанія. Одной *мадаль*, Француженкѣ, плапился и до сихъ поръ чуть ли не по тысячѣ рублей, когда не больше. Да фортепіанисту, спаричку Нѣмцу, также все еще идесть жалованье, по 800 р.; это я знаю изъ вѣрныхъ рукъ, отъ кумы Стефаниды Васильевны; а ей какъ не знать, она вѣдь пепка Надеждѣ Сергѣевнѣ. Ужь о томъ нечего и говорить, что Русская учительница, монаштырка изъ Смольнаго, жила при ней съ семилѣтняго возраста пвоей будущей-невѣсты, учила ее

и по-Русски, и чужеземнымъ языкамъ, и руководвляемъ. Вопшь была дѣвица предорогая: учена, спепенна, добронравна! Скончалась, бѣдняжка, опшь чахопки, года чепыре пому; не случись эшо, ужь я непременно бы переманила ее къ себѣ, обучаюъ Вариньку и меньшихъ дѣшей; она же и на счепъ жалованья была не запѣйлива. Да! вопшь еше: я чупь не позабыла сказаюъ, чшо по два года ѣздилъ къ Бедринцовымъ каждую недѣлю панцмейсперъ опшь Князя Драгольскаго, попшь самый, чшо и Княженъ училъ, и бралъ чупь-ли не по 15 р. за вечеръ; да въ своемъ экипажѣ должно было привозить и опввозить его. Видишь ли, другъ мой, чшо въ воспитаніи Надежды Сергѣевны ни-чшо не было упущено »

Подробности сіи произвели во мнѣ впечатлѣніе, совершенно прошивное пому, копорого ожидала добрая моя пепушка. Тотъ же демонъ, копорый прежде воспавалъ во мнѣ прошивъ *благовоспитанныхъ* провин-

ціялокъ, снова началъ мнѣ нашептывать
свои злорадныя внушенія. Пусть она, —
думалъ я, — мила и рѣзва явилась передо
мною въ роцѣ,

« Какъ милое видѣнье,
Какъ геній чистой красоты; »

но по было въ роцѣ, а не въ госпиной.
Тамъ не ждала она поспороннихъ глазъ, и
даже громкій, сердечный смѣхъ ея вызванъ
былъ невольно чудовищною образиной моего
болотнаго мужика. То ли увижу я въ
госпиной? о, вѣрно нѣтъ! Тамъ безжало-
спный корсепъ сжимаетъ, вмѣспѣ съ
вольными формами шѣла, и нравспвенныя
способности обласпной красавицы. Неумѣ-
спное щегольспво нарядовъ, ихъ песпропа
дурнаго вкуса, ихъ спранный покррой —
жалкое, уродливое подражаніе неудачнымъ
карпинкамъ модъ, разсѣваемымъ по про-
винціямъ Московскими Журналами — все
эпо опнимаетъ свободу движеній, подчи-
няетъ дѣвицъ какой-то жеманной церемо-

ніяльности и наводитъ поску на опытнаго наблюдателя, привыкшаго въ столицахъ видѣть поржесиво вкуса и ловкости. Прибавимъ къ этому разговоръ вынужденный, неохотный, пощій мыслями и даже оспроуміемъ; спапуйное выраженіе лицъ, неподвижные, либо безсмысленно кочующіе взоры, однообразную, непріятную ужимку губъ; неразвязную походку... Горе, горе нашему брапу, копорый попадетъ на балъ или званый вечеръ сельскихъ помѣщиковъ, когда при помѣ еще запѣются панцы! Это не поржесиво, а сущая пыпка и конечное уничтоженіе для деревенскихъ барышень!

Скоро мнѣ представился случай повѣришь очными наблюденіями сіи размышленія. Тепка моей нареченной невѣсты и задушевная пріятельница моей пепушки, Стефанида Васильевна, вѣрояпно, сговорясь, съ кѣмъ надлежало, на женскомъ конгресѣ, вздумала созвать къ себѣ сосѣдей на обѣдъ и вечеринку съ панцами. Предлогомъ сего пирше-

спва былъ храмовой праздникъ въ ея приходѣ. Разумѣется, я былъ въ числѣ званыхъ, и можешь быть, избранныхъ. Нечего дѣлать! я отправился къ ней со всею семьей моего дяди, въ огромной линейкѣ, величиною съ Пепербургскій *олнибусъ* Впрочемъ, не ожидай отъ меня подробной картины сельскаго бала: прочти въ пятой главѣ *Онъгина* отъ 25 до 44-й страницъ — и повѣрь мнѣ на слово, что храмовой праздникъ въ домѣ будущей моей пепушки Стефаниды Васильевны, немногимъ описалъ отъ именинаго иира въ домѣ Ларинныхъ. Тутъ все было въ лицахъ:

Лай мосекъ, чмоканье дѣвицъ,
 Шумъ, хохотъ, давка у порога,
 Поклоны, шарканье гостей,
 Кормилицъ крикъ и плачь дѣшей . . .

Тутъ были и Буяновы съ усами, шпорами, въ карпузѣ съ козырькомъ, и уѣздные франтики Пѣпушковые, и пр. и пр. — всѣхъ не припомнишь. Не думай, чтобъ я, по слѣ-

дамъ нашего любимца-поэта, рѣшился себѣ рисовать карикашуру сельскаго бала: нѣтъ! оно почно такъ бываетъ, и почно такъ было у Стефаниды Васильевны. Сельскій балъ есть наспоющая выспавка обласпныхъ франповъ, или (назову ихъ именемъ, еще не увидшимъ въ провинціальномъ словарѣ) *петиметровъ*: здѣсь они оплачуются, елико возможно. Люди спепенные и неглупые здѣсь непоказны и незамѣпны: они скрыпно сидятъ по угламъ и разговариваютъ въ полголоса. Но пуспоголовые щеголи верпятся по комнатамъ, часпо съ припрыжкой, *навлиняются*, шумятъ и сполна выказываютъ всѣ свои мелкія препензіи на ловкостъ, любезностъ, умъ и пому подобное. Такъ именно было и здѣсь, и едва ли гдѣ бываетъ иначе, кромѣ нѣсколькихъ знапныхъ домовъ, поселившихся въ деревняхъ и умѣющихъ даватъ или поддерживать свой тонъ въ кругу пного общеспва, коимъ они, волей и не-

волей, должны были окружить себя, за нимѣніемъ лучшаго.

При моемъ появленіи, поднялся шепотъ между знакомыми и незнакомыми мнѣ лицами. Вслѣдъ за симъ посыпались опвсюду рекомендаціи смѣшно-разряженныхъ Францовъ и добрыхъ, почтенныхъ спаричковъ, имѣющихъ дѣла въ Пепербургѣ и воображающихъ, что Надворный Совѣтникъ и кавалеръ, служащій или служившій въ одномъ изъ Минисперспвѣ — Богъ вѣспѣ какое значительное и всевѣдущее лице въ Пепербургѣ! — Ты знаешь, что я опчаспи люблю позабавиться на счетъ ближняго: въ эпомъ грѣхѣ принесу я чиспосердечное и полное покаяніе, шогда какъ мнѣ спукнешъ за сорокъ лѣтъ. Какъ скоро выписанные изъ города музыканты заиграли Польской, я подошелъ къ будущей моей невѣспѣ, повелъ ее — и всѣ пары за мною. Я опперъ двери, ведущія въ садъ, и повелъ мою даму по аллеѣ изъ вишневыхъ деревьевъ — и всѣ пары за мною.

Не подумай, однако же, чшобъ эпо было въ пошьмахъ, или чшобы для эпого нужно было освѣщеніе: нѣпшь, мой другъ! балъ опкрылся въ шесть часовъ по полудни; а въ Іюль, пы знаешь, въ эпоу пору еще день на дворъ. Я шелъ нарочно шихо и завель съ моею дамой разговоръ по-Французски. И чшо же? вѣдь я жешпоко опгададь! Только — оці, или поп, едва выдохнушые изъ волнующейся груди и произнесенные робкимъ голосомъ, были мнѣ опвѣпомъ. Я провель Надежду Сергѣевну по всему саду, наговориль ей бездну шакъ называемыхъ *des jolis riens*, приводиль ее въ поминупное смущеніе, слушалъ ея молчаніе или односложные опвѣшы — и съ шѣмъ опшелъ ее въ комнашы. Тупъ-шо пошла шепопня между спарушками и молодыми, дамами и дѣвицами, даже между уѣздными франшами! Кажешся, всѣ рѣшили въ одинъ голосъ: бышь дѣлу шакъ! по крайней мѣрѣ эпо замѣшно было изъ лукаво-убѣжденныхъ взо-

ровъ, бросаемыхъ на меня и Надежду Сергѣевну, копорая попеременно блѣднѣла, краснѣла и смущалась больше и больше. Я смолчѣлъ на все собраніе съ довольнымъ, опчаспи насмѣшливымъ видомъ, *comme si je leur disais: vous êtes bien dupes, Messieurs, et vous serez bientôt penauds.* Сія насупапельная осанка подѣйствовала: всѣ снова поглядывали на меня, но послѣ уже не перешепывались.

Я подошелъ къ музыкантамъ и велѣлъ имъ играть Французскую кадриль. Они опрыли какую-то спаринную, *du temps du roi Dagobert* — и смычки завизжали. Я поднялъ Надежду Сергѣевну; боязливо и съ запинкой — она однако же пошла со мною. Нѣсколько самыхъ неуспираемыхъ франповъ пуспилось *ангежировать* дамъ — какъ они говоряпъ на спешномъ своемъ нарѣчїи; но изъ дѣвиць едва немногія, и по съ крайнею въ себѣ неувѣренностїю, опважились на сей подвигъ. Кадриль насилу наполнилась. Ахъ,

Александръ! для чего шебя со мною не было! какъ бы пы полюбовался мною, когда я прехладнокровно выпускалъ балешные прыжки въ эпой кадрили, и послѣ въ мазуркѣ! съ какимъ душевнымъ удовольспвіемъ подслушалъ бы пы звуки удивленія и воспорга, раздававшіеся вокругъ меня изъ толпы оповсюду сбѣжавшихся зрителей: « Чорпгъ знаепть! . . . чудо! . . . вопгъ лихо-шо! . . . вопгъ какъ должно шанцовапть! . . . » Наконецъ, какъ бы пы порадовался, глядя на обласпныхъ франпиковъ, когда они, спараясь подражапть моимъ прыжкамъ (коимъ, *par paranthèse*, придумывалъ я самыя запѣйливыя названія: *pas de chamois, pas de gazelle, pas de Bédouin*) — какъ эпи франпики, говорю, переплепали ногами, пупались и чупь не падали носомъ объ полъ! . . . Эпопгъ вечеръ былъ испинно моимъ. Желаніе порѣзвипсья и закрупипть головы уѣздныхъ любезниковъ, было для меня вдохновеніемъ. Я болпалъ по-Французски, говорилъ самыя вычурные компли-

меншы дамамъ, каршавилъ какъ *Французикъ изъ Бордо* — и доспигъ своей цѣли.

Между сею своенравною блажью, я однако же весьма приспально посмапривалъ на Надежду Бедринцову. Она, правда, по же изкоса на меня поглядывала; но робко, заспѣнчиво, и пошчасъ опводила глаза на спорону, какъ скоро они вспрѣчались съ моими. Въ ней не было ни искры одушевленія, и мечта моя погибла невозвратно. Вошъ *благовоспитанная* провинціалочка! пвердилъ я самъ себѣ: она мила шолько одна, глазъ на глазъ съ своею козочкой и заочно опъ маменьки, а еще больше, опъ поспороннихъ. Даже нарядъ ея, впрочемъ не имѣвшій въ себѣ ничего спраннаго или рѣзкаго, мнѣ не нравился. Эпо бѣлое плапъице, щепепко на дѣшное; эша запяжка, придающая непривычному къ ней пѣлу видъ Парижской модной куклы; эши варварскіе рукава à l'imbécille, окупывающіе, какъ мѣшки, плеча и руки, вѣрно круглыя и полныя; эшо *канъзу*, самая

невыгодная для спройнаго спана выдумка причудливой моды — все эпо казалось мнѣ докучнымъ саваномъ, въ который какъ будто бы завернуто было неодушевленное шѣло юной и прекрасной покойницы.

Короче: я былъ доволенъ и недоволенъ моимъ вечеромъ. Доволенъ собою, попому что дурачился и другихъ дурачилъ въ волю — и недоволенъ шѣмъ, что ни для ума, ни для воображенія, ни для чувспва моего не было здѣсь пици. Въ рѣчи провинціальныхъ помѣщиковъ я не вмѣшивался:

Ихъ разговоръ благоразумный

О сѣнокосѣ, о вицѣ,

О псарнѣ, о своей роднѣ,

грозилъ мнѣ совершеннымъ усыпленіемъ. Къ счастью, балы деревенскіе не по, что споличные: въ одиннадцать часовъ мы опужинали, а въ первомъ всѣ разъѣхались, кромѣ двухъ или трехъ дальнихъ семейспвъ, кои оспались ночевашь.

« Чшо, какова невѣспа? » спросила меня пепушка на другой день.

— Она пакова, какъ я ожидалъ: деревенская барышня, жеманная, заспѣнчивая — и полько! » опвѣчалъ я убійспвенно-рѣшипельнымъ пономъ.

« Охъ вы, свѣпскіе пересмѣшники! » возразила пепушка съ досадой. « Коли ужъ эпо не милая и не доспойная дѣвица, пакъ кого же вамъ надобно? Въ самомъ дѣлѣ Княженъ да Графинь, или Французскихъ вѣпрениць, чшо ли? »

— Ни пѣхъ, ни другихъ, а проспо дѣвушку, копорая не сидѣла бы, какъ испукань бездушный, или въ панцахъ, не выпрыгивала бы, какъ *марьонетка* въ кукольной комедіи. —

« Мы не видывали ни вашихъ *марьонетокъ*, ни кукольныхъ комедій. Вы ихъ знаете — вамъ и книги въ руки. Мы знаемъ полько то, чшо дѣвушка, у копорой десяпъ ппсыачъ наличнаго доходу, да впереди

еще сполько же ; дѣвушка, копорая и *не-елупа*, (замѣнь это выраженіе : пепушка не смѣла уже предо мною сказаць : умна), и хорошо воспипана, и пригожа, и рукодѣльна ну, словомъ, пакая дѣвушка, какъ Надежда Сергѣевна, хопь кому такъ невѣста. »

— Желая ей сыскаць себѣ достойнаго жениха. Чпо до меня, по, кажепся, меня должно вычеркнупь изъ списка. —

Тепушка промолчала и надулась, и мировая у насъ была заключена не прежде, какъ шогда, когда я согласился ѣхашь къ Бедринцовымъ, копорые звали обѣдаць дядю со всѣмъ его семейспвомъ — и съ *гостемъ*. У нихъ я снова вспрѣпился съ пріяпелемъ моимъ, Авдѣемъ Гавриловичемъ Кочевалкинымъ, но уже не въ образѣ *болотнаго мужика*, а во всемъ блескѣ сельскаго щеголя : въ пемно - сѣромъ фракѣ, яркопланшевыхъ панпалонахъ, песпромъ бархашномъ жилепѣ и черномъ шейномъ плапкѣ.

Онъ подошелъ ко мнѣ, какъ старый знакомецъ, съ разпроспертыми объятіями, и шепотомъ просилъ меня не намекашь о недавней его *пригиль* (какъ онъ изъяснялся), прибавивъ, что онъ упросилъ и Надежду Сергѣевну молчать о встрѣчѣ въ роцѣ. Обѣдъ продолжался довольно чинно и безмолвно; но здѣсь Надежда Сергѣевна обращалась со мною уже гораздо свободнѣе, нежели у своей тещки. Послѣ стола я просилъ ее показашъ мнѣ садъ; она согласилась, но взяла съ собою кузину Вариньку и другихъ дѣшей моего дяди. Я умышленно началъ ребячиться: бѣгашь съ дѣшьями, болшашъ, и между шѣмъ заводилъ съ Надеждою Сергѣевной шушлявый разговоръ, чтообы какъ нибудь сблизилъ съ нею и приобрѣсшь ея довѣріе. Я напоминалъ ей анекдоты объ уѣздныхъ франшахъ, видѣнныхъ нами на балѣ у Стефаниды Васильевны, передразнивалъ ихъ коверканье, ихъ неловкіе скачки, и признался, что я нарочно выдумывалъ небыва-

лыя *па* и самыя запѣйливыя фигуры, чпо бы привеспи ихъ въ искушеніе и сбить совѣмъ съ полку. Она смѣялась опъ души, сказала, чпо еще погда опгадала мое намѣреніе — и разговоръ нашъ оживился, пошелъ веселѣе и веселѣе, и наконецъ дошелъ до нѣкопоруой спепени опкровенности. Онъ былъ прерванъ самымъ забавнымъ явленіемъ. *Болотный мой мужичокъ*, пыхпя и шагая исполинскими своими шагами, спѣшилъ къ намъ и бросалъ на насъ недоувѣрчивыя взгляды, въ копорыхъ ясно опсвѣчивались подозрѣніе и зависть. Я попчасть догадался, чпо это значило.

« Вы здѣсь прохаживаетесь, сударыня, Надежда Сергѣевна! » сказалъ Авдѣй Гавриловичъ, подошедъ къ намъ. « Конечно-съ, » продолжалъ онъ, придавая словамъ своимъ какую-то глупую значительность: « погода разпрекрасная-съ, а садъ такой большой, такой славной-съ. »

— « У всякаго свой вкусъ, Авдѣй Гавриловичъ; » опивѣчала она съ замѣпнымъ неудовольспвіемъ, можепъ быпъ опъ того, что сей проспакъ перебилъ разговоръ, болѣе для нея занимательный. « Если бъ я была на вашемъ мѣспѣ — примолвила она веселѣе прежняго — то, можепъ быпъ, выбрала бы себѣ для прогулки какое нибудь поле, либо топкое болопо. . . . » Проговоривъ эти слова, она бросила на Авдѣя пайкой взглядъ, что какъ ни проспъ мой *болотный мужикокъ*, однако понялъ ея намѣреніе и топчасъ закусилъ себѣ языкъ. Мы пошли далѣе; онъ опъ насъ не опспавалъ. Я началъ говорить съ Надеждою Сергѣевной по-Французски; Авдѣй Гавриловичъ, который, кромѣ провинціального своего Русскаго нарѣчія, не грѣшенъ ни въ одномъ языкѣ живомъ или мершвомъ — молча глопалъ свою досаду. Надежда Сергѣевна спановилась часъ опъ часу развязнѣе, часъ опъ часу милѣе. — Что еще сказашъ тебѣ? Я былъ очарованъ

ею; замѣпилъ въ ней искры оригинальнаго, опчаспи колкаго ума, замѣпилъ въ ней чувствительность неприпворную, и еще одно свойство, котораго давно ищю я въ женщинахъ: неподдѣльную опкровенность, легко пробуждаемую шѣмъ, къ кому начинаептъ она нишапъ довѣріе. Прибавъ къ этому веселый нравъ, живое воображеніе, какое-то увлекапельное, дѣпское добродушіе въ рѣчахъ; прибавъ къ этому невысокой, но спройный спанъ, прекрасныя черпы лица, пріапную улыбку, большіе черныя глаза съ одушевленнымъ, выразипельнымъ взоромъ... Не довольно ли было всего этого, чшобы вскружипъ мнѣ голову?

Рѣшено: я женюсь на ней! но неужели мнѣ поддапсъ волѣ дядюшекъ и пешушекъ, женипсъ пакъ, какъ женяпсъ Иванъ и Яковъ и всѣ имена провинціального списка?.... Нѣптъ, это было бы очень скучно! Церемонное сваповство, безконечныя переговоры о приданомъ, условія объ опношеніяхъ къ

тому или другому изъ родни; далѣе: свадебные обѣды, пиры, визиты — какой неизощримый запасъ скуки и принужденія! Надобно взяшься за умъ и успроишь все по-своему.

Знакомство мое съ домомъ Бедринцовыхъ связывалось пѣснѣе со дня на день. Я часто уходилъ опть дяди рано по утру, въ щеголеватомъ моемъ охотничьемъ плащѣ, съ ружьемъ на плечѣ и съ вѣрнымъ моимъ спутникомъ, Мельмопомъ. Не думая ни о дичи, ни о лугахъ и болопахъ, я опсправлялся ближайшими пропинками прямо въ Жижморово, иногда прямо въ садъ Сергѣя Тихоновича, и всегда заспавалъ шамъ Надежду, въ сиреновой бесѣдкѣ, за рукодѣльемъ или съ книгой. Я еще не намекалъ ей о любви; но мы, безъ объясненій, понимали уже другъ друга. Однажды, шупя, навелъ я разговоръ на *болотнаго мужика* и сказалъ Надеждѣ, что, кажется, онъ влюбленъ въ нее. Она усмѣхнулась; но не показывала никакого

смущенія. Тупъ я началъ осприпъся на счепъ эпого забавнаго въздыхашеля; но Надежда Сергѣевна не опвѣчала на мои шупки и, принявъ на себя видъ просподушно-спенный, сказала кропкимъ голосомъ: «Мнѣ кажешся, грѣхъ шушпшъ надъ чувспвомъ даже пакого человѣка, въ пользу копораго ничпо не говорипъ: ни умъ, ни воспипаніе. Чувспво дѣло невольное; за чпо же дѣлапъ посмѣшищемъ пого, кпо, по проспопѣ своей, не умѣешъ его ни выразипъ, ни ушацпъ? Онъ жалокъ, а не смѣшонъ.»

Я поцѣловалъ руку милой моей собесѣдницы. Разговоръ, начашой мною опчаспи съ коварнымъ намѣреніемъ, вскорѣ преврапился въ пламенное изліяніе души. Между нами все еще не было ни слова о любви; но уже Надеждѣ не оставалось болѣе никакого сомнѣнія въ моихъ къ ней чувспвованіяхъ; и съ моей спороны, въ ея взорахъ, въ голосѣ, въ самомъ волненіи ея груди чипалъ

я лестное для меня убѣжденіе: она любитъ — и любитъ меня!

Спустя нѣсколько дней, шелъ я въ Жижморово знакомыми пропинками; уже я пробирался рощею, какъ услышалъ позади себя шорохъ тяжелой походки. Я оглянулся — и въ двухъ шагахъ опъ себя увидѣлъ Авдѣя Гавриловича. Замѣтно было, что онъ догонялъ меня. На плечѣ у него лежало огромное ружье, не меньше семипядной пищали сподвижниковъ Богдана Хмельницкаго. «Желаю здравствовать!» сказалъ мой чудакъ, поровнявшись со мною. «Куда Богъ несетъ? Ну, да, правда, нечего и спрашивать: къ Сергѣю Тихоновичу, или, еще вѣрнѣе, къ Надеждѣ Сергѣевнѣ, — въ добрый часъ молвить, въ худой помолчать!»

Мнѣ не понравились ни неумѣстные допросы и догадки, ни голосъ моего звѣровиднаго Нимрода. Я отвѣчалъ сухо: «Иду, куда мнѣ вздумается. Вѣрно вамъ меньше всѣхъ обязанъ я опдавать въ эпомъ опчешъ!»

Съ сими словами, я пошелъ было далѣе. — «Поспойте!» проговорилъ онъ, схватя меня за руку съ явнымъ смятеніемъ, выражавшимся въ его голосъ, взглядъ и невольномъ пререптѣ руки. «Погодите на минуточку, бапюшка Левъ Констанпиновичъ! Я.... Мнѣ бы хопѣлось перемолвить съ вами... Дѣло шакое, какъ покойникъ мой бапюшка говаривалъ — *казусное*.... чпо испинно, не знаю, съ чѣго и начашь.... Ну, да ужь коли на по пошло! Я, грѣшнѣйшій человекъ, каюсь, хопѣлъ было васъ подспрѣлить изъ эшого ружья....»

— «Вы? меня заспрѣлить?» вскрикнулъ я, громко засмѣявшись. «Помилуйте, любезнѣйшій Авдѣй Гавриловичъ! я никакъ не ждалъ бы опъ васъ шакого душегубснва.» —

«Да, шакъ: видно Богъ сохранилъ и васъ и меня опъ напаси. Три дня ждалъ я васъ на помъ болоптѣ, чпо, знаете....»

— «И могли бы при года ждашь понапрасну: я шуда больше не хожу....»

«А вопшь сего дня ждалъ и въ рощѣ,» подхвапилъ онъ. «Сижу здѣсь съ позаранку. Да пакая тоска напала, чпо хопшь самому въ воду. Смотрю: вы идете — у меня и совсѣмъ руки опустились.»

— «Да за чпо же въ васъ поселилась пакая ненависнь ко мнѣ? Кажешся, я вамъ худа не желалъ и не сдѣлалъ.» —

«А вопшь видите, бапюшка: вы учащаете къ Сергѣю Тихоновичу и Пелагеѣ Михайловнѣ, а пуще всего, я не разъ подглядывалъ, какъ вы глазъ на глазъ ходите по саду, либо сидите въ бесѣдкѣ, съ Надеждою Сергѣевной»

— «Только-по?» перервалъ я со смѣхомъ.

«А развѣ эпого мало?» подхвапилъ мой чудакъ съ необыкновеннымъ жаромъ, котораго бы я въ немъ и не подозрѣвалъ. «Скажу вамъ, бапюшка, чпо вопшь ужъ года полпора, какъ я сплю и вижу, чпобъ женишься на Надеждѣ Сергѣевнѣ; и нынче полько ждалъ Покрова, чпо бы заслапъ

сваповъ къ ея родителемъ Да на бѣду мою, шупъ вы подвернулись.»

— «Такъ вы не на шупку влюблены въ вашу пригожую сосѣдку? —»

«Да шакъ, бапюшка, чпо испинно говорю, хопъ опъ хлѣба опспунишься. Ни день, ни ночь покоя не вижу: все она въ глазахъ мерещиься.»

— «А любишь ли она васъ? —»

«Ну, Богъ вѣсть! Лишь бы согласилась идти со мною подъ честной вѣнецъ; а шамъ — поживеься, слюбиься!»

— «Послушайше, любезный Авдѣй Гавриловичъ!» сказалъ я, перемѣнивъ шупливый тонъ на важный: «я вамъ скажу чистосердечно, чпо ни Надежда Сергѣевна вамъ не невѣспа, ни вы ей не женихъ. —»

«А почему жъ бы шакъ?»

— «Попшому, чпо она дѣвица образованная, напишавшаяся изъ книгъ шакими поняшями, копорья вовсе вамъ незнакомы; она желаешъ найши въ будущемъ своемъ

мужъ равнаго себѣ по воспитанію и понятіямъ, человѣка, который ввелъ бы ее въ свѣтъ, и съ которымъ ей не стыдно было показаться въ свѣтъ. Положимъ, что ее выдали бы за васъ; но она не спала бы васъ любя, смотрѣла бы на васъ косо, даже съ пренебреженіемъ; ни одной добровольной ласки вы не могли бы получить отъ нея.... А что за ласки, которыя должно брать съ бою? —»

«Охъ! правда....»

— «Слушайте далѣе. Вы сами согласитесь, что она васъ умнѣе. Представьте же себѣ, какова была бы жизнь ея и ваша, когда ни по уму, ни по привычкамъ, ни по воспитанію, вы не могли бы сказать двухъ словъ въ ладъ съ своей женою? Вы приходите домой съ охоты: жена ваша сидитъ въ углу и хмурится; вечеромъ она молчитъ, вы также, потому что вамъ не о чемъ говорить съ нею; оба вы зѣваете и не знаете, куда дѣваться отъ скуки. Ваше общество

ей не по нраву; ея общеспво, если бъ она могла выбрапъ его по своимъ мыслямъ, по же было бы для васъ ппгоспно: шамъ говорили бы о пакихъ предмепахъ, копорые вамъ непонянны. Словомъ: вы, мужъ и жена, были бы совершенно, какъ чужіе другъ другу. — »

« Правда, правда, бапюшка! » сказалъ Авдѣй Гавриловичъ, съ ппжелымъ вздохомъ.

— « Скажу вамъ еще болѣе: мнѣ извѣспно, что ни родипели, ни родспвенники Надежды Сергѣевны ни за что не выдали бъ ее за васъ; объ ней самой и говоришь нечего: она ищепъ мужа по себѣ. Во всемъ эпомъ могу васъ увѣришь моею совѣспью; мнѣ не разъ случалось эпо слышашъ опъ нихъ сампхъ. — »

« Экая припча! вопъ объ эпомъ-по я сперва и не подумалъ »

— « Я все высказалъ, чтообы предосперечь васъ опъ поздняго раскаянія, » продолжалъ я, смопря ему прямо въ глаза.

«Теперь, не хошите ли? мы пойдѣмъ вмѣспѣ въ самую чащу эпого лѣса, — ну, словомъ, шуда, куда почпи никшо не заглядываспѣ: я спану у дерева, а вы приспавыше мое ружье къ моей груди, или къ сердцу, и выспрѣлише Никшо не услышипѣ выспрѣла, никшо не увидипѣ убійства, и если со временемъ опыщупѣ мое тѣло, по подумаюпѣ, чпо я самъ заспрѣлился по неоспорожности. — »

«Чпо вы эпо, бапюшка!» вскрикнулъ онѣ, задрожавъ всѣмъ тѣломъ и уронивъ свое ружье; лице его спало блѣднѣе полошна. «Чпобѣ я принялъ спакон грѣхъ на душу! И надѣ къмѣ? надѣ моимъ благодѣтелемъ, копорый вызволилъ меня опѣ напрасной смерпи! И изъ-за чего? изъ суцихъ пуспяковъ, изъ небывальщины, изъ-за спакон невѣспы, копорой бы мнѣ не видашь, какъ ушей своихъ! Сами же вы, опець мой, спасибо, меня надоумили. »

— « Да вѣдь вы хопѣли же меня заспрѣ-
лишь? — »

« Ну, винюсь, бапюшка: попушалъ было
лукавый; да видно, Богъ моимъ грѣхамъ
перпишъ и не попустилъ на злое дѣло. »

Я шого только и ждалъ. « Точно шакъ,
любезный Авдѣй Гавриловичъ, » сказалъ я
моему кающемуся убійцѣ: « грѣхъ былъ бы
пяжкой, а пользы для васъ опъ него не
было бъ; не лучше ли жить намъ въ миру,
нежели ссориться, какъ вы говорите, изъ
небывальщины? Знаете ли чпо? добрый
миръ не бываетъ безъ взаимныхъ услугъ и
подарковъ; вы жалѣли недавно о своемъ Лаза-
риновомъ ружьѣ: вопъ вамъ мое Кухенрей-
перское: въ Пешербургѣ знапоки цѣнили
его очень дорого; но мнѣ оно шеперь не
нужно, а продавать его я не намѣренъ; лучше
подарить доброму пріяшело... »

— Какъ же это, бапюшка? да вѣдь вашъ
Семень сказывалъ мнѣ, чпо за это ружье
вамъ давали шессть сотъ рублей, и вы не

взяли. Воля ваша, за что мнѣ принять шаккой дорогой подарокъ. —

« Возьмите, если хопите меня одолжитъ. Я ужь вамъ сказалъ, что не продаю его, а оно мнѣ не нужно. Въ вашихъ рукахъ оно лучше будетъ выполнятъ свое дѣло, чѣмъ у меня, вися на крючкѣ. »

Лице моего Авдѣя прояснилось и ослабилось, по возможности, самую пріятною улыбкой. Онъ принялъ опть меня ружье и благодарилъ меня, какъ будто Богъ знаетъ за какое благодѣяніе. « Чѣмъ могу вамъ опслужитъ, мой милоспивецъ, за все ваше ко мнѣ доброжелательство? »

— А вопть чѣмъ: въ попть день, копорый я назначу, соберите у себя человѣка при-чепыре вашихъ пріятелей, изъ дворянъ здѣшняго околоска, и ждите опть меня вѣспи Я скажу, что вамъ дѣлашь.

« Гоповъ за васъ на жизнь и на смерть, милоспивецъ. И какъ не служитъ вамъ вѣрой и правдою? у меня бродили пропивъ васъ

такія шальныя мысли; а вы не только не гнѣваешесь, да еще хопите мнѣ добра, и дарите меня такимъ дорогимъ ружьемъ, какого мнѣ и во снѣ не снилось!»

Мы распались. Я пошелъ къ Бедринцовымъ, а онъ, обременяясь двойною ношей, пустился бродить по лугамъ и болопамъ.

Я позабылъ себѣ сказать, что кромѣ родителей моей невѣсты, всѣ въ домѣ меня полюбили: старый учитель музыки, Виршембергецъ, и гувернантка Надежды, Швейцарка изъ Лозанны, сороколѣпная щеголиха и говорунья — опгъ меня безъ памяти. Съ первымъ говорю я о берегахъ Некара, о Шпунгарпфъ и его Anlage, о Гейслингенской долинѣ; съ другою — о прелестяхъ Швейцарии, о Женевскомъ озерѣ, о Лозанинѣ и ея окрестностяхъ. Мѣстные свѣдѣнія и знакомства помогающъ мнѣ въ этомъ случаѣ такъ, что я каждого изъ моихъ чужеземныхъ собесѣдниковъ переношу воображеніемъ на его родину.

Пріязнъ ко мнѣ Madame Frédon (имя Швейцарки) и ея опкровенность — а можетъ быть и просто, болшлivosть — до того проспираюся, что она, безъ всякихъ съ моею спороны разспросовъ, часто пересказываетъ мнѣ все, что дѣлалось и говорилось въ моемъ опсущствіи. Такимъ образомъ она мнѣ опкрыла, между разговорами, когда Надежды не было съ нами, что опецъ и машь моею невѣспы, во время какого-то молебна въ ихъ домѣ, уже говорили съ священникомъ о близкой свадьбѣ ихъ дочери, и наименовали меня будущимъ своимъ зятемъ. Это подало мнѣ мысль сыграть шушку съ ними и съ хлопопливую моею пепушкой. Я молчалъ, какъ будто ничего не зная; опспранялъ всякіе намеки о формальномъ сваповспвѣ, ходилъ и ѣздилъ въ домъ Бедринцовыхъ запросто, но все еще не въ качеспвѣ записнаго жениха. Такіе поступки мои приводили въ крайнее недоумѣніе спариковъ Бедринцовыхъ, и всю родню ихъ и

мою. Чшо касается до Надежды, она, кажешся, всего ожидала опть времени и опть власни, копорую видимо приобрѣпала въ моемъ сердцѣ, и копорая не могла упайшьяся опть взоровъ смѣпливой дѣвушки.

Наспаль день ея имянинъ (17-го Сентября). Насъ позвали къ Бедринцовымъ на семейный обѣдъ. Здѣсь мы заспали почти всю ихъ родню, но никого изъ поспороннихъ. Казалось, всѣ къ чему-шо гоповились. Послѣ обѣда я завелъ какой-шо незначительный разговоръ съ Надеждой; насъ, какъ нарочно, всѣ оставили вдвоемъ. Когда заблаговѣспили къ вечернѣ, я сказалъ Надеждѣ: «Сегодня ваши имянины, и на васъ никпо не можешъ сердиться, чшобы круглый годъ вамъ не видѣшь никакого огорченія. Согласишесь на одну шупку, копорою вѣрно родные ваши не будутъ недовольны. Дѣлайте только безопговорочно шо, чему я буду подавать примѣръ.» Она усмѣхнулась и въ знакъ согласія подала мнѣ руку. Мы пошли вмѣспѣ

въ шу комнашу, гдѣ сидѣли ея и мои родные. Я подвелъ Надежду къ ея бабушкѣ и съ шупливой важностію просилъ ее благословить насъ на бракъ. Надежда смѣшалась; спарушка удивилась, однако же благословила насъ. То же самое и такимъ же пономъ повпорилъ я, подводя по порядку невѣсту мою къ ея родителемъ, и къ моимъ дядѣ и шешкѣ, копорыхъ просилъ заспушить для меня мѣсто опца и мапери. Опказа ни опъ кого не было, но всѣ удивлялись, поглядывали на насъ опчаспи недовѣрчиво, а Надежда измѣнялась въ лицѣ и дрожала. Послѣ сего обряда, я сказалъ Надеждѣ: «Теперь мы можемъ идпи — прогуляться;» накинулъ на нее шаль, подалъ ей руку и повелъ ее въ садъ. Никпо за нами не слѣдовалъ, ибо шакія наши одинокія прогулки были не въ диковинку. Я опперъ наружную садовую калишку и повелъ мою спунницу по селенію, мимо церкви. «Зайдемъ въ церковь и опслушаемъ вечер-

ню, » сказалъ я Надеждѣ; она безмолвно согласилась, но рука ея дрожала въ моей. Въ церкви нашелъ я чепырехъ пріятелей моего *болотнаго мужика*, съ упра мною предувѣдомленнаго; но самъ онъ не явился. Я оставилъ препепную дѣвушку, начинавшую нѣчто подозрѣвать, среди церкви, а самъ отправился въ Алшарь. Тамъ, всею силою логики, рипорики и другихъ вспомогательныхъ средствъ, убѣдилъ я священника, знавшаго, впрочемъ, что намѣреніе мое не было пропивно родителемъ Надежды. Погодя немного, дьячокъ вызвалъ по одиначкѣ чепырехъ дворянчиковъ — и все было гоново. Вечерня между пѣмъ кончилась. Я подошелъ къ Надеждѣ и объявилъ ей, что намъ теперь же должно обвѣнчаться, чтобъ избавить родителей ея отъ лишнихъ хлопотъ, а меня отъ докучныхъ обязанностей. Сначала она было вспыхнула; но прочитавъ въ глазахъ моихъ пвердое намѣреніе, чувствуя спранныость своего положенія, боясь

непріятной огласки и, можешть бышь, разрыва со мною, — согласилась исполнить мое желаніе. Мы спали передъ налоемъ. Двое изъ помянутыхъ мною дворянчиковъ держали надъ нами вѣнцы. Невѣсна моя дрожала, какъ листокъ розы, и плакала. Обрядъ кончился. Я поцѣловаль мою супругу, поблагодарилъ священника и свидѣтелей и повелъ Надежду въ домъ ея опца. Насъ ждали шамъ съ какою-то подозрительною неперпѣливоспью. Вошедъ въ комнату, мы бросились въ ноги ея опцу, матери и бабушкѣ. Все собраніе опкликнулось единогласнымъ: «Ахъ, Боже мой!» Но шупъ я началъ орапорспвовашъ, увлекъ моимъ краснорѣчіемъ всю родню и шоржешвенно, какъ Цицеронъ, сошелъ съ изменной моей прибуны. Насъ снова благословили, мы снова поцѣловались — и родешвенный пиръ зашумѣлъ!

Вопъ уже двѣ недѣли, какъ я живу въ домѣ моего шеспя. Въ женѣ моей каждый

день нахожу новыя приманки, новыя совершенства; и если это продолжится цѣлый годъ, то надѣюсь обогатить Рускій словарь такими именами достоинствъ прекрасной и милой женщины, что вѣрно получу медаль за услуги, оказанныя опечетвенному Слову.

Твой вѣрный другъ, и пр.

Нечаянно попались мнѣ сіи два письма Льва Конспанпиновича . . . фамилія не знаю, ибо подъ обоими было подписано просто: Léon. Я не спарался въ нихъ исправлять слога, опчаспи небрежнаго, ни замѣняять Рускимъ переводомъ Французскихъ вспавокъ, коими они изпецтрены. Подобной переписки нашихъ свѣтскихъ молодыхъ людей, пишущихъ нерѣдко шакъ, какъ они говорятъ, ш. е. по Руски пополамъ съ Французскимъ, могъ бы я набрать цѣлые сто помовъ. Не знаю и не ручаюсь, было ли бы чпеніе сей переписки

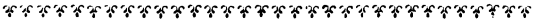
пріятно или полезно. Эпи два письма издаю въ свѣтъ пошому, что они заключаютъ въ себѣ если не занимательное, то по крайней мѣрѣ полное происшествіе. (*)

О. Соловъ.

(*) Надѣмся, что читатели, вопреки мнѣнію *Г-на Солова*, найдутъ сіи письма и полезными и занимательными. Вѣрно всякій любитель Русскаго Слова желаетъ, чтобы два такихъ *хозяина* языка, какъ *Издатель Повестей Бѣлкина* и *Орестъ Михайловичъ Соловъ*, продолжали учить насъ легкому, разговорному слогу, котораго не имѣемъ.

(Изд:)

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ВОСКРЕСНОЕ УТРО ВЪ ДЕРЕВНѢ.

Слушай, дружокъ! (говоришь Воскресенью Суббота)
деревня

Вся ужъ заснула давно; въ окрестности все ужъ
покойно;

Время и мнѣ на покой: меня одолѣла дремота;

Полночь близко!... И только успѣла Суббота
промолвить:

« Полночь! » а полночь ужъ тушь и ее принимаетъ
безмолвно

Въ тихое лоно. Моя черед! говоришь Воскре-
сенье;

Легкой рукою, шихохонько двери свои отворило,

Вышло и смотришь на звѣзды: звѣзды ярко сіл-
юшъ;

На небѣ темно и чисто; у солнышка завѣсъ за-
дернуть.

Долго еще до разсвѣта; все спишь; иногда повѣ-
ваешь

Свѣжій ночной вѣперокъ, сквозь сонъ вспрепенув-
шись, какъ будто

Утра далекій приходъ боясь пропустишь; невид-
имкой

Ходишь, какъ духъ безшѣлесный, неслышной спо-
пой Воскресенье.

Въ рощу заглянешь — шумъ тихо; листья мол-
чатъ; сквозь вершины

Темныхъ деревь, какъ безчисленны очи, звѣздочки
смотрятъ;

Бое-гдѣ яркій свѣшлякъ на листочкѣ горитъ,
какъ лампада

Въ кельѣ отшельника. По лугу тихо пройдешь —
шумъ незримый

Шепчешь ручей, пробираясь по камнямъ; кругомъ
вся окрестность,

Холмы, деревья въ невѣрныя тѣни сдвинулись, — и
молча

Слушаешь шопотъ. Зайдешь на кладбище — мо-
гилы въ глубокомъ

Снѣ, и подѣ легкимъ пхѣ дерномъ, какъ будто
 что дышетъ свободнымъ,
 Свѣжимъ дыханьемъ. Въ село завернешь — и шамъ
 все покойно ;

Пусто на улицѣ; сплшъ пѣшухи, и сельская цер-
 ковь

Съ темной своей колокольней, внутри озаренная
 слабымъ

Блескомъ свѣчи предъ Иконой, спопшъ какъ будто
 безмолвный

Спорожъ деревни... Спокойно на паперши свѣъ,
 Воскресенье

Идетъ посреди глубока я пмы и молчанья, чтобъ
 упрѣ

На небѣ пронулось... Тронулось упрѣ; въ шуму
 и молчанье

Что-то живое проникло; спало свѣжѣе, и звѣзды

Начали тускнущъ... пѣшухъ закричалъ. Воскре-
 сенье шихонько

Подняло занавѣсъ спящаго солнца, шихонько ше-
 нуло :

« Солнышко, всань! »... И разомъ подернулася
 блѣдной спруёю

Темный воспокъ; началось шамъ движенье, и слѣ-
домъ за яркой

Утренней звѣздочкой, рой облаковъ прилепѣлъ и
усыпалъ

Небо, и лучъ за лучемъ выбѣгалъ, облака зажи-
гая

Вдругъ между ними, какъ радостный ангель,
солнце явилось.

Вся деревня проснулась, и видяшъ: споншъ Во-
скресенье

Въ свѣжемъ вѣнкѣ изъ цвѣшовъ и, сіяя на солнцѣ,

«Доброе утро!» всѣмъ говоришъ. И торжественно-
шихій

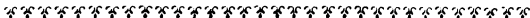
Праздникъ приходишъ на смѣну заболливо-труд-
ной недѣли;

Благовѣшъ звонкій въ церковь зовешъ — и въ
одеждѣ Воскресной

Старый и малый идущъ на молишву Въ де-
ревнѣ молчанье;

Въ церкви дымяшя кадилы, и тихое слышшя
пѣнье.

В. Жуковскій.

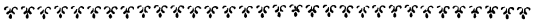
СМЕРТЬ НА ЧУЖБИНѢ.

Бого положили шухъ въ землю сырую?
 Надъ кѣмъ эши вѣшви связали крестомъ?
 Жилыя шухъ не видно, — могилу другую
 Очами далеко не встрѣшишь кругомъ.
 Здѣсь умеръ прохожій, не здѣшняго края;
 Двойной оцъ окончилъ нечаянно шухъ!
 Никшо не заплакалъ но вѣмъ намъ родная
 Земля и пришельцу отверзнула грудь!

Давно позабыли о бѣдномъ чужіе,
 Межъ шѣмъ, какъ далеко, въ предѣлѣ шномъ —
 Быть можешъ — подруга, друзья и родные
 Ждушъ милаго гостя, ждушъ вѣсти о немъ
 Узнаюшъ когда-шо и слезы польюшся —
 Но къ милому праху слеза не прильнешъ!
 Бъ могилѣ ихъ вздохи по вѣпру пошлюшся,
 Но вѣпръ охладитъ ихъ, пока донесешъ!

Пусть спишь одинокій! ему на чужбинѣ
Сонъ не былъ бы миренъ средь общихъ гробовъ,
Гдѣ сестры о бранѣ, гдѣ мать о сынѣ,
Гдѣ плачущая дѣши надъ прахомъ опцовъ!
Къ могилѣ жь пустынной — семьёю цвѣщущей —
Фіалки пѣсняся подъ пѣнью вѣшвей,
И райскую пѣсню о жизни грядущей
Надъ нею, что вечеръ, поешь соловей.

А. Подолинскій.

Т А Д М О Р Ъ.

Ты видѣлъ ли, пупникъ, пусынный Тадморъ,
Разбѣшыми дивный столбами?

И солнцева храма заглошій припворъ?

Его обвѣваютъ песками

Пусынные вѣтры; онъ бѣлъ на степяхъ,
Какъ бѣлыя кости въ разрытыхъ гробахъ.

Ты знаешь ли, пупникъ, кто создалъ Тадморъ?

Смотри: на гнѣдой кобылицѣ

Арабъ! онъ шепей оживляетъ обзоръ,

Ширя въ нихъ лепомъ орлицы.

Скажи ему: Миръ тебѣ, другъ Бедуинъ!

Повѣдай! кто создалъ владыку пусынь?

« Гяуръ! его создалъ нашъ Царь Соломонъ,

А дикое время разбило!

На западъ знаютъ ли, кто Соломонъ?

Ему вся исподняя сила

Служила рабами — и дивнымъ жезломъ

Водилъ онъ шрепещущій демоновъ сонмъ.

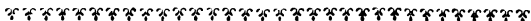
« Онъ пляжкой работою всю жизнь ихъ каралъ:

Одни Аравійское злато,
 Другіе изъ моря жемчугъ и кораллы
 Носили безъ мѣры и плаши;
 Иными онъ кедры Ливана возилъ,
 Другихъ обелисками Нила шомилъ.

« И такъ его демоновъ сонмъ препешалъ,
 Что долго по смерти Царёвой,
 Когда ужъ онъ мершвый предъ нами сподлъ,
 На жезлъ опершился кедровой,
 Надъ коимъ прямой его шрупъ онѣмѣлъ —
 Никшо ему въ очи взглянушь не посмѣлъ!

« Годъ лишній работалъ на мершваго сонмъ,
 Доколѣ жезла не сглодали
 Могильные черви — и палъ Соломонъ —
 И демоны мигомъ пропали!
 Гяуръ! вошь что слышалъ я въ мракѣ почей,
 У спящихъ верблюдовъ, въ просторѣ спеней! »

Олегъ.

РУССКІЙ СОЛОВЕЙ ВЪ РИМѢ.

(Въ Альбомъ М. А. В-ой.)

« Лавры, шополы гусшыя!
Кто теперь у нашихъ водъ
Пѣсни повья, живыя
Гармоническы поешъ?
Какъ полны любовной муки,
Опзываются въ струяхъ!
То невѣдомые звуки
На полуденныхъ брегахъ!

« Часто я, забывшись въ бѣгѣ,
Въ морѣ волнъ не шороплю,
И покоясь въ звучной нѣгѣ,
Ихъ дослушивашь люблю.

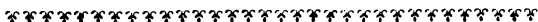
Много пѣсень, голосистой,
 Распѣваете мой народъ,
 Сей же пѣсни звонкой, чистой
 Не слышатъ у нашихъ водъ.»

Лавры, попопн, гусыми
 Сѣньми къ Гибру наклонясь,
 Шепчуть лисьями живыми,
 Въ спрун желшья глядясь:
 « Древній праотцевъ поишель!
 Съ хладныхъ, сѣверныхъ степей
 Въ изумрудную обншель
 Къ намъ принесся соловей.

« Заунывный, шихой, пѣжный,
 Чувствомъ звукъ его дрожишь;
 Голосъ, правильно небрежный,
 Чистымъ золопомъ звенишь.
 Въ пѣсни Русской, въ пѣсни томной
 Выливаетъ душу онъ,
 Душу, любящую скромно,
 Душу пѣжныхъ Русскихъ женъ!»

Ти́брь и шумная дуброва
Сочепали дружный гласъ:
« Соловей Россійскій, слава!
Пой намъ пѣсни, радуй насъ
На парѣчьи свѣжемъ, новомъ!
Счастье будь твоей Римскій другъ,
И тебѣ привѣтнымъ словомъ
Ошвѣчай на каждый звукъ. »

С. Ш.

С Ч А С Т И Е.

Что счастье? пышный и нежный цвѣтъ розы,
 Едва развернувшій пучекъ свой съ зарей:
 Листы облетѣли, лишь дуновъ борей —
 И счастье минуло, и льются ужъ слезы!

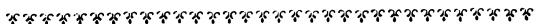
Что счастье? въ полѣ зланный мотылекъ:
 То къ розѣ душистой, то къ ландышу вьется;
 Но вошь покачнулся едва шебелекъ,
 Вспорхнулъ онъ, лешинъ — и ужъ вновь невернется!

Что счастье? свѣтлый въ поляхъ ручеекъ:
 Сорвется ли камушекъ съ берега, свалится —
 И потчасъ шускнѣетъ криспальный пошокъ:
 Такъ счастье не рѣдко и словомъ мунится!

Что счастье? осеняго солнца румяный,
Скользкій по своду небесному, лучъ:
Но мигъ лишь единый освѣпишь поляны,
И вновь покрываешься мраками шуть!

Ахъ! счастье, — какъ дѣва спыдливая горъ,
Какъ сладостный звукъ соловьиного пѣнья,
Какъ первой любви упоительный взоръ, —
Быспрѣй исчезаешь, чѣмъ ушра видѣнья!

П. Манасеинъ.

Т Ё К Л А.

(Голосъ духа.)

(Изъ Шиллера.)

Я куда полетѣть свой усредила,
 Какъ оиъ міра тѣнью ошошла?
 Жребій свой я развѣ не свершила,
 Развѣ не любила и жила?

Ты не спросишь, гдѣ пѣвецъ дубровный,
 Чьимъ напѣвомъ былъ ты восхищенъ!
 Въ дни весны пѣвалъ оиъ гимнъ любовный —
 Дни любви прошли, пропалъ и оиъ!

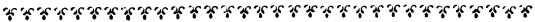
Тамъ я друга милаго нашла ли?
 Я нашла — и назвала моимъ,
 Тамъ, гдѣ нѣтъ слезы и нѣтъ печали...
 Вѣрь мнѣ: памъ я неразлучна съ нимъ!

Тамъ найдешъ насъ, кто въ юдоли любитъ
 Нашей спрасью — чиншой и свяшой!
 Тамъ людей убійство не погубитъ,
 Тамъ безгрѣшенъ и родичель мой!

Онъ носпигъ свяное правды слово,
 Ясный взоръ возведши ко звѣздамъ:
 Всякому возмездіе гопово —
 Вѣрующій близокъ къ небесамъ!

Тамъ исполнися завѣтъ священный
 Всякой милой вѣры и любви!
 Въ играхъ юности еси смыслъ блаженный —
 Такъ мечшай, и чувешвуй и живи!

Баронъ Розенъ.

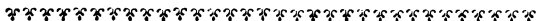
С О Н Е Т Ъ.

Не потому поминпельнымъ видѣньемъ
 Во снахъ швоихъ блуждаешъ образъ мой,
 Чшо, можешъ бышь, съ шоскою и волнешьемъ
 Ты обо мнѣ подумаешъ порой:

Но отъ того, что съ грустнымъ напряженьемъ,
 Въ ночи, безъ сна, къ тебѣ спремлюсь мечтой,
 Чшо увлеченъ я весь воображеньемъ
 И съ сномъ швоимъ сливаюся душой!

Прости меня: невольной, неизбежной
 Я предаюся мечтѣ моей вполнѣ,
 Я бы хошѣлъ, чшобъ призракъ мой мятежный
 Не говорилъ о милой старинѣ —
 Но ты простишь . . . не тыль сама такъ иѣжно
 Объ эшихъ снахъ рассказывала мнѣ!

А. Подолинскій.

ПИРЪ ВО ВРЕМЯ ЧУМЫ.

(Изъ Вильсоновой Трагедіи: The city of the plague.)

*(Улица. Покрытый столъ. Несколько пирующихъ
мужинъ и женщинъ.)*

Молодой человекъ.

Почтенный председатель! я напомяю
 О человекѣ, очень намъ знакомомъ,
 О томъ, чьи шупки, повѣсни смѣшныя,
 Ошвѣпы оспрые и замѣчанья,
 Сколь ѣдія въ ихъ важности забавной,
 Заспольную бесѣду оживляли
 И разгоняли мракъ, который нынѣ
 Зараза, гостья наша, насымаешь
 На самые блестяще умы.
 Тому два дня, нашъ общій хохотъ славилъ
 Его рассказы; не возможно бышь,

Чшобъ мы въ своемъ веселомъ пированьи
 Забыли Джексона! Его здѣсь кресла
 Стояшъ пусныя, будно ожидая
 Весельчака — но онъ ушелъ уже
 Въ холодныя, подземныя жилища
 Хотя краснорѣчивѣйшій языкъ
 Не умолкалъ еще во прахъ гроба;
 Но много насъ еще живыхъ, и намъ
 Причины кѣшъ печалишся. И шакъ
 Я предлагаю выпить въ его память,
 Съ веселымъ звономъ рюмокъ, съ восклицаньемъ,
 Какъ будно бѣ былъ онъ живъ.

П р е д с ѣ д а т е л ь.

Онъ выбылъ первый
 Изъ круга нашего. Пускай въ молчаньи
 Мы выпьемъ въ честь его.

М о л о д о й ч е л о в ѣ к ѣ.

Да будешь шакъ!

(Всѣ пьютъ молча.)

П р е д с ѣ д а т е л ь.

Твой голосъ, милая, выводишь звуки
 Родимыхъ пѣсень съ дикимъ совершенствомъ;

Спой, Меря, памъ, уныло и просяжно,
 Чшобъ мы попомъ къ веселью обрапились
 Безумнѣе, какъ пошъ, кшо ошъ земли
 Былъ оплучецъ какимъ нибудъ видѣнемъ.

М Е Р Я (постъ.)

Было время, процвѣшала
 Въ мирѣ наша спорона:
 Въ воскресеніе бывала
 Церковь Божія полна;
 Нашихъ дѣшокъ въ шумной школѣ
 Раздавались голоса,
 И сверкали въ свѣпломъ полѣ
 Серпъ и быстрая коса.

*

Нынѣ церковь опустѣла;
 Школа глухо заперта;
 Шива праздно перерѣла;
 Роца темная пуста;
 И селенье, какъ жилище
 Погорѣлое, стоимъ, —
 Тихо все — одно кладбище
 Не пушѣешь, не молчимъ —

*

Поминутно мершвыхъ посяшъ,
 И спенанія живыхъ
 Болзливо Бога просяшъ
 Упокоишь души ихъ!
 Поминутно мѣста надо,
 И могилы межъ собой,
 Какъ испуганное стадо,
 Жмушя шѣсною чередой!

*

Если ранила могила
 Суждена моей вескѣ —
 Ты, кого я шакъ любила,
 Чья любовь опрада мнѣ, —
 Я молю: не приближайся
 Къ шѣлу Дженины шы своей;
 Успѣ умершихъ не касайся,
 Слѣдуй издали за ней.

*

И потомъ оставь селенье!
 Уходи куда нибудь,
 Гдѣ бѣ шы могъ души мученье
 Усладить и опдохнуть.

И когда зараза минешъ,
 Посѣни мой бѣдный прахъ;
 А Эдмонда не поклнешъ
 Дженни даже въ небесахъ!

*

П р е д с ѣ д а т е л ь.

Благодаримъ, задумчивая Мерп,
 Благодаримъ за жалобную пѣсню!
 Въ дни прежніе чума такая жъ видно
 Холмы и доли ваши посѣнила,
 И раздавались жалкія спенахья
 По берегамъ поноковъ и ручьевъ,
 Бѣгущихъ нынѣ весело и мирно
 Сквозь дикій рай твоей земли родной;
 И мрачный годъ, въ конорый пало сколько
 Ошважныхъ, добрыхъ и прекрасныхъ жернивъ,
 Едва оставилъ память о себѣ
 Въ какойнибудь простой паспуншѣй пѣснѣ
 Унылой и пріятной пѣснѣ! ничто
 Такъ не печалишь насъ среди веселій,
 Какъ томный, сердцемъ повторенный звукъ!

МЕРИ.

О, если бь никогда я не пѣвала
 Вѣ хижини родишелей своихъ!
 Они свою любили слушашь Мери;
 Самой себѣ я, кажешся, внимаю
 Поющей у родимаго порога —
 Мой голосъ слаще былъ въ то время: онъ
 Былъ голосомъ невинности

ЛУИЗА.

Не въ модѣ

Теперь такія пѣсни! но все жь есть
 Еще просныя души: рады шаяшь
 Опъ женскихъ слезъ, и слѣпо вѣряць имъ.
 Она увѣрена, что взоръ слезливый
 Ея неопразимъ — а если бь поже
 О смѣхъ думала своемъ, то вѣрно
 Все бь улыбалась. Вальсингамъ хвалилъ
 Крикливыхъ Сѣверныхъ красавиць: вошь
 Она и распоналась. Ненавижу
 Волюсь Шотландскихъ эшихъ желшину.

ПРЕДСѢДАТЕЛЬ.

Послушайте: я слышу спукъ колесъ!

*(Бѣдетъ телега, наполненная жертвами
 тѣлами. Пегръ управляетъ ею.)*

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.

Ага! Луизѣ душно; въ ней, я думалъ —
 По языку судя, мужское сердце.
 Но такъ-то — пѣжнаго слабѣй жестокой,
 И спрѣхъ живешь въ душѣ, спрѣхными поминной!
 Брось, Мерц, ей воды въ лице. Ей лучше.

МЕРЦ.

Сестра моей печали и позора,
 Прилягь на грудь мою.

Луиза (*приходитъ въ куство.*)

Ужасный демонъ

Приснился мнѣ: весь черный, бѣлоглазый....
 Онъ звалъ меня въ свою шележку. Въ ней
 Лежали мершвые — и лепешали
 Ужасную, невѣдомую рѣчь....
 Скажите мнѣ: во снѣ ли это было?
 Проѣхала ль шелега?

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

Ну, Луиза,
 Развеселись — хоть улица вся наша,
 Безмолвное убѣжище отъ смерти,
 Приютишь пировъ ничѣмъ невозмушимыхъ,

Но знаешь? эша черная пелега
 Имѣеть право всюду развѣзашь —
 Мы пропускашь ее должны! Послушай
 Ты, Вальсцигамъ: для пресѣченья споровъ
 И слѣдствій женскихъ обмороковъ, свой
 Намъ пѣсню — вольную, живую пѣсню —
 Не грустную Шопландской вдохновенну,
 А буйную, вакхическую пѣснь,
 Рожденную за чашею кипящей.

П р е д с ѣ д а т е л ь.

Такой не знаю — но спою вамъ гимнь,
 Я въ честь чумы — я написалъ его
 Прошедшей ночью, какъ распались мы.
 Миѣ спранныя наша охота къ рифмамъ,
 Впервые въ жизни! Слушайте жъ меня:
 Охрипый голосъ мой приличень пѣснѣ. —

М н о г и е.

Гимнь въ честь чумы! послушаемъ его!
 Гимнь въ честь чумы! прекрасно! bravo! bravo!

П р е д с ѣ д а т е л ь (поеть.)

Когда могущая зима
 Какъ бодрый вождь, везетъ сама

На насъ космашыя дружины
 Своихъ морозовъ и снѣговъ, —
 На встрѣчу ей прещашъ камни,
 И весель зимній жаръ ппровъ.

*

Царица грозная, Чума
 Теперь идешь на насъ сама
 И льстившея жанивою богашой;
 И къ намъ въ окошко день и ночь
 Стучишь могильною лопашой. . . .
 Чшо дѣлашь намъ? и чѣмъ помочь?

*

Какъ опъ проказицы зны,
 Закремья также опъ Чумы!
 Зажжемъ огни, нальемъ бокалы;
 Упоимъ весело умы
 И, заваривъ ппры да балы,
 Возславимъ царствіе Чумы.

*

Есть упоеніе въ бою,
 И бездны мрачной на краю,

И въ разъяренномъ океанѣ,
 Средь грозныхъ волнъ и бурной пѣны,
 И въ Аравійскомъ ураганѣ,
 И въ дуновеніи Чумы.

*

Все, все, что гибелью грозилъ,
 Для сердца смершнаго шайлъ
 Незъяснимы наслажденья —
 Безсмершья, можешь быть, залогъ!
 И счастливыи пошъ, кто средь волненья
 Ихъ обрѣшашъ и вѣдашь могъ.

*

И такъ — хвала тебѣ, Чума!
 Намъ не спрашна могилы пѣма,
 Намъ не смушишь швое призваще!
 Бокалы пѣнимъ дружно мы,
 И Дѣвы-Розы пьемъ дыханье —
 Бышь можешь — — полное Чумы!

(Входитъ старый священникъ.)

С в я щ е н н и к ъ .

Безбожный пиръ, безбожные безумцы!

Вы пи; шествомъ и пѣснями развраща
 Ругаетесь надъ мрачной пишиной,
 Повсюду смершю распространенной!
 Средь ужаса плачевныхъ похороиъ,
 Средь блѣдныхъ лицъ молюсь я на кладбищѣ —
 А ваши ненавистные восторги
 Смуцають пишину гробовъ — и землю
 Надъ мерными пѣлами пошрсають!
 Когда бы шариковъ и жегъ молелья
 Не освящали общей, смершной ямы —
 Подумашь могъ бы я, что нынче бѣсы
 Погибшій духъ безбожника шерзають
 И въ шму кромѣшную шащашъ со смѣхомъ.

Н ъ с к о л ь к о г о л о с о в ѣ .

Онъ масперски обѣ адѣ говоритъ!
 Сшупай, сшарпкъ! сшупай своей дорогой!

С в я щ е н н и к ѣ .

Я заклинаю васъ свяшою кровью
 Спасителя, распяпаго за насъ:
 Прервите ширъ чудовищный, когда
 Желаете вы встрѣшнить въ небесахъ
 Ушраченныхъ возлюбленныхъ души
 Сшупайте по своимъ домамъ!

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.

Домъ

У насъ печальны — юность любишь радость.

СВЯЩЕННИКЪ.

Ты ль это, Вальсигагъ? ты ль самый пошль,
 Бшо при тому недѣли, на колѣняхъ,
 Трупъ машери, рыдая, обнималъ
 И съ воплемъ бился надъ ея могилой?
 Или думаешь: она теперь не плачетъ,
 Не плачетъ горько въ самыхъ небесахъ,
 Взирая на пирующаго сына
 Въ пиру разврата, слыша голосъ швой,
 Поющихъ бѣшенныя пѣсни, между
 Мольбы святой и пляжкихъ воздыханій?
 Спупай за мной!

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.

Зачѣмъ приходишь ты
 Меня превозишь? Не могу, не долженъ
 Я за шобой идти: я здѣсь удержанъ
 Опчаяньемъ, воспоминаньемъ спрашнымъ,
 Сознаньемъ беззаконья моего,
 И ужасомъ шой мерзвой пустошы,
 Которую въ моемъ дому встрѣчаю —

И новостью слухъ бѣшеныхъ веселій,
 И благодарнымъ ядомъ эпой чаши,
 И ласками (проси меня Господь)
 Погибшаго — по милаго созданья....
 Тѣмъ мащери не вызовешь меня
 Опселя — поздно — слышу голосъ твой,
 Меня зовущій — признаю уселя
 Меня спасши.... старикъ! иди же съ мпромъ;
 Но проклятиѣ будь, кино за тобой пойдешь!

Многие.

Bravo, bravo! достойный председатель!
 Вашъ проповѣдь себя! пошелъ! пошелъ!

Священникъ.

Машильды чистый духъ себя зовешь!

Председатель (*встаетъ.*)

Бланись же мнѣ, съ подняной къ небесамъ —
 Увидшей, блѣдною рукой — ославнишь
 Въ гробу навѣкъ умолкнувшее имя!
 О, если бѣ ошь очей ея безмерныхъ
 Скрышь это зрѣлище! меня когда-то
 Она считала чистымъ, гордымъ, вольнымъ —
 И знала рай въ объятіяхъ моихъ....

Гдѣ я? свѣлое чадо свѣта! вижу
Тебя я тамъ, куда мой надшій духъ
Не досягнешь уже

ЖЕНСКІЙ ГОЛОСЪ.

Онъ съумасшедшій —
Онъ бредитъ о женѣ похороненной!

СВЯЩЕННИКЪ.

Пойдемъ, пойдемъ

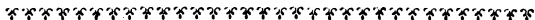
ПРЕДСѢДАТЕЛЬ.

Отецъ мой, ради Бога,
Оспавь меня!

СВЯЩЕННИКЪ.

Спаси тебя Господь!
Просни, мой сынъ. (*Уходитъ. Ииръ продолжается.*
Предсѣдатель остается, погружен-
ный въ глубокую задумчивость.)

А. Пушкинъ.

26-ое М А Я (*).

Въ дни соловья, во дни утѣхъ и цвѣща,
 Когда съ небесъ слетають счастья сны,
 Есть празднество — великое для свѣта:
 Какъ торжество, какъ *лучшій* день весны,
 Мы празднуемъ рожденіе Поэта,
 Чьей жизнью мы всѣ оживлены!
 Сей день богамъ въ хвалу и честь мы ставимъ —
 Такъ! Генія сошествіе мы славимъ!

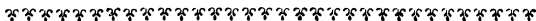
Давно ль еще, таинственный, какъ рокъ,
 Съ усавами ничтожной жизни въ ссорѣ,
 По обласнямъ Поэзии оцъ влекъ
 Сомнѣнья вѣкъ, блистательное горе?

(*) См. *Сѣверные Цвѣты* на 1830 годъ, стихоп. отдѣл. спран. 98, и Сонетъ А. С. Пушкина: *Мадона*.

Какъ грозный духъ, какъ бѣдствія пророкъ,
 Давно ль блуждалъ въ эфирномъ неба морѣ,
 Невѣдомымъ, причудливымъ пушемъ —
 Полночное свѣшило съ бунчукомъ!

Но разлился жпвой разсвѣтъ съ воспока...
 Мадоны ликъ, какъ солнце, восходилъ —
 И вѣяли горѣ шуманы рока
 Въ дыханіи свѣшила изъ свѣшилъ!
 Сей чудный ликъ, для нашего пророка,
 Игрой лучей весь міръ преобразилъ....
 И пролилась — въ услышаніе свѣта —
 Сіона пѣснь изъ звучныхъ успѣ Поэна.

Баронъ Розень.

С В Ъ Т О В И Д Ъ.

(Изъ 2-й пѣсни Андрея, Князя Переяславскаго.)

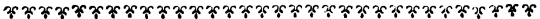
Такъ, милый другъ, ошъ колыбелн
 Далекій звукъ плѣцямъ меня
 Пасшушьей, ушренней свирѣли;
 И чудомъ опрока маня,
 Мнѣ повѣспи, мнѣ пѣсни пѣли
 Про небылицы прежнихъ дней,
 Про славный вѣкъ богатырей;
 И я любилъ во шмѣ преданья
 Ихъ огневидныя чершы,
 Невѣроящныя созданья,
 Неисполнимыя мечшы!
 И сладосшны и долги были,
 Въ дыхащн Сѣверной весны,
 Мои пророческіе сны!
 Они въ шощъ край меня носили,

Гдѣ небо яхоншь голубой,
 Гдѣ спѣшъ яблокъ золопой,
 Гдѣ вьюшя райскія Жаръ-птицы,
 И домъ Русалки молодой
 Въ волнахъ расплещенной денницы
 Сліянь изъ грапей хрусталя. . . .
 Цвѣшущъ рубинами поля;
 Овпы блуждающъ злато-рунны,
 И не земныя дышатъ спруны!
 Все эшо видя и внемля,
 Въ восторгѣ пѣсней бредилъ я.
 Я возраспалъ. Мои мечпанья
 Росли невидимо со мной;
 Мои любимыя гулянья
 Бывали тамъ, гдѣ мракъ лѣсной;
 Гдѣ гребень горъ возникъ порогомъ
 Предъ небожителей черпогомъ;
 Куда носилася душа,
 Священнымъ воздухомъ дыша.
 Одолѣваемъ шихой лѣнью,
 Въ душѣ задумчивость шая,
 Водъ сладкозвучному паденью
 Любилъ прислушивавшяся я;
 Любилъ сливать напѣвъ ошзывный

Съ спенаньемъ бури заунывной,
 Съ веселой дробью соловья.
 Воспоргомъ сердце препешало,
 Какъ въшпромъ сорванный листокъ,
 И думы пламенный попокъ
 Ладами спройно изливало!...
 И эхо рѣзвое внимало
 Мою воспорженную грусь
 И, заучая наизусть,
 Скаламъ опъ скаль передавало.
 Но пѣсни юности моей,
 Моей заспѣчивой свирѣли,
 Незнаемы уму людей,
 Какъ спадо вольныхъ лебедей,
 Звуча въ поднебесья, лешѣли!

1829.

А. Б.

Б А Р К А Р О Л А.

(Изъ Марши Фаліери.)

Ложе нѣги покидая,
 Гондольеръ, воспрянь скорѣй!
 Ужь сшихія голубая
 Ждешъ давно тебя съ ладьей.
 Торопись, не лѣнися,
 Утра бѣлаго не жди;
 Съ милой родиной проснися,
 Съ Богомъ въ дальній пушь лети!

Прости, Венеція! съ побою

Разспашься мнѣ веляшь

Пусть Маркъ съ Мадоною Свяшою

Тебя благословяшь!

Пусть Маркъ съ Мадоною Свяшою

Меня въ пуши храняшь!

О подруга молодая!
 Слезъ не лей, уйми свой страхъ!
 Богородица Святая,
 Со младенцемъ на рукахъ,
 Нашъ вѣнокъ сплешаетъ брачный
 И гошовишь счастье намъ —
 Лпшь бы пушь свершишь удачно,
 И назадъ къ роднымъ брегамъ!

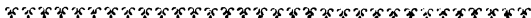
Проспи, Венеція! съ побою
 Разспашься мнѣ веляпгъ
 Пусть Маркъ съ Мадоню Свяшою
 Тебя благословяпгъ!
 Пусть Маркъ съ Мадоню Свяшою
 Меня въ пуши храняпгъ!

*

Если, лавры пожпная,
 Уцѣляю на войпгъ,
 И подруга молодая
 Все вѣрна пребудетъ мнѣ: —
 Чпспой лиліей Мадону,
 Воропяся, подарю;
 Покровишеля Икону
 Лавромъ свѣжимъ обовью!

Прости, Венеція! съ побою
Разспашься мнѣ велянцъ
Пусть Маркъ съ Мадоною Свяшою
Тебя благословяицъ!
Пусть Маркъ съ Мадоною Свяшою
Меня въ пуши храицъ!

В. Романовичъ.

З А З Ы В Ъ.

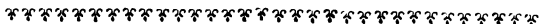
(Въ Альбомъ П. Г. Сіянова.)

Близокъ, близокъ часъ прощанья —
 Только день еще до дня
 Роковаго распаванья!
 Соберемся у меня,
 Для послѣдняго веселья!
 Часъ прощальнаго похмелья —
 Часъ торжественный — моимъ
 Добрымъ Ларамъ посвяшимъ!
 Души, полныя скорбями,
 Опороживъ, наводнимъ
 Свѣспозарными парами
 Благовоцнаго вина
 Будешь радость между нами —
 Выпьемъ ковшъ ся до дна,

И мпнушу золошюу
Молодаго бышїя
Схвашимъ, рѣзвые друзья,
Будпо дѣву молодую
Выѣспѣ обовьемъ ее
Съ чувспвомъ юнаго желанья
И посыплемъ на нее
Шаловливья лобзанья!
Скажемъ дѣвѣ кр̄асопы:
« Ахъ, хорошенькая ты! »
Оглушенная хвалою,
Убѣжитъ — и ей во слѣдъ
Будь прощальный нашъ привѣтъ:
« Ты не наша — Богъ съ тобою! »

Баронъ Розенъ.

П Ъ С Н Я.

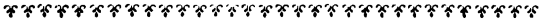
Ягодка ль спѣлая
 Манишь прохожихъ красой палвною?
 Лебедь ли бѣлая
 Съ царской осанкой спойшь надъ рѣкою?
 Пшашка ль дубравная —
 Лучшая гостыня изъ вешнихъ гостей —
 Голосомъ славная,
 Пѣсню чудною пѣшишь людей?

Звѣздочка ясная
 Свѣпшишь всегда на селеніе наше!
 Дѣвица красная
 Всѣхъ поселяпокъ милѣе и краше!
 Розовой кровію
 Пѣжныя щеки швои палились;
 Первой любовію
 Грудь взволновалась и глазки зажглись!

Ягодкой спѣлою
 Дѣвица мѣнишь румянцемъ игривымъ;
 Лебедью бѣлою —
 Дѣвица радуешь спаномъ красивымъ!
 Чудно-нарядная,
 Пѣснь соловья намъ весною поешъ —
 Ты, непаглядная,
 Водишь по пѣснѣ своей хороводъ.

Мнѣ ли, ечашливому,
 Свѣтятся твои васильковые глазки?
 Мнѣ ли, ревнивому,
 Тихо говоришь безцѣпныя ласки?
 Звѣздочка ясная,
 Съ неба роднаго скачиси ко мнѣ!
 Дѣвица красная,
 Съ шерма къ другу сойди въ пишинѣ!

Баронъ Розенъ.

С О Н Е Т Ъ.

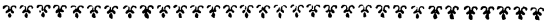
(Италіянскимъ размѣромъ.)

Люблю, люблю, когда въ пѣни гусной
 Чеша младая предо мной мелькаешъ,
 И руку вѣрную съ вѣрной рукой,
 Больцо въ кольцо, любовно соплешаешъ.

Спремлюся къ нимъ я спрою душой,
 Но ихъ душа чужое опшвергаешъ, —
 И взоръ, увлаженный горькой слезой,
 Благословая, въ сѣнь ихъ провожаешъ.

Спою одинъ — и сердце жмешъ попка,
 И по рукѣ хладъ пробѣгаешъ скорый:
 Чья обовьшешя вкругъ ися рука?

Гдѣ опочіюпъ ищущіе взоры?
 И долго ли мнѣ живъ безъ двойника?
 Бакъ винограду, падашь безъ опоры?

ЗАЛОГЪ СВИДАНІЯ.

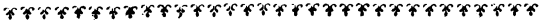
Всѣ ли замужъ вышли эти дѣвы,
 Коихъ юность съ юностью моей
 Совпадала нѣжно подъ напѣвы,
 Подъ игривый шумъ молодыхъ спраспей?
 Милый возрастъ чувства и признанья!
 Вѣкъ златой восшорга и лобзанья,
 Райскій сонъ, любви завѣшный часъ
 Господь сердца, какъ я помню васъ!

Всѣ ли въ бѣшвѣ пали эти други,
 Коихъ свѣшлый, юношескій пылъ
 Душу мнѣ, въ походные досуги,
 Огневомъ сочувствіемъ живилъ?
 Жизнь лглась изъ прршеспвенной чаши,
 Какъ рѣка изъ урны! чувства наши
 Всѣ слились въ единый бурный гласъ —
 Сослуживцы, какъ я помню васъ!

Дѣвы вышли замужъ, други пали —
 Жизнь и смерть, на свадьбахъ роковыхъ,
 Шумно съ пира дружества умчали
 Подъ вѣнцы свои — гостей моихъ!
 Вѣчность и супружество своими
 Покрывалами заповѣдными
 Закавказили мой свѣтлый міръ —
 Всюду шѣмно, я одинъ и сирь!

Чтò при мнѣ осталось? прахъ съ могилы
 Добрыхъ юношей — и прахъ опъ розъ —
 Дара дѣвъ! на сердцѣ прахъ сей милый,
 Окропленный чистой влагой слѣзь.
 Сколько жизни въ немъ — онъ дышетъ раемъ!
 Все пройдетъ, но онъ неизмѣняемъ,
 Неопъемлемъ въ царствѣ прапѣ — онъ мой,
 Онъ свиданія залогъ свяшой!

Баронъ Розенъ.

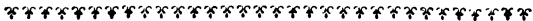
М Е Л О Д І Я.

Какъ очи изсякнушъ, какъ переп изношъ, —
 Веселые звуки души не наспрошъ!
 Какъ духъ ушѣшишель надъ бездною мукъ,
 Лешишъ, эшихъ персей не прогая, звукъ —
 Вы жизнь ему дали, но не дали силу
 Зажечь своей жизнью живую могилу!....

Гдѣ жъ тайна искусства? зачѣмъ не во власти
 Дать звуку порывъ необузданной спрасни,
 Чшобъ могъ овладѣшь онъ насильно душой?
 И если земной не подасшъ ей ошрады,
 Пусть грушнаго плѣна разрушишъ преграды
 И, душу испоргнувъ, влечешъ за собой!

А. Подолинскій.

СЦЕНЫ ПЪ ТРАГЕДИИ:
ЗЕМНАЯ ПОЧЬ.

(Соч. Раупаха.)

ДѢЙСТВІЕ I.

ЯВЛЕНІЕ 2.

Коншарини, Венеціанской Нобили; *Клара*, дочь его;
Ринальдо, сынъ Дожа, ея женихъ. — Дѣйствіе про-
исходитъ въ саду Коншарини.

КОНШАРИНИ (*входя.*)

Вы здѣсь вдвоемъ! иначе бытъ не можешь
Между невѣстою и женихомъ. Ахъ, дѣши!
Дай Богъ, чшобы и въ поздніе года,
Какъ сѣдиной сребристой осень жизни
Вамъ убѣлишь главы, вы съ нѣмъ же чувствомъ
Спремился въ объятія другъ друга!....

РИНАЛЬДО.

Прекрасное желаніе, родишьель!
И какъ легко исполнишья ему:

Оно не такъ, какъ многія мечпы,
Несбыточно. Не правда ль, милой другъ?

Б л а р а.

Ринальдо! въ шомъ мое порукой сердце.

Б о п т а р и н и.

О, знаю, знаю!... Въ ваши годы отрасль
Лишь вѣчносшью одною измѣряюшь —
А въ наши лѣша!... Но вы правы, дѣши:
Чему жъ и вѣришь, коль не чувствамъ сердца!
Они всего прочиѣй. —

Б л а р а.

Ты мнѣ позволишь

Уйши?

Б о н т а р и н и.

Спунай.

Б л а р а.

Прощай-же, доброй ночи!....

Мы не увидимся сего дня?

Б о н т а р и н и.

Нѣтъ, мой другъ!

Поди, усни; но помни, чшо невѣстой
Ты завшра предъ алтарь съ душою свѣплой
Предсташь должна!

К л а р а.

Ринальдо! до свиданья.

Р и н а л ь д о.

До сладкаго свиданья, ангель мой!

(Клара уходитъ.)

К о н т а р и н и.

Зарагѣе ты къ этому свиданью,
Мнѣ кажется, спремнись мыслью пылкой —
Какъ весель ты!

Р и н а л ь д о.

Могу ль не быть веселымъ?

И видано ль, чпобъ былъ печалецъ пушникъ,
Скипавшійся чрезъ многіе года
Въ странѣ чужой, онъ родины далеко,
Когда къ селу родному подходя,
На небѣ упренемъ, еще въ шумаѣ,
Онъ видншь крестъ знакомой колокольни,
Сіяющей привѣтнымъ, райскимъ блескомъ!
Я пушникъ шомъ. А завтра! завтра!

К о н т а р и н и.

Другъ мой!

Ты правъ Прекрасный день для насъ обонхъ!

Р и н а л ь д о.

Да, свѣшлый день! Какъ солнца лучъ нежданый,
 Прорѣзавъ жизни мракъ, онъ опгоняешь
 Всѣ призраки, рожденные сомнѣниемъ.
 Какъ ясенъ онъ! всѣ радости предъ нимъ
 Лишь звѣздочки, на небѣ голубомъ
 Свѣщація мишущимъ свѣтомъ!....

К о н т а р и н и.

Полно!

Замѣнилъ ли, ты лучше мнѣ скажи,
 Какъ чудно нынѣ солнце закашилось?
 Въ крови оно поухло; а ты знаешь:
 Пѣснь лебедя и солнечный закашъ
 Пророческій въ себѣ скрывающъ смыслъ.

Р и н а л ь д о.

Не въ крови, въ розахъ солнце попохуло!

К о н т а р и н и.

Въ крови ли, въ розахъ ли, не все ль равно?
 Или кровь враговъ не лучше всякихъ розъ?

Р и н а л ь д о.

Враги — и кровь! зачѣмъ же въ брачный день?...

Б о н т а р и н и.

Ты молодъ, юноша! — еще не знаешь,
 Что можешь изъ пролипой въ пору крови
 Гигантской лавръ до неба вознесшись.

Р и н а л ь д о.

Да, онъ роснешь въ бою, на рапномъ полѣ.

Б о н т а р и н и.

О, юность, юность! вѣчно бивша въ мысляхъ!
 Какъ будто ей рѣшается задача
 Земнаго бышя, какъ будто въ ней
 Премудрости таится дивный камень! —
 Въ бояхъ лѣется кровь просолодиновъ —
 И цѣлые попоки этой крови
 Ничтожны въ общемъ дѣлѣ! Но, мой сыщъ!
 Немного капель благородной крови,
 Пролипой въ децъ веселья, много значущъ!

Р и н а л ь д о.

Загадочны твои слова, — и вижу:
 Таится въ нихъ какой-то чудный смыслъ;
 Раскрой его!

Б о н т а р и н и.

Изволь! тебѣ я шайну
 Опечесства повѣрю. — Твой родишель

Ринальдо пылкаго безумцемъ чпишишь
 И предъ побой опкрыишь боиися душу. —
 Я вѣрю болѣ тебѣ. — Но то,
 Чшо ты шеперь услышишь, пуешь на вѣки
 Въ груди швоей схоронишья.

Р и н а л ь д о .

Я, жду!....

К о н т а р и н и .

Твой бракъ ешь пирѣ кровавый для отчизны!...
 Ты о враждѣ моей съ Корнаро слышалъ?....
 Опъ юныхъ лѣпъ она кнѣла въ сердцѣ!
 Какъ милое диня ее лелѣя,
 Для месни я обиды новой ждалъ.
 И вопъ! не давно, какъ скончался Дожъ,
 Твой дядя, и меня избрашь хопѣли:
 Корнаро дерзкою рукою скипиръ
 Изъ рукъ моихъ испоргнушь смѣлъ... О, спыдъ!...
 Съ прузомъ успѣлъ я усвранишь злодѣя,
 И на прешолъ Венеціи возвесъ
 Фалезро.... Но съ шѣхъ поръ кровавой месни
 Я съ кляшвою обрекъ весь родъ Корнаро!....
 Съ шѣхъ поръ, Ринальдо, мы съ швоимъ опцемъ
 Великій замыселъ въ пиши шавъ —

А завтра міръ узнастъ наше мщенье!
 Родилель швой на брачный пиръ Борнато
 И побилей Венеціи позваль.
 Когда вино, и шумъ и звукъ музыки
 Развеселятъ госпей, по знаку чернь
 Въ черпоги прршесшва полшой ворвешся
 Надеть злодѣй Борнато! Съ нимъ надуть
 И побилл, — враги мои и Дожа! —
 И зданіе республики кичливой,
 Опъ вспхосши и слабосши разрушасъ,
 Подъ бранными обломками своими
 Своихъ владыкъ на вѣки погребелъ! —
 Народа шредъ намъ предава, — и войско
 Наемное, — и самый Изарель,
 Начальникъ Арсенала. — Все готово!
 Усиѣхъ надежень! Трепешная чернь
 Венеціи Герцогомъ самовластнымъ
 Провозгласишь Фаледро. — Я ужъ спаръ,
 И лишь бы мщенья мнѣ свершишь обѣщы —
 На опдыхъ я спокойно ошюду.
 А ты Ринальдо, ты съ моею Кларой,
 Взойдешъ на шронъ Венеціи и моря!
 Чшо жъ ты молчишь?

Р и н а л ь д о.

Не знаю, Коншарини,
Какъ рѣчь твою приняшь? она для правды
Забавна что-то, — и странна для шушки!....

К о н т а р и н и.

Кровавая была бы это шушка!....
И я шучу умѣй, — ты это знаешь....

Р и н а л ь д о.

Но правдой словъ твоихъ считаешь не смѣю.
Не то — какъ могъ бы имъ я равнодушно
Внимать, не бывъ измѣнникомъ опчизитъ!
Когда бь дерзнулъ другой что — о, давно бы
У ногъ моихъ лежалъ онъ мершвъ!....

К о н т а р и н и.

Безумецъ!

Фаледро правъ: несмысленный младенецъ!
Тебѣ даю я перлъ всѣхъ нашихъ дѣвъ;
Тебѣ отецъ престола угошворяешь —
И ропщешь ты!.... О, не ропщи, ребенокъ!
Иль глѣва ты не знаешь Коншарини?
Такъ шѣхъ спроси жь, — кого рука сія
Въ ничтожный прахъ, какъ молнья, прешворяла!...

Р и н а л ь д о.

Прощай! Къ родителямъ идти мнѣ должно. —

К О Н Т А Р И И.

Поспой, дитя! и выслушай меня. —
 Когда хошь слово, звукъ одинъ невнятный,
 Невнятный, — слышишь ли? — изъ устъ твоихъ
 Развѣстъ нашу шайну; — если ты
 Лишишь меня надежды сладкой мщенья....
 Тогда.... Скорѣй я самъ зарѣжу дочь,
 Скорѣй опдамъ на посрамленье черни,
 Чѣмъ въ снуницы бездушному рабу!....

Р и к а л ь д о.

Прощай!

К О Н Т А Р И И.

Глупецъ! сѣдой глупецъ! чпо сдѣлалъ!
 Какой злой духъ, въ устахъ твоихъ гнѣздясь,
 Завѣшную сорвалъ съ нихъ шайну сердца?
 Чпо, если? . . . Спрашио вздумаешь! . . . Злюба, ярость,
 Такъ и ревушь, изъ груди вырываешься! . . .
 Но спрахъ напрасный! хладнокровье Дожа
 Въ немъ усмиришь безумія порывъ —
 И медлишь какъ, — съ одной коль спороны
 Пресплюль, невѣсна, — а съ другой! . . . Нѣшь! нѣшь!
 Такъ безразсудецъ не былъ никогда
 Никпо еще — женой на свѣтъ рожденный!....

ДѢЙСТВІЕ IV.

Я в л е н і е 1.

(Комната во дворцѣ Конпарини.)

КОНТАРИНИ *сильно встревоженъ; передъ нимъ на ко-
мнатахъ КЛАРА.*

КОНТАРИНИ.

Какъ? въ сердцѣ ны любовь къ шому шапшь,
Кшо швоего опца на плаху продалъ,
Кшо палачу понесъ его главу,
Кшо въ судьи мнѣ враговъ моихъ поставилъ?....
Объ немъ мечпашъ, объ немъ вздыхашъ ны смѣешь?
Къ нему пишашъ преспушную любовь?....
Нѣшь, кѣшь! кровь чуждая въ шебѣ печешь —
Кровь беззаконія!... Ты мнѣ не дочь!.....
Не шо, — давно бѣ ее въ груди швоей
Оледенли мщєніе и злоба!

КЛАРА.

Родитель, вѣрь: я не люблю его!
Я не хочу его любить!.... Онъ самъ
Природы вѣ распоргъ свяшныя узы. —

Какъ духъ гробовъ, онъ хладенъ для любви!
 Оправа мнѣ — дыханіе его!....
 Блянусь тебѣ, что если хошь однажды
 Глаза мои узряшъ его, — пусть вѣкъ
 Мнѣ красное не свѣтншъ солнце болѣ!....
 Когда хошь разъ, хотя въ мечнѣ одной,
 Его увижу образъ ненавистный, —
 Пусть сонъ на вѣкъ ошь глазъ моихъ бѣжншъ!...

К о н т а р и н и.

Ты мыслишь, я словамъ своимъ повѣрю?
 Когда бъ мнѣ солнце не свѣтншъ клялось;
 Когда бы бури спихнушь навсегда
 Мнѣ общались; если бъ даже море
 Дало мнѣ кляшву не вздымашъ валовъ —
 Я кляшвѣ ихъ еще бы могъ предашся.
 Но дѣвъ пылкой, слабой и влюбленной
 Безумецъ лишь одинъ повѣрншъ можешъ!

К л а р а.

Не вѣрншъ ты!.... Веди жъ меня скорый
 Ко гробу мамери! надъ мплымъ прахомъ,
 Въ святилицѣ, обману недоступномъ,
 На прагъ вѣчности, я дамъ гошова
 Ужасную, несыханную кляшву:

Чшо память мѣ его спрашій, прошвиій,
 Чѣмъ Ангелу жилищъ подземныхъ видѣ. —
 Надъ знаменемъ священнымъ искупленья,
 Надъ шѣломъ и надъ кровію Господней,
 Въ бореньи жизни съ смершю — я гопова
 Любви къ шебѣ принесешъ послѣдню жершву:
 Ошдашь шебѣ все счасшіе мое,
 И повторишь безпренешию шу кляшву!

К о н т а р и и.

Когда глава моя падешь на плаху,
 То съ ней и кляшвы всѣ развѣстѣ вѣшеръ!
 Кшо мершвъ — не вспанешъ болѣ; а живые
 И чувшвующѣ и думающѣ живое.
 Мы всѣ рабы мгновенья и случая —
 И долгошу и мѣру назначающѣ,
 По прихощи, они всѣмъ чувствамъ нашимъ.
 Но власни ихъ предѣлъ естѣ вѣрный — смершь!
 Твоя же злоба пущѣ живешъ за гробомъ!
 Пущѣ въ вѣчности прокляшемъ шягошѣстѣ
 Надъ ненавистною его главой!

К л а р а.

Ты жизнь мѣ далъ, родшель! ты же былъ
 Вишвникъ юности моей счасшливой!

Твоя любовь въ земной юдоли плача
 Миѣ небо создала. — О! ради Бога!
 Не отправляй ны самъ даровъ своихъ!
 Миѣ душень свѣтъ, миѣ жизнь могильный холодъ!
 Одѣшы мракомъ небо и земля,
 И нѣтъ ошраднаго луча надежды!
 Возьми назадъ, возьми свой даръ, родитель!....
 Я длань швою на казнь благословлю. —
 Оставь лишь душу миѣ одну — даръ Божій;
 Пускай она, въ невинной чистотѣ,
 Бѣ Началу вѣчному опыдешъ съ миромъ.

К о н т а р и н к.

Нѣтъ! ны должна для ненависти жить!
 Ошрада миѣ — одно лишь эпо мщенье!
 Твое проклятіе, какъ привидѣнье,
 И въ день и въ ночь должно его слѣдить,
 Пока ему скорбь не изроетъ гроба.
 Бляни жь его, — спасши коль хочешь душу!....
 Бляни скорѣй!... Ужь шочипъ ножъ палачъ.

Б л а г а.

Родитель!... Нѣтъ!... Уста мои безсильны!...
 Миѣ машери завѣшь прешипъ прокляшья!...

Молю тебя! пусть вѣчный Судія
Несчастливаго въ своей осудитъ правдѣ. —

К о н т а р и н н.

Такъ будь же ты прокля....

Б л а р а (*обнимая его колѣна.*)

Поспой, жестокій!....

Я покорюсь своей ужасной волѣ.
Еще одна мольба! Внуши ушамъ
Слова, что грудь въ себѣ вмѣститъ не можешь. —
Замолкни, сердце!... Охладишь, чувства!...
Пусть жизнь во мнѣ къ спрдааніямъ замретъ!...

К о н т а р и н н.

Да будешь прокляшь въ вѣчность онъ; да будешь
Прокляши все намѣренья его!
И все, что мило для его души,
Пусть съ нимъ адскія распоргнутъ силы!
Да будешь въ зной лшненъ прохлады онъ,
И въ холодъ крова, — и въ болѣзнь покоя,
И въ жажду пиція, и пици въ голодъ!....
Пусть онъ змію найдетъ на лонѣ друга!
Пусть самая молитва для него
Не въ ушѣщеніе, а въ кару будешь!....

Пускай опъ гореспи — какъ пѣнь пзсохнувъ,
 Своимъ убійцею опъ спанелъ самъ!
 Пусень шрупъ его земля не приметъ въ пѣдра,
 И прахъ его въ гробу не сыщеть мира!...
 Пусень опъ живыхъ прокляшьемъ опчужденъ,
 Опъ заживо добычей ада спанелъ!

К л а р а.

Оспановись! у ногъ пивокъ, родищель,
 Молю пощады!... Вспомни судъ небесъ!

Б о н т а р и н и *(съ бѳльшимъ жаромъ.)*

Ты медлишь! а мѣжь пѣмъ часы лепяшь —
 Такъ адское сама прими прокляшье.

К л а р а.

Да будешь прокляпъ въ вѣчность опъ, да будешь
 Прокляпы всѣ намѣренья злодѣя!....
 И все, что мило для его души,
 Съ нимъ адскія пускай распоргнишь силы!

*(Падаеть безъ чувствъ. — Входитъ
 служитель.)*

С л у ж и т е л ь.

Въ передней спража!.... Требуюшь себя....

КОНТАРИНИ (*показывая на Клару.*)

Она безъ чувствъ! . . . Позванъ сюда прислужницъ!
(*Служитель уходитъ во внутреннія
комнаты.*)

КОНТАРИНИ (*глядя на Клару.*)

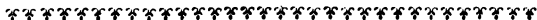
Да будешь надъ побой мое проклятье
Боль ны свои обѣсы позабудешь! . . .

(*Входитъ стража. Коншарини
обращается къ ней.*)

А! . . . Гладный песь ужъ ждетъ своей добычи! . . .
Клянупу я часъ рожденья моего!
Клянупу и землю, что меня носила!
А ны Венеція, диня крамоль!
Да поглощаютъ шебя морскія бездны! . . .

(*Уходитъ поспышно, въ сопровожденіи
стражи. — Возвращается служитель
съ женщинами, и уносятъ Клару.*)

В. С.

С Т А Р И К Ъ.

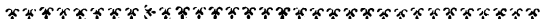
(Романсъ.)

Сойдясъ дѣвицы на лужокъ,
 Рѣзвились, пѣли и смѣялись;
 То вдругъ сплсались въ кружокъ,
 То вдругъ, играя, расплсались.
 Спарикъ задумчиво смопрѣлъ
 На ихъ алѣющія розы:
 Въ немъ духъ, какъ въ юношѣ, кипѣлъ,
 А изъ очей бѣжали слезы.

« Поди къ намъ, дѣдушка, на лугъ:
 Кого возьмешь — швоя невѣспа!
 Намъ нуженъ милый, нуженъ другъ —
 Займи его покуда мѣспо.
 Тебя мы крѣпко обоймемъ;
 Къ шебѣ посядемъ на колѣни,
 И поцѣлуемъ, и увьемъ
 Цвѣшами свѣжими сирени! »

— « Ахъ! слезы видите въ глазахъ?
Спаркъ съдой, зачѣмъ пойду я?
На вашихъ ожилъ бы цвѣтахъ,
И далъ бы жизнь для поцѣлуя!
Но что прошло, тому не бышь
Оставьте радости счастливымъ!
Не ушарѣлъ я, чшобъ любить, —
Но ушарѣлъ, чшобъ бышь любимымъ!

Ивелъевъ.

ЧЕТВЕРОСТИШЕ.

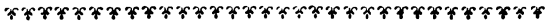
Бшо на землѣ не вкушалъ жизни на лопѣ
любви,

Топшъ быпія земнаго возвышенной цѣли не понялъ;

Топшъ предвкусішь не успѣлъ сладостной жизни
другой:

Опшъ, какъ шуманъ, при рожденіи гибнуцій, умеръ,
не живши.

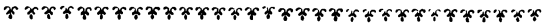
Н. Г — 76.

ПОСЛѢДНІЕ СТИХИ А. ШЕНЬЕ.

Какъ блѣдною зарѣй, какъ вѣяньемъ зефира
 Одушевленъ конецъ безоблачнаго дня,
 Такъ передъ плахою звучишь еще мнѣ лира!
 Бышь можешь, что близка уже чреда моя —
 И прежде, можешь бышь, чѣмъ спрѣлка золошая,
 Блещащую эмаль послушно обшекая,
 Всѣ шесъдесять шаговъ, весь пушь свой круговой,
 Пройдешь недремлющей и звонкою спопой —
 Глаза мой сомкнешъ тяжелый сонъ кончины....
 Иль прежде, чѣмъ мой спихъ дойдешь до половины,
 Посланникъ гибели, вербуя мершвецовъ,
 И гнусныхъ спражей рядъ ведя подъ эши своды,
 Названіемъ моимъ и щорохомъ шаговъ
 Наполнишь длинныя шемницы переходы....

БѢЛЫЙ ГОЛУБЬ.

« Завтра, брашцы, намъ праздникъ опять —
Да, пора загуляшь намъ мечами!
Врагъ намъ хочешь сраженіе дать —
Мы врага - то зашопчемъ конями!
То - то будешь пошѣха и пиръ,
Будешь новая слава и миръ,
И про Русскія наши побѣды
На Русч поведемъ мы бесѣды! »

Съ твердой вѣрой въ свой славный булашь
Разошлись по конюшнямъ Гусары;
Спяшь; но жаждущій бой солдашь
Въ мирномъ снѣ ужъ наносишь удары.
Лишь одинъ на конюшнѣ не спишь,
На товарищей сонныхъ глядишь;
Что-то мыслишь про бытъ свой вопскій
Мужъ сражений, герой Бородинскій!

Онъ вспаешъ, онъ ласкаешъ коня:

« Конь мой, конь! онъ чего мнѣ не спишся?

Будто что-то смущаешъ меня,

Спранно сердце мое суешися....

Мы съ шобой не боимся огня!

Я тебя, ршиваго коня,

И заупра, по бранному полю,

Напуцу на врага во всю волю!

« Да, заупра рѣшительный бой:

Заварися кровавая каша....

Ты несися, мечися со мной —

Другъ мой, люба заносчивость наша!

Защицу онъ ударовъ шебя —

Скакуна своего — какъ себя!

Не поспигло бы зло насъ другое —

Не убило бь ядро роковое! »

Такъ съ конемъ разговаривалъ онъ

О рѣшительномъ завпрашнемъ боѣ,

Чшобъ накликашь дремону и сонъ,

Чшобъ забышся въ желанномъ покоѣ.

Не накликалъ онъ сладкаго сна —
 Чѣмъ-то грустнымъ душа спѣснена;
 Мысль за мыслию живо приходишь,
 Все прошедшее въ памяти бродишь.

Опошедъ ошъ коня, онъ прилежъ;
 Чуетъ вѣщее шу же забошу!
 Онъ вздремнулъ, но забыться не могъ —
 Сердца спукъ беспокоилъ дремошу.
 Въ крѣпкихъ думахъ упорспвуетъ умъ
 Вдругъ услышалъ онъ крыліевъ шумъ —
 Бѣлый голубъ въ конюшню влешаетъ,
 Надъ конями, кружася, порхаетъ.

Эпошъ голубъ — онъ чуденъ и милъ,
 Спрашенъ дивной своей бѣлизною;
 Звученъ шепотъ и шумъ его крыль,
 Онъ сіяетъ небесной звѣздою!
 Вѣрно смерти приносишь онъ вѣсшь! . . .
 Онъ не знаешъ, куда ему сѣсшь —
 Все кружишся еще надъ конями
 Кони робко поникли главами.

Голубь сълъ — вспрепенулся герой —

Сверхъесшесшвенность выше геройства!

Захрапѣлъ его конь боевой,

Добрый конь его полнъ безпокойства.

« Встаньте, брашцы! какъ спрашно мнѣ шупъ!

Знайше, брашцы: меня-по убьютъ!

Смерть мнѣ завшра, мнѣ смерть на сраженьѣ! »

И друзьямъ рассказалъ онъ видѣнье.

— Полно, брашъ! тебѣ чудилось шакъ:

Не въ просонкахъ ли кровь разыгралась? —

« Нѣшъ, друзья, не повѣрю никакъ:

Чудо чудное мнѣ не мечшалось!

Сердце шакъ не смущается сномъ

Голубь сълъ на конѣ на моемъ,

Вдругъ исчезъ — шо я видѣлъ глазами —

Смерть мнѣ, смерть! распрощайтесь мнѣ съ вами! »

Всѣ робѣють чудесной мечшы;

Говоряшъ ему: « Другъ, успокойся:

Конь швой будешъ убияшъ, а не ты!

Жаль коня, за себя ты не бойся!

Слушай: завтра не ъзди на немъ;
 Съ нами, брашъ, помѣняйся конемъ;
 Всякъ изъ насъ помѣняшься согласенъ —
 Чудный голубъ для насъ не опасенъ!»

— « Чшо мнѣ смерть? я глядѣль ей въ глаза,
 И крестомъ я за храброснь украшенъ!
 Мнѣ пошѣха сраженій гроза —
 Спрашно знаменье, голубъ-шо спрашенъ!
 Старый другъ мой, мой конь удалой,
 Борзый конь, не разстанусь съ тобой!
 Брашцы, долѣе насъ поживише!
 Вы шеперь мнѣ не нужны, усните!

« Добрый конь мой! шакъ насъ-шо убьюшь...
 Не видашь намъ ужь края роднаго!
 Намъ-шо буйныя головы шущь
 Положить среди поля чужаго!
 Насъ засыплють не Русской землѣй....
 Чшо же дѣлашь! еще мы съ тобой
 Загуляемъ средь браннаго поля —
 Тамъ да будешь Господняя воля!» —

Рашь съ побѣдой на родину шла

И со звучною пѣснью воинской;

Русь съ любовью сыновъ приняла....

Гдѣ жь остался герой Бородинскій?

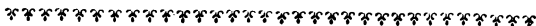
Нѣтъ героя! коня его нѣтъ!

Совершился видѣнья завѣщъ....

Сохранила погибшаго брата

Суевѣрная память солдата!

Баронъ Розенъ.

П Ъ С Н Я.

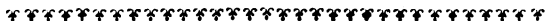
О, не плачь, не горюй,
Ты пригоженькая!
Не шужи, не тоскуй,
Ты хорошенькая!
Не грусти обо мнѣ:
Пощадишь на войнѣ
Меня вражій булань;
Я пріѣду назадъ,
Я *другой* не прельщусь,
Я къ *тебѣ* возвращусь!

О, не плачь, не горюй,
Ты, пригоженькая!
Не шужи, не тоскуй,
Ты, хорошенькая!

Слезъ горючихъ не лей;
Но молитвой своей
Ошъ меча и огня
Ограждай ны меня!
Возвращусь — погоди!
Я съ крестомъ на груди!

О, не плачь, не горюй,
Ты, пригоженькая!
Еще разъ поцѣлуй,
Ты хорошенькая!
Чу! труба раздалась!
Поцѣлуй еще разъ
На родной споронѣ
Вспоминай обо мнѣ!
Я *другой* не прельщусь,
Я къ шебѣ возвращусь!

* *

Н О Ч Ь.

Все днемъ роскошно: неба блескъ;
 Видъ рощи, зеленью одѣшый;
 Лазурныхъ струй лѣнивый плескъ,
 И воздухъ, солнцемъ разогрѣшый.
 Роскошенъ лучезарный день;
 Но мнѣ милѣй ночная пѣнь!
 Люблю я блѣдныхъ звѣздъ мерцанье,
 И мѣсяцъ, въ дымѣ облаковъ;
 Люблю я мракъ густыхъ лѣсовъ,
 И вѣтра шумъ и волнъ сменање;
 Люблю я голосъ соловья,
 И, вдоль излучистаго берега,
 Огни и пѣсни рыбака.
 Люблю я ночь! полною нѣгой
 Упоена душа моя!

Невольникъ дня, я имъ оковацъ,
Измученъ свѣтской суепои.
Я ночью царь! и какъ рабой,
Я мирной ночью избалованъ.
Чего не вымыслишь она,
Чтобъ ублажить мой ропнанья?
То шипиной вдохновена,
Мнѣ изрекаетъ прорпцанья;
То изголовье обовѣшь
Надеждъ блестящей пеленою;
То за падучю звѣздою
Воображенье увлечешъ:
Разлучишь съ скучною землёю!
То изумительной красой
Напомнишь Юга край далекой,
Свободу жизни кочевой,
И тайны жизни молодой,
И образъ дѣвы черноокой
То съ неба, на лучахъ луны,
Сведешъ прекрасное мечпанье;
То, обрапя мое вниманье
На однозвучный шумъ волны,
Ушишишь грусти съшованье
И подаришь златые сны

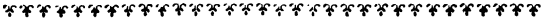
Разнообразны ихъ видѣнья!
 Въ нихъ все: пиры, черпоги фей,
 Волшебныхъ сказокъ приключенья,
 И лица милыхъ мнѣ людей,
 И мiръ добра и наслажденья!
 И счастливъ я, доколѣ день
 Мечтаній дивныхъ не разспрошъ,
 И снова душу не покроешь
 Земной существенности шѣнь.

Ш — б — з.

НА ПЕРЕВОДЪ ИЛАДЫ.

Слышу божественный звукъ воскреснувшей Эллиц-
 ской рѣчи —
 Спарца великаго шѣнь чую смущенной душой.

А. Пушкинъ.

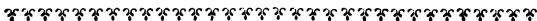

КАРТИНА: LA TOILETTE.

Невинно радуюсь молодой,
 Священной дѣвственной природѣ —
 Въ сей нагошѣ заповѣдной,
 Въ сей поэтической свободѣ!
 Гляжу на чудныя красы!
 Съ какой любезностію ловкой
 Ты чешешь длинныя власы!
 И грудь, шѣснямая спуровкой,
 Полуоткрыта и пышна —
 Какъ будто розовыхъ двѣ почки
 Глядяшъ изъ складокъ оболочки! —
 Въ избыткѣ роскоши она
 Выходитъ, жизнью полна,
 Изъ-за каймы швоей сорочки,
 Подъ черной шучею власовъ —
 Какъ море нѣги изъ береговъ!
 Младой подобная богинѣ,
 Ты шакъ спокойна при мужчинѣ!

Когда бь нежданно опшь лучей
 Моихъ воспорженныхъ очей
 Зажегся жизни пламень яркой
 Въ пвоихъ очахъ, и шы бы вдругъ
 Дохнула юноспію жаркой —
 Тогда бь увидѣлъ я, мой другъ,
 Твою внезапную спыдливосшь,
 Твоихъ движеній спрахъ и живосшь —
 Ты вмигъ накиннула бь власы
 На эши полныя красы!....
 О, нѣшь! съ невинносшію дѣшской,
 Въ незнаньи суешносши свѣшской,
 Не испугалася бы шы
 Своей прекрасной нагошы!
 Новорожденное шворенье,
 Умильной радости полна,
 Ты бь озиралась въ удивленьѣ,
 Какъ первородная жена!
 Ты бь опдалась земной судьбинѣ;
 Ключемъ въ груди забила бь кровь —
 И *первымъ* чувствомъ, при мужчинѣ,
 Была бь не робосшь, а любовь.

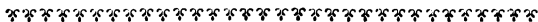
Баронъ Розень.

П Е Р Е М Ъ Н А.

Зарапъ къ жизни охладѣвъ,
 Зарапъ сердцемъ усшарѣвъ,
 Я думалъ: мннула пора
 Любви, славы и добра.
 Мнѣ спалъ знакомъ короче свѣшъ;
 Я оцѣнилъ толпы привѣшъ, —
 И въ ненарушимой пиши
 Самосшояпельной души,
 Надеждъ обманушыхъ моихъ
 Зовъ искусшительный зашихъ;
 Казалось, гордый мой языкъ
 Ошъ нѣжныхъ, спрасшныхъ словъ опшыкъ.
 Напомнишь мнѣ взялась *она*
 Мои зланыя времена —
 Опяшь кипишь, какъ прежде, кровь!
 Опяшь мечшы, опяшь любовь!

В. Щастный.

КЪ * * *

Она чего-то все ждала;
 Не дождалась — и умерла.

Козловъ.

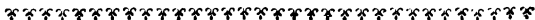
Нѣтъ, нѣтъ, дождешься!.... Вѣрь шокѣ:
 Она пророчество святое!
 Въ ней, какъ въ завѣшномъ пайникѣ,
 Лежитъ грядущее нѣмое.

Заговоришь оно въ свой срокъ
 И оправдаешь Провидѣнье;
 Бышь можешь, часъ шокъ, не далекъ —
 И совершился назначенье.

Но ты шокъ свою люби,
 И хладомъ суешныхъ желаній
 Не засуди, не погуби
 Плодовъ надеждъ и испытаній.

Однимъ любимцамъ неба въ даръ
Испосланъ сей недугъ душевный :
Онъ бережетъ священный жаръ
Отъ прозы жизни ежедневной.

Князь Вяземскій.

М Е Д В Ъ Д Ъ .

Медвѣдя по дворамъ Цыганъ водилъ плясашь.
 Въ деревнѣ Русскую медвѣдь увидѣвъ пляску,
 Самъ захопѣлъ ее, затѣйникъ, перепяшь.

Медвѣди, нечего сказашь,
 Ловки перенимашь.

Вошь разъ, какъ днемъ Цыганъ на солнцѣ спалъ
 въ распяжку,

Мой Мишинька поднялся на дыбки,
 Плапокъ хозяйскій взялъ онъ въ лапу,
 Изъ-подъ Цыгана вынулъ шляпу,

Набросилъ на бекрень, какъ хвапы-ямщики —
 И, пощупвши ногой, медвѣдь плясашь пустился.

« А?, каково! » Барбосу онъ сказалъ.

Барбось въблизи на эшошь разъ случился;
 Собака умный звѣрь, и пляски онъ видалъ.

« Да, плохо! » песъ-Барбось медвѣдю опвѣчалъ.

— « Ты судишь строгаго, брашь! » собакѣ молвилъ

Мишка:

« Я чѣмъ не молодецъ пляшу? »

Чѣмъ хуже, какъ вчера плясалъ ямщикъ вашъ
Гришка?

Гляди, какъ ловко я плашкомъ машу,
Какъ выступаю важно, плавно! . . . »
« Ай, Миша! славно, славно!

Такого плясуна

Еще не видѣла вся наша спорона!

Легокъ ты, какъ цыпленокъ! »

Такъ кликнулъ мимо шумъ бѣжавшій поросенокъ.

Порода ихъ, извѣстно, какъ умна!

Но Миша,

Судъ поросенка слыша,

Задумался, вздохнулъ, шрудилъ пересталъ

И съ видомъ скромнымъ самъ съ собою бормошалъ:

« Хулишь меня собака, шо не чудо:

Успѣху самъ не очень вѣрилъ я.

Но если хвалишь ужь свинья —

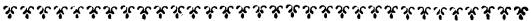
Пляшу я вѣрно худо! »

Бышь можешь, и людьми за правило взяшо

Медвѣжье слово золотое:

Какъ умный чшо хулишь, навѣрно худо шо:

А хвалишь глупый — хуже вдвое!

МИЛОЙ НЕЗНАКОМКѢ.

1.

Какъ иногда, въ прекрасный вечеръ лѣта,
 Плѣняетъ насъ волшебный блескъ луны:
 Такъ при тебѣ полна душа Поэта
 Прелестныхъ пайицъ и свѣтлой пишины!

Ты для меня не мѣръ, дополь незримый,
 Съ могучею приманкой новизны;
 Ты мнѣ цвѣпокъ знакомый и родимый —
 Явленный ликъ завѣтной снарины!

Мнѣ говоряшь: ты божество младое!
 Со всѣхъ сторонъ тебѣ гремишь хвала;
 Мнѣ говоряшь: « ты солнце золотое!
 Твой свѣтлый взоръ — Амурова стрѣла!

Плѣняешь ты невинностью прекрасной;
 Всегда въ рѣчахъ любезна и ловка,
 И арфою владѣешь сладкогласной,
 И въ танцахъ ты, какъ Грація, легка! »

Но я себя лишь вижу на гуляньѣ,
 По вечерамъ, порою у окна;
 Безмолвна ты, какъ сновъ моихъ созданье,
 И въ праурный покровъ облечена.

Такъ для меня таинственно и мило
 Блескишь твоей взоръ, какъ нѣжный лучъ луны:
 Ты для меня вечернее свѣщило,
 Богиня сновъ и ангелъ тишины!

2.

Въ шумѣ, въ блескѣ, средь веселій
 Многолюдной суебы,
 Вновь глаза мои узрѣли
 Спрятанный образъ красоты:
 Въ свѣпломъ платьѣ ты сіяла
 И привѣщій и свѣщій —
 Да, луна моя дышала
 Жаромъ солнечныхъ лучей!

Ликъ твой милый, ликъ твой полный
 Ярко вспыхивалъ порой —
 Будно огненные волны
 Ходящъ быстрой чередой
 Видъ ли милаго предмета
 Дѣвы сердце волновалъ?
 Иль хвалебный звукъ Поэта
 Душу скромную смущалъ?

Баронъ Розенъ.

Д В Ъ Р Ъ К И.

Изъ единаго истока
 На родную грудь земли
 Два кристальные потока
 Тихоспруйно истекли.
 Истекли — и разлучились;
 Но, кляня враждебный рокъ,
 Спруи вѣрные любилась,
 Помня свой родной истокъ.

На чужбины брегъ далекой
 Занесенъ съ своихъ полей,
 Такъ Наїи одинокой
 Издали журчалъ Пеней:
 « Жажда водъ моихъ, Наїя!
 Тамъ, гдѣ пы, луговъ краса,
 Спелешь спруи голубя, —
 Чисны ль, свѣшлы ль небеса?

« Токъ мой ясенъ: надъ брегами
 Въ немъ глядишся пынный садъ —
 Розы, лавры и кипями
 Опягченный виноградъ.
 Облака сребромъ пренецущъ
 Въ зыбкомъ зеркалѣ спруи;
 Мимолетомъ часто блещущъ
 Бѣлокрылыя ладьи.

« Пѣсни слышашся живыя;
 Берегъ свѣшлый, но чужой,
 Имя звучное — Наїя!
 Повшоряешь за волной.

Много рѣкъ вокругъ змѣишся,
 Но ихъ покъ неуженъ мнѣ,
 И волна моя спремишся
 Лишь къ Налипной волнѣ.

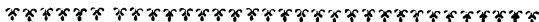
« Скоро ль, скоро ль вождедѣнный,
 Топъ проглянешъ ясный день,
 Какъ съ чужбины, упоженный,
 Пришеку въ родную сѣнь?
 Съ шой же ль лаской друга примешь?
 Вѣрно ль покъ успалый мой
 Ты съ любовію обнимешь
 Неизмѣнною волной? »

Изъ родныхъ полей Наля
 Другу такъ журчишь въ ошвѣшъ:
 « Любяшь волны голубыя,
 Но грозишь преградой свѣшъ.
 Опъ швердишь: « Дары любви
 У меня не суждены
 Ни сердцамъ единой крови,
 Ни рѣкамъ одной волны. »

— « Упечемъ же въ снопъ изгнанья,
 Гдѣ ни скалъ, ни камней нѣтъ;
 Гдѣ любовнаго сліянья
 Не услышишь спрогій свѣтъ.
 Если жь тамъ мы беззащитно
 Волкъ своихъ не можемъ слить:
 На себѣ клянусь неслипно
 Токъ швой дѣвственый носить !

« Скрывшись въ дебри, въ мракъ лѣсеный,
 Ясныхъ волкъ швоихъ красу,
 Какъ елей прозрачно-чистый,
 Не слявъ, шуда снесу —
 Гдѣ всѣ рѣки пришекаютъ
 Со чешѣрехъ міра спранъ,
 И печенія сливаютьъ
 Въ безграничный океанъ! — »

С. Ш.

О К Т А В Ы.

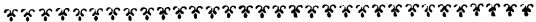
Облачена одеждой голубою,
 Съ огнемъ въ очахъ и въ камняхъ дорогихъ,
 Обвивъ меня лелѣющей рукою,
 Сидѣла ты въ объятіяхъ моихъ —
 Прекрасною лазурною рѣкою,
 Изъ береговъ изшедшею своихъ,
 Ты жизнь мою любовью попопляла....
 Ахъ, чшò въ пошъ мигъ душа моя узнала!

Насъ пробудилъ музыки сладкій громъ —
 Живой призывъ на игры Терпсихоры!
 Блесня, вѣлсь на звукъ пласовомъ,
 Ты на меня порой мешала взоры;
 И шамъ еще, любовнымъ языкомъ,
 Они вели съ моими разговоры....
 И ты — своей одеждой и лицомъ —
 Какъ солнца ликъ на небѣ голубомъ!

И я съ побой сжился, какъ птица съ кѣшкой . . .
 Два смершныя въ раю — осынены
 Цвѣщущихъ лицъ таинственной бесѣдкой,
 Мы оба . . . ночь . . . одинъ надзоръ луны
 За нашу невинностію рѣдкой;
 И запахъ розъ и ангельскіе сны,
 И скромныя вокругъ снаца рукъ обвивы,
 И нѣжности прекрасныя порывы! . . .

Двѣнадцать лѣтъ прошли . . нашъ міръ ощцвѣлъ—
 И мы давно забыли другъ о другѣ,
 И сердца дѣшскій голосъ огрубѣлъ
 На что мнѣ знашь, гдѣ ты! въ *ужой супругѣ*
 Узналъ бы я — кого бѣ узнашь хотѣлъ!
 Зачѣмъ себя я вспомнилъ на досугѣ! —
 Не вспомнилъ бы, но встрѣшилась со мной
 Красавица въ одеждѣ голубой.

Баронъ Розенъ.

ВЪРА и СОФІЯ.

Союзъ Вашъ крайностей есть смежность,
 И шѣмъ надежныѣ, чѣмъ другой:
 Однообразность — принадлежность
 Толпы безцвѣтной и нѣмой.

Для Васъ, для избранныхъ немногихъ,
 Судьбы иное обрекли:
 Въ игрѣ проповорѣчій спротивныхъ
 Стихію дружбы Вы нашли.

Вы другъ на друга не похожи,
 И шѣмъ Вы обѣ хороши,
 И шѣмъ для глазъ Вы шакъ пригожи,
 Такъ любопысны для души.

Таясь Вашихъ свойствъ залогъ
 И въ самыхъ Вашихъ именахъ:
 Чпо ждешъ Васъ вдоль земной дороги,
 Найдемъ въ завѣсныхъ шѣхъ словахъ.

Вы, Вѣра, чѣмъ-то безопчешнымъ,
 Нензяснимымъ бышь должны —
 Какимъ-то паянствомъ безплошнымъ,
 Явленьемъ чуждой спороны.

Хошимъ ли выразишь Васъ словомъ,
 Или оцѣнишь оцѣнкой глазъ —
 Подъ свѣтло-сумрачнымъ покровомъ
 Вы ускользаете отъ насъ.

Психея, Пери, или Сильфида,
 Съ младымъ раздумьемъ на челѣ,
 Безъ цѣли, видимаго вида,
 Вы тайно вѣшесь по землѣ.

Вы вѣснаго започенья,
 Неосязательны уму,
 И лишь въ мишушны опкроведья
 Доступны сердцу одному.

Софія! Васъ назвашь и съ Вами
 Недоумѣнью мѣста нѣтъ:
 На Васъ прекрасными чертами
 Свѣплѣешь мудрости поршрешъ!

Вы Испина въ изящномъ мѣрѣ,
 И чуждымъ шолько слѣпошы
 Глазамъ, какъ дважды два чешыре,
 Вы Аксиома красшы.

Лице и умъ у Васъ согласны,
 Они равно озарены:
 Вы убѣдительно - прекрасны,
 Вы положишельно умны!

Съ своей осанки величавой
 На жизнь гядише свысока,
 Съ усмѣшкой мудрой и лукавой,
 Смѣпешь ей изподшишка.

Не ослѣпляясь блескомъ счастья
 И не спрашась его игры,
 Признашельно, но безъ приспрасшья,
 Вы жизни нѣжише дары.

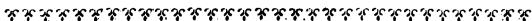
Для Васъ съ ихъ прелесью живою
 Земныхъ соблазновъ голосъ пѣмъ:
 Вы, обольщая всѣхъ собою,
 Не обольщаешься ничѣмъ.

Такъ въ дружбѣ Вѣры и Софіи
 Сожнулось чудное звено;
 Въ немъ жизни нашей двѣ спихіи
 Слились въ прекрасное одно.

Въ одной *таинственности* съ залогомъ
 Всего, что вѣ границы мірскихъ;
 Въ другой *дѣйствительности* съ ипогомъ
 Всѣхъ благъ, всѣхъ совершенствъ земныхъ.

Одна волнисто, своенравно
 Влечетъ насъ по своимъ слѣдамъ;
 Другая намъ самодержавно
 Велишь упасъ къ своимъ ногамъ.

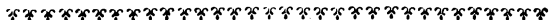
Князь Вяземскій.

КЪ МАРІИ.

Дитя мое! какимъ видѣнемъ
 Бываетъ сонъ въспревоженъ швой?
 Нерѣдко ты, въ пиши ночной,
 Вдругъ пробуждаешься съ волненьемъ
 И льнешь въ объятія къ родной!
 О! какъ тогда, любуясь вами,
 Молю Царя небесныхъ Силъ,
 Чѣшобъ васъ незримыми крылами
 Хранишель-Ангель осыпиль!....
 И знашь мольба моя привѣшно
 Въ надзвѣздноиъ мѣрѣ приняша:
 Ты засыпаешь; чупь примѣшно,
 Храняшъ невинныя усна
 Искуга слѣдъ, — лишь двѣ слезники,
 На разгорѣвшихся щекахъ,
 Блѣсшаяшъ, какъ чистыя росинки
 На пѣжыихъ розовыхъ лиспкахъ.

В. Вердеревскій.

СТАРЕЦЪ и ЮНОША.

День занялся; свѣшаетъ въ шюрмѣ. Осужденный
невинно,

Спарецъ масшиный въ цѣляхъ спитъ передъ
казню своей!

Спитъ еще, и лицá выраженъе свидѣтель спокой-
ства,

И на высокомъ челѣ свѣшитъ великая мысль.

Плахи добычу — главу осѣняющъ кудри густыя,

Какъ бы сребрисный вѣнецъ — мученикъ
сподитъ вѣнца!

Юноша подлѣ него, разшерзанный грустью нѣмою...

(Не родителъ ему спарецъ, но нѣжный
ощецъ!)

Онъ проснулся, привсталъ и видитъ слезы пц-
помца;

Руку къ нему просянувъ, плакашь ему не
велѣль.

Онъ бесѣдуешъ съ нимъ о покорности воли Го-
сподней —

И про лучшую жизнь льещя небесная рѣчь.

Въ скорбную душу принявъ слова утѣшительной
Вѣры,

Очи плачкомъ осуша, юноша шарца спро-
силъ:

« Чшò же чувствовалъ ты, — повѣдай мнѣ груст-
ную правду —

Какъ чинали въ Судѣ смертный тебѣ при-
говоръ?

Былъ ли ты власпенъ душѣ не велѣшь вострепе-
нушься невольно —

Лишь тебѣ одному въ эшомъ повѣришь хочю! »

Шарецъ взглянулъ на него, улыбнулся тихо и
молвилъ:

« вмѣсто ошвѣща тебѣ, слушай шакой же
вопросъ:

Что почувствовалъ ты, узнавъ впервые, что
смерти

Родъ людской обреченъ — всякой живущей и
ты?

Тотъ же шебѣ приговоръ читала добрая няня;

Но смущала ль шебя смерти печальная
вѣсть? »

— Я то чувство забылъ; не упомяну того впечатанья...

Бывъ дитя, я тогда важности смерти не
зналъ! —

« Сыиъ мой! смарца душа естъ пошъ же младенецъ счастливый:

Смерти онъ слушаетъ вѣсть, зная, что
жизнь впереди! »

Баронъ Розенъ.

К О Н Е Ц Ъ.

